

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

**Вестник
Российского мониторинга
экономического
положения
и здоровья населения
НИУ ВШЭ
(RLMS-HSE)**

Выпуск 10

*Ответственный редактор
П. М. Козырева*

Москва 2020

УДК 316.4
ББК 60.5
В38

*Исследование осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ*

Редакционная коллегия:
П. М. Козырева, М. С. Косолапов, В. В. Радаев,
С. Ю. Роцин, Я. М. Рощина

Вестник Российского мониторинга экономического положения
и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 10 [Электронный
ресурс] : сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. — Электрон. текст. дан.
(объем 1,53 Мб). — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2020. —
142 с. : илл. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM), 12 см.
ISSN 2618-9046
ISBN 978-5-7598-2088-8

В десятый выпуск электронного издания «Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)» вошли работы, подготовленные на основании данных 27 волн панельного обследования российских домохозяйств RLMS-HSE за 1992–2018 гг.

В работах представлен сравнительный анализ социально экономического положения и поведения российских домохозяйств в 1994–2018 гг., исследования здоровья детей в многодетных семьях и трудовой мотивации россиян. Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов и открыты к дальнейшему обсуждению и дополнению.

Издание адресовано исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется результатами мониторинга RLMS-HSE.

УДК 316.4
ББК 60.5

doi:[10.17323/978-5-7598-2038-8](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2038-8)

ISSN 2618-9046
ISBN 978-5-7598-2088-8

©Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт социальной политики,
Центр лонгитюдных обследований, 2020

Содержание

Введение	5
<i>Воронин Г. Л., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О.</i> Российские домохозяйства: экономическое поведение, положение на рынке труда, социальное самочувствие (по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 1994–2018 гг.)	7
<i>Дорофеева З. Е.</i> Динамика здоровья детей из многодетных и немногдетных семей	95
<i>Рощина Я. М.</i> Мотивация труда в России (по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 2006–2018 гг.)	107
<i>Даминова Э. А.</i> Мотивация труда безработных и занятых в России	123
Сведения об авторах	140

Contents

Introduction	5
<i>Voronin G. L., Kiseleva I. P., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Evgrafova K. O.</i> Russian households: Economic Behavior, Position on the Labor Market, Social Well-Being (RLMS-HSE, 1994–2018)	7
<i>Dorofeeva Z. E.</i> Health Dynamics of Children in Multiple and Non-Multiple Families	95
<i>Roshchina Ya. M.</i> Work Motivation in Russia: RLMS-HSE, 2006–2018	107
<i>Daminova E. A.</i> Work Motivation Among the Employed and Unemployed in Russia	123
Contributors	140

ВВЕДЕНИЕ

«Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) представляет собой уникальное панельное обследование российских домохозяйств, начатое в 1992 г. и продолжающееся по сей день. Обследование проводится ежегодно по вероятностной, стратифицированной, многоступенчатой территориальной выборке, разработанной при непосредственном участии ведущих мировых экспертов. Выборка сформирована как репрезентативная на федеральном уровне. Объем выборочной совокупности в 2018 г. составил более 7000 домохозяйств и более 18 тыс. проживающих в этих домохозяйствах индивидов.

Десятый выпуск Вестника «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» содержит результаты аналитической разработки данных 27-й волны обследования (опрос респондентов проводился с октября 2018 по январь 2019 г.). Также в выпуск вошли научные работы, основанные на данных RLMS-HSE и освещающие такие проблемы, как здоровье несовершеннолетних в многодетных семьях в постсоветский период, мотивация труда среди населения Российской Федерации в целом и специально среди группы безработных. В работах, посвященных мотивации труда, использованы дополнительные модули обследования RLMS-HSE 2006, 2009 и 2018 гг., содержащие информацию по интересующим авторов вопросам.

Выпуск открывает коллективная статья, где представлен сравнительный анализ социально-экономического положения российских домохозяйств в 1994–2018 гг. Данные 27-й волны RLMS-HSE свидетельствуют о замедлении роста реальных доходов населения и, соответственно, о сокращении ежемесячных расходов домохозяйств. В структуре доходов россиян снижается роль государственных трансфертных платежей и увеличивается роль заработной платы. Расходы домохозяйств на продукты питания остаются на прежнем уровне, в то время как расходы на непродовольственные товары сокращаются. Доходы наиболее состоятельных домохозяйств превышают доходы наименее состоятельных в 2,7 раза, а расходы — в 4,7 раза. Уровень безработицы остается сравнительно низким, хотя коэффициент участия в рабочей силе продолжает снижаться. Мужчины продолжают занимать более выгодные позиции на рынке труда по сравнению с женщинами. Колебания социальных настроений россиян остаются незначительными, тем не менее растет доля тех, кто не удовлетворен своим материальным положением и не ждет каких-либо улучшений в ближайшем будущем.

Выпуск продолжает статья З. Е. Дорофеевой, посвященная сравнительному исследованию здоровья детей в многодетных и немногочетных семьях в 1994–2019 гг. Как показывает автор, в последние два десятилетия наблюдается позитивная динамика субъективной оценки здоровья детей, а также снижение уровня детской хронической заболеваемости во всех домохозяйствах, независимо от количества проживающих в них несовершеннолетних. В целом все большее количество детей посещают регулярные медицинские осмотры и все большее количество домохозяйств предпринимают те ли иные профилактические меры для укрепления здоровья несовершеннолетних. При этом весьма ощутимой становится разница между многодетными и немногочетными семьями в плане медицинских расходов. Если расходы на лекарства в этих группах почти одинаковы, то уровень расходов на лечение гораздо ниже в семьях с тремя и более детьми.

В статье Я. М. Рошиной затрагивается проблема мотивации труда в России. На основании данных RLMS-HSE за 2006, 2009 и 2018 гг. автор показывает, что ведущей мотивацией труда россиян остается размер заработной платы, далее идет гарантированная занятость, удобный график работы, хорошие отношения в коллективе и условия труда. Для лиц с законченным средним образованием, состоящих в браке, имеющих несовершеннолетних детей, более характерна мотивация, строящаяся вокруг размера оплаты и условий труда, в то время как люди с высшим образованием, не состоящие в браке и не имеющие детей, в большей степени мотивированы к труду возможностями личностного и карьерного роста. Автор демонстрирует взаимосвязь между ориентацией на саморазвитие (личностный и карьерный рост), высоким статусом занятости и высокой степенью удовлетворенности текущим местом работы.

Статья Э. А. Даминовой продолжает тему трудовой мотивации, обращаясь к сравнительному изучению мотивов труда среди занятых и безработных. Автор не находит существенных различий в мотивации труда этих двух групп на протяжении всего периода наблюдений (с 2006 по 2018 г.). Как и работа Я. М. Рошиной, проделанный анализ свидетельствует о том, что наличие детей и уровень образования оказывают на мотивацию труда более значимое влияние, чем текущий статус занятости (наличие/отсутствие постоянной работы). При этом работающие респонденты в большей степени, чем безработные, чувствуют себя мотивированными стабильной занятостью независимо от наличия детей или уровня образования.

Все представленные работы выполнены при поддержке программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

Воронин Г. Л., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О.

РОССИЙСКИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВА: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ПОЛОЖЕНИЕ НА РЫНКЕ ТРУДА, СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ (ПО ДАННЫМ РМЭЗ НИУ ВШЭ 1994–2018 гг.)

doi: 10.17323/978-5-7598-2088-8_7-94

Аннотация. В работе представлен анализ динамики социально-экономического поведения российских домохозяйств в период с 1994 по 2018 г. Как свидетельствуют данные RLMS-HSE, в 2018 г. темпы роста реальных доходов домохозяйств замедлились до 7,1%. Доля дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей снизилась до 40,8%; доля дохода от заработной платы, напротив, возросла до 46,5%. В 2018 г. средняя сумма ежемесячного дохода самых богатых домохозяйств в 2,7 раза превышала среднюю сумму ежемесячного дохода самых бедных.

В 2018 г. на 3,6% сократились ежемесячные расходы домохозяйств. При этом уровень расходов на продукты питания практически не изменился, в то время как расходы на непродовольственные товары сократились на 5,5%. Наблюдалось дальнейшее снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов, начавшееся в 2014 г. В 2018 г. расходы самых богатых превосходили расходы самых бедных в 4,7 раза.

К концу 2018 г. уровень безработицы снизился до 3,3%. Среди мужчин доля безработных уменьшилась до 3,2%, среди женщин – до 3,3%. При этом коэффициент участия в рабочей силе снизился на 0,9 п.п. и составил 81% взрослого населения. Как и в предыдущие годы, мужчины превосходили женщин по доле получающих тот или иной вид дохода и по величине среднего дохода от трудовой деятельности. В 2018 г. женщины зарабатывали 73,7% от среднего дохода мужчин.

В 2018 г. около половины респондентов (49,6%) были в той или иной степени удовлетворены жизнью, однако доля тех, кто был неудовлетворен своим материальным положением, выросла по сравнению с 2017 г. и составила 57,9%. Большинство респондентов (49,5%) не надеялись на улучшение своего материального положения. Несмотря на это респонденты были

меньше обеспокоены угрозой потери работы и выражали больше уверенности в возможности нового трудоустройства. В целом вырос уровень удовлетворенности работой.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, домохозяйство, доходы, расходы, потребление, занятость, безработица, социальное неравенство, социальные установки.

В 2018 г. ситуация в экономике характеризовалась неоднозначными, противоречивыми тенденциями. Несмотря на положительную динамику, Россия прожила год в ожидании ухудшения экономических перспектив. Удалось сохранить стабильность экономики в условиях негативных внешних влияний (санкции, волатильность на рынке нефти, угроза торговых войн, динамика на развивающихся рынках и др.). Но в то же время усилившееся санкционное давление медленно, но настойчиво сокращало возможности восстановления и дальнейшего развития экономики за счет внешних факторов. При этом политика властей по затягиванию поясов заметно снижала эффективность внутренних факторов экономического роста. Неопределенность в экономике и многих других сферах достигла нового максимума, создавая барьеры развитию позитивных процессов. О каком-либо серьезном улучшении экономической ситуации в будущем говорить было преждевременно. По ряду важных позиций прошедший год можно было охарактеризовать как год упущенных возможностей.

Согласно данным Росстата, прошедший год был не особенно благоприятным для российской экономики. Рост ВВП в 2018 г. ускорился с 1,6 до 2,3%. Это ускорение во многом было обусловлено разовыми факторами и не являлось устойчивым. Ключевыми драйверами экономического роста стали промышленность и строительство (вклад в экономический рост 0,6 и 0,3 п.п. соответственно). Позитивный вклад в динамику ВВП также внесли торговля (0,3 п.п.) и транспортная отрасль (0,2 п.п.), в то время как вклад сельского хозяйства был слабоотрицательным на фоне ухудшения урожая ряда ключевых культур (в первую очередь зерновых) и замедления роста выпуска продукции животноводства. Около 0,8 п.п. роста ВВП было обеспечено сектором услуг. По сравнению с предыдущим годом ускорение роста наблюдалось в финансовой и страховой деятельности, деятельности гостиниц и ресторанов, в то время как рост в сфере операций с недвижимым имуществом замедлился.

Увеличение выпуска продукции в промышленности в прошлом году происходило достаточно равномерно. Годовые темпы ее роста в течение года оставались в пределах 2–4% (в 2017 г. диапазон колебаний составил практически 9 п.п.). По итогам года положительную динамику продемонстрировали все укрупненные отрасли промышленности. Продолжался рост в добыче полезных ископаемых и обрабатывающих отраслях, темпы роста электроэнергетики и водоснабжения вернулись в положительную область после спада в 2017 г. В то же время структура роста промышленного производства в течение года менялась. Если в первой по-

ловине 2018 г. расширение выпуска продукции промышленности опиралось на обрабатывающие отрасли, то во втором полугодии драйвером роста стали добывающие производства. Производство сельскохозяйственной продукции в 2018 г. снизилось на 0,6% после двух лет уверенного роста (на 3,1% в 2017 г. и на 4,8% — в 2016 г.). Основную роль в снижении выпуска продукции в сельском хозяйстве в 2018 г. сыграла нормализация урожая зерновых после рекордных показателей предшествующих двух лет. Снижение выпуска продукции в растениеводстве не было компенсировано положительной динамикой животноводства.

В течение 2018 г. наблюдалось перераспределение источников экономического роста от внутреннего спроса к внешнему. Основной вклад в рост ВВП в 2018 г. внес потребительский спрос, который увеличился на 2,2% по сравнению с 3,2% в 2017 г. Оборот розничной торговли в 2018 г. вырос на 2,6% после 1,3% годом ранее, в том числе за счет расширения спроса на товары длительного пользования. Автомобильный рынок второй год подряд показал двузначный рост (на 12,8% в 2018 г. после 11,9% в 2017 г.). Рост оборота общественного питания ускорился до 3,6% в 2018 г. с 3,2% в 2017 г. Прочие компоненты потребительского спроса, которые включаются в показатель конечного потребления домашних хозяйств, в 2018 г. продолжили демонстрировать позитивную динамику, однако темпы их роста снизились по сравнению с 2017 г. На фоне ослабления рубля темпы роста импорта товаров и услуг снизились до 3,8% в 2018 г. после 17,4% годом ранее. При этом экспорт товаров и услуг продолжал уверенно расти (на 6,3% в реальном выражении после 5% годом ранее)¹.

Динамика, структура и дифференциация доходов домохозяйств

По данным Росстата, в 2018 г. инфляция в России ускорилась до 4,3% против 2,5% в 2017 г. Подорожало практически все. Так, цены на продукты питания выросли на 4,7%. При этом сильнее всего подорожали сахар (на 28,3%), яйца (на 25,9%), мясо (на 9,7%). Цены на непродовольственные товары увеличились на 4,1%. В этой категории больше всего подорожали табачные изделия (на 10,1%), бензин (на 9,4%) и медикаменты (на 4,6%). Рост цен на услуги составил 3,9%. При этом жилищно-коммунальные услуги подорожали на 3,7%, услуги связи — на 2,4%, а образовательные — на 8,4%. Заметим, что по итогам 2016 г. инфляция составила 5,4% (в 2015 г. — 12,9%, в 2014 г. — 11,4%, в 2013 г. — 6,5%, в 2012 г. — 6,6%, в 2011 г. — 6,1%).

На рис. 1 представлены данные об уровне инфляции за каждые двенадцать месяцев, начиная с 1996 г. (в процентах к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги). Рассматривая эти данные, следует учитывать, что в тот период инфляция была значительно менее острой, чем в 1992–1995 гг., когда показатели годовой инфляции оказывались постоянно выше 100%, а в ряде случаев превышали 1000% и 2000%. Начиная с 2000 г. постоянно наблюдались умеренные

¹ Картина экономики. Январь 2019 года // Министерство экономического развития РФ [сайт]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/2019120201> (дата обращения: 15.11.2019).

годовые уровни инфляции. В этот период уровень инфляции в России в целом снижался, за исключением 2007–2008 гг. и 2014–2015 гг., когда были отмечены инфляционные всплески, обусловленные экономическими кризисами, которые, однако, не привели к достижению чрезмерно высокого уровня инфляции.

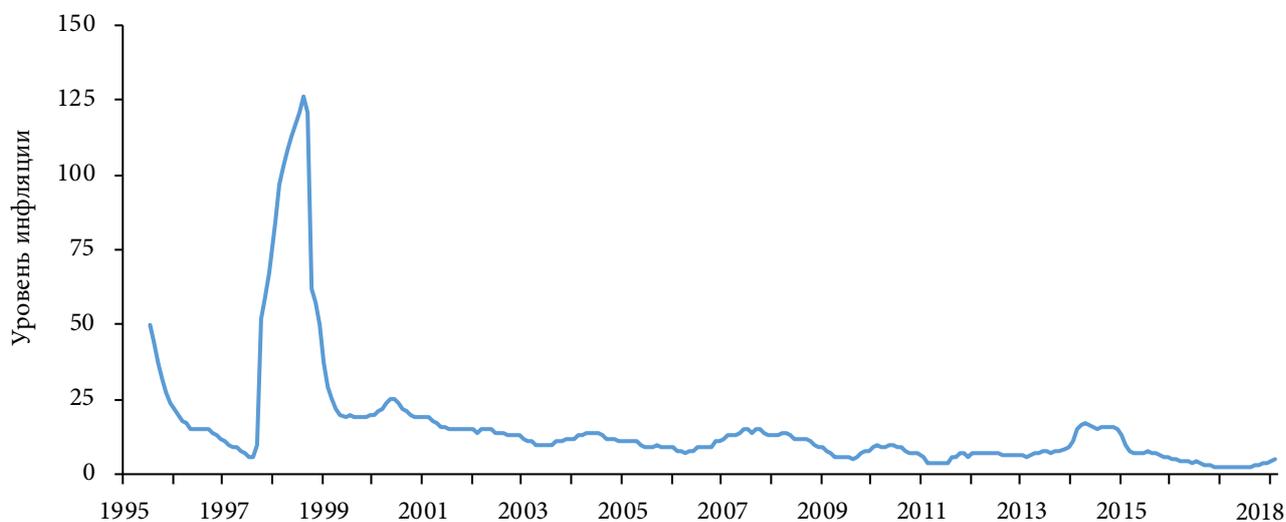

Рис. 1. Годовые (12 месяцев) уровни инфляции, январь 1996 г. — декабрь 2018 г., в % к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги

В связи с умеренным уровнем инфляции показатели доходов, зарплат и расходов в опросах RLMS-HSE в период с октября 2000 по декабрь 2018 г. достаточно точно отражают реальные экономические условия. Однако сведения о доходах и расходах в RLMS-HSE за 1998 г. и многие предшествующие годы собирались в период самой высокой и изменчивой инфляции. Об этом следует помнить, обращаясь к данным RLMS-HSE за 1998 г. и ряд предшествующих лет, при анализе и истолковании изменений в размерах реальных рублевых доходов и расходов.

На рис. 2 сравнивается индекс потребительских цен, который отражает изменения общей стоимости жизни для всех россиян, и прожиточный минимум для взрослого мужчины, составленный по среднероссийским ценам, за весь период проведения RLMS-HSE. При обращении к рисунку необходимо учитывать, что вертикальная ось представляет собой логарифмическую шкалу. Увеличение значений по этой шкале отражает соответствующие пропорциональные изменения.

Из представленных на рис. 2 данных видно, что с декабря 2017 г. по декабрь 2018 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился приблизительно на 1%, тогда как общий индекс потребительских цен — на 4,3%. Для сравнения заметим, что с декабря 2013 г. по декабрь 2014 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился на 9%, тогда как общий индекс цен вырос на 11,4%. Аналогичная картина наблюдалась и в следующем году. С декабря 2014 г. по декабрь 2015 г. черта бедности для взрослого мужчины повысилась только на 7%, в то время как общий индекс потребительских цен вырос на 12,9%. С декабря 2015 г. по декабрь 2016 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился только на 3,7%, тогда как общий индекс потребительских цен — на 5,4%. И наконец, с декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. этот рост составил 1,0 и 2,5% соответственно.

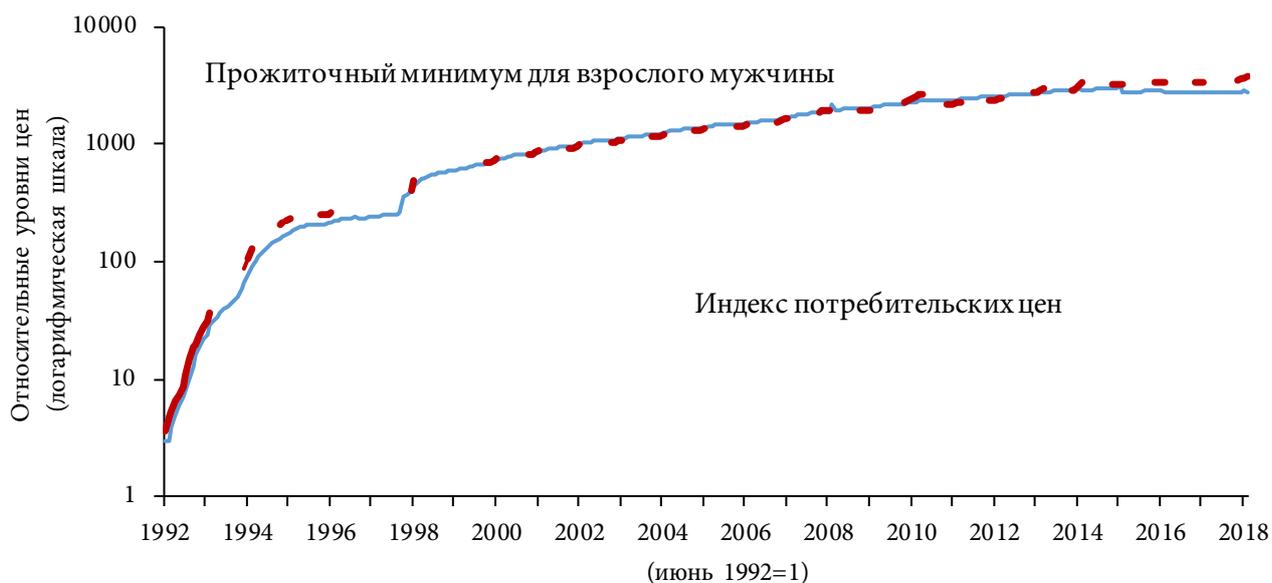

Рис. 2. Уровень цен по месяцам, июнь 1992 г. — декабрь 2018 г.

В данной работе размеры доходов, расходов и платежей за все годы проведения опросов приведены в ценах декабря 2018 г. с использованием ценового дефлятора Росстата (Индекс потребительских цен). В ряде случаев при выведении средних показателей не принимались во внимание экстремальные величины доходов и расходов. При этом следует помнить, что в начале 1998 г. произошла деноминация рубля, когда все старые цены в рублях были уменьшены в 1000 раз. В декабре 2014 г. произошло резкое ослабление рубля. На фоне валютной паники, вызванной действием совокупности мощных экономических факторов, главными из которых были экстремальное падение цен на нефть и введение экономических санкций со стороны западных государств, обменный курс рубля в середине декабря 2014 г. по сравнению с началом месяца вырос приблизительно с 49 до 67 руб. за один доллар и с 61 до 85 руб. за один евро. Затем последовал постепенный и неспешный откат.

Из данных RLMS-HSE, приведенных в таблице 1, следует, что в 2018 г. был выявлен очередной рост доходов российских домохозяйств. Если в декабре 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. средние реальные доходы российских домохозяйств немного сократилась — на 1,1%, то в декабре 2016 г. они выросли на 11,1%, а в декабре 2017 г. — еще на 10,6%¹. И наконец, в декабре 2018 г. вновь было зафиксировано повышение доходов домохозяйств на 7,1%. В результате этого роста средние реальные доходы российских домохозяйств оказались на 30,2% выше, чем в 2008 г., когда был достигнут пик потенциального роста экономики накануне длительного мирового финансового кризиса.

Характерно, что, как и во все предыдущие годы, рост доходов в 2018 г. был обусловлен главным образом увеличением размера заработной платы в различных секторах экономики и повышением социальных выплат. При этом доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей, т. е. социальных трансфертов, которые предоставляются населению из федеральных, региональных и местных бюджетов, государственных внебюджетных социальных фондов

¹ Под «домохозяйством», или «семьей», в данном исследовании понимаются люди, проживающие вместе и имеющие общие доходы и расходы.

(пенсии, стипендии, социальные пособия, компенсационные выплаты, льготы и т. п.), как и прежде, занимали доминирующее положение в структуре доходов российских домохозяйств.

Таблица 1

Структура совокупного дохода домохозяйств за 1992–2018 гг., в руб. декабря 2018 г.

Источники дохода	Период сбора данных							
	1992	1998	2004	2008	2011	2014	2017	2018
Доход от работы на государственных предприятиях	13 438	4273	7880	13 395	13 110	14 298	14 636	16 337
Доход от работы на частных предприятиях	848	2057	7416	14 028	14 654	13 930	18 280	19 280
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1719	1236	1852	2097	1765	1495	1795	2093
Общий доход от заработной платы	16 005	7565	17 148	29 715	29 815	29 723	34 711	37 710
Государственные трансфертные платежи	4449	3206	5807	9573	11 666	14 151	18 199	19 360
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1789	1404	2912	4256	2392	2326	3764	3611
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	1855	2511	1351	1461	1100	1152	1238	1657
Доход от продажи личного имущества	1239	450	739	464	457	403	137	91
Доход от сдачи личной собственности в аренду	20	40	129	232	222	301	369	327
Дивиденды	–	76	659	126	70	130	113	76
Помощь от родственников и благотворительная помощь	3418	1269	1881	3958	3124	2371	2898	2968
Общая сумма месячного дохода	28 771	16 522	30 626	50 540	49 480	50 558	61 429	65 800

К положительным факторам в отношении динамики доходов населения можно отнести, прежде всего, рост среднего уровня заработной платы, что в немалой степени объясняется определенным улучшением социально-экономического положения многих регионов. Исследование показало, что заработная плата, являющаяся основным источником доходов большинства российских семей, третий год подряд демонстрировала существенный рост. Так, совокупный месячный доход домашних хозяйств от заработной платы после сокращения в 2014–2015 гг. на 9,1% в декабре 2016 г. вырос на 10,6%, в декабре 2017 г. – на 11,8% и в декабре 2018 г. – еще на 8,6%. В результате такого последовательного и достаточно существенного роста совокупный доход российских домохозяйств от заработной платы достиг нового максимального значения за все время наблюдений в рамках мониторинга. В декабре 2018 г. величина данного дохода была на 26,9% выше, чем в декабре 2008 г. и декабре 2014 г.

Наряду с позитивными тенденциями на рынке труда росту заработных плат в реальном выражении в 2018 г. способствовали повышение минимального размера оплаты труда и индексация оплаты труда работникам бюджетной сферы (в том числе в результате исполнения майских указов президента от 2012 г.). Как и годом ранее, именно с повышением зарплат в государственном секторе для выполнения майских указов президента связывался некоторый опережающий рост доходов населения в до-

тационных и слаборазвитых регионах. В таких регионах среди занятых наблюдалась повышенная доля бюджетников, а зарплаты у них росли быстрее (в связи с выполнением указов президента). Кроме того, этим регионам не снижали объем трансфертов.

По данным мониторинга, в 2018 г. доход домохозяйств от работы на государственных предприятиях, также как и общий доход от заработной платы, третий год подряд демонстрировал позитивную динамику. Так, если в декабре 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. доход от работы на предприятиях государственного сектора сократился на 11,8%, то в декабре 2016 г. он увеличился на 8,2%, в декабре 2017 г. — на 7,3%, а в декабре 2018 г. — еще на 11,6%. В конце 2018 г. величина этого дохода была на 14,3% больше, чем в декабре 2014 г., и на 22% выше, чем в декабре 2008 г.

Примечательно, что доход домохозяйств от работы на частных предприятиях показывал в эти годы более значительную позитивную динамику. После сокращения в декабре 2015 г. по сравнению с тем же периодом 2014 г. на 1,9%, в декабре 2016 г. он вырос на 13,8%, в декабре 2017 г. — на 17,6% и в декабре 2018 г. — еще на 5,5%, достигнув нового максимума. В результате такого роста величина данного дохода в 2018 г. оказалась на 37,4 и 38,4% выше, чем в 2008 г. и 2014 г. При этом в конце 2018 г. доход домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора превышал доход от работы на государственных предприятиях на 18%, что было, однако, меньше, чем аналогичное превышение на 24,9%, зафиксированное годом ранее, но больше, чем преобладание на 13,9% в 2016 г. и превышение на 8,2% в 2015 г. До этого, в 2013—2014 гг., наблюдалась противоположная картина, когда доход домохозяйств от работы на государственных предприятиях немного превышал доход от работы на предприятиях частного сектора.

Что касается величины дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то она в последние годы менялась разнонаправлено: в 2014 г. наблюдалось сокращение на 4,3%; в 2015 г. — рост на 19,4%; в 2016 г. — новый рост на 3,7%; в 2017 г. — сокращение на 3%; в 2018 г. — вновь рост на 16,6%. В декабре 2018 г. после всех этих изменений величина дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности была на 40% больше, чем в декабре 2014 г., но немного меньше (0,2%), чем в декабре 2008 г., когда было зафиксировано максимальное значение.

Анализ выявил некоторое снижение весомости дохода от работы на частных предприятиях в общей структуре доходов российских домохозяйств от заработной платы. Так, в конце 2018 г. около 51% всех доходов домохозяйств от заработной платы поступало исключительно из частных источников, что было немного меньше, чем 53%, зафиксированных годом ранее, но больше, чем в 2014—2016 гг., когда данный показатель составлял от 47 до 50%. Доход домохозяйств от заработной платы на предприятиях государственной формы собственности в декабре 2018 г. составил около 43% всех доходов от указанного источника. Это было больше, чем 42% годом ранее, но меньше, чем в 2014—2016 гг. (от 44 до 48%). И наконец, на доход домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности в декабре 2018 г. приходилось менее 6% общего дохода от заработной платы. Это было немного больше, чем 5%, зафиксированных в 2017 г., и столько же, сколько было в предыдущие два года.

В целом ситуация на рынке труда характеризовалась активным ростом заработных плат как в социальном, так и во внебюджетном секторах. По оценке Росстата, рост реальной заработной платы за 2018 г. составил в целом 6,8% (в 2017 г. – 2,9%). Существенное увеличение темпов роста заработных плат в 2018 г. было связано в первую очередь с достижением соотношений, установленных указами Президента РФ в части повышения оплаты труда отдельным категориям работников бюджетной сферы. По оценке Минэкономразвития России, темп роста реальных заработных плат в социальном секторе экономики в январе–ноябре 2018 г. составил 16,8%, тогда как в частном секторе – 6,3% в реальном выражении. Дополнительными факторами роста заработных плат как в социальном, так и во внебюджетном секторах в 2018 г. стали индексация оплаты труда других работников бюджетной сферы и повышение минимального размера оплаты труда с 1 января и с 1 мая 2018 г. В конце года наметилась тенденция к стабилизации роста реальных зарплат¹.

По данным Росстата, самые высокие зарплаты были у жителей северных регионов. Несмотря на все экономические трудности и социальные преобразования, потерю ряда льгот и преференций, северные регионы, как и в советские времена, по-прежнему оставались конкурентоспособными на рынке труда. Хотя при этом нельзя не заметить, что высокие зарплаты здесь служат компенсацией высокого уровня цен. Что касается высоких зарплат в Москве и Санкт-Петербурге, то они объясняются расположением в этих мегаполисах центральных офисов почти всех крупнейших российских предприятий и штаб-квартир иностранных корпораций. Самые низкие зарплаты были традиционно в таких национальных республиках, как Дагестан и Карачаево-Черкесия, а также в некоторых субъектах Центрального федерального округа.

Анализ данных RLMS-HSE выявил в 2018 г. близкий к инфляции рост государственных трансфертных платежей (второго по значимости источника доходов россиян), не прекращающийся с 1998 г. Но если с декабря 2015 г. по декабрь 2016 г. они выросли на 11,8%, то в конце 2017 г. и 2018 г. их рост составил всего лишь 6,3 и 6,4% соответственно. Вместе с тем темпы роста были существенно выше, чем минимальные 1,5% в 2013 г. и 4% в 2014 г., но меньше, чем 8,2% в 2015 г. В 2018 г. доход домашних хозяйств от данного источника был на 36,8% больше, чем в 2014 г., и более чем в 2 раза выше, чем в 2008 г.

Как и в предыдущие годы, рост государственных трансфертных платежей обеспечивался главным образом повышением пенсий, составляющих их основную часть. Вместе с тем пенсии, как и другие социальные выплаты, внесли слабый вклад в динамику реальных располагаемых доходов населения, что было связано с превышением фактически сложившегося среднегодового уровня инфляции в 2018 г. над уровнем инфляции базового года, а также с высокой базой 2017 г., сформировавшейся в результате единовременной выплаты всем пенсионерам в размере 5 тыс. руб.

Индексация пенсий касалась только неработающих пенсионеров. Небольшие надбавки работающим пенсионерам осуществлялись только за счет страховых взносов работодателя. Если в 2010 г. страховую (трудовую) пенсию по-

¹ Картина экономики...

вышли на 6,3%, то в 2018 г. — только на 3,7%. Это превысило фактическую инфляцию 2017 г., составившую 2,5% в годовом исчислении. Социальную пенсию в 2010 г. поднимали на 12,51%, а в 2018 г. — всего лишь на 2,9%.

Согласно данным Росстата, по итогам 2018 г. реальный размер пенсий в России вырос на 0,8% без учета единовременной выплаты 2017 г. С учетом выплаты реальный размер пенсий за последний год снизился на 2,4%, но в номинальном выражении увеличился на 0,4% (с учетом единовременной выплаты пенсионерам в размере 5 тыс. руб. в январе 2017 г.). Падение реальных пенсий в 2018 г. стало первым с 2015 г. Средний размер назначенных пенсий в 2018 г. составил 13 360 руб. и вырос на 3,7% без учета единовременной выплаты. Что касается данных за декабрь 2018 г., то средний размер назначенной пенсии в этот период составил 24,3% от средней начисленной зарплаты по стране против 25,3% в декабре 2017 г. Средний размер назначенных пенсий в декабре 2018 г. составил 13 409 руб. и по сравнению с декабрем 2017 г. вырос на 3,6%.

По данным RLMS-HSE, в декабре 2018 г. был отмечен новый рост совокупного денежного и натурального дохода обследованных российских домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора, который составил по сравнению с декабрем 2017 г. 5,3%. Это было меньше, чем 19%, зафиксированных годом ранее, а также 10%, установленных в декабре 2015 г. и в декабре 2016 г., а также намного меньше, чем 25% в декабре 2014 г. Несмотря на такой длительный и существенный рост, в декабре 2018 г. величина совокупного денежного и натурального дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора была почти на 8% меньше, чем в декабре 2008 г., когда было зафиксировано максимальное значение.

Денежный доход российских домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора после снижения в конце 2014 г. на 30,7% в конце 2015 г. вырос на 10,3%, в конце 2016 г. — на 13,6% и в конце 2017 г. — еще на 29,1%. Однако в декабре 2018 г. было зафиксировано его сокращение на 4,1%. Примечательно, что в 2018 г. денежный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора был на 15,2% меньше, чем в более благополучном 2008 г.

В то же время натуральный доход российских домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора, после снижения в декабре 2014 г. на 9,6%, в декабре 2015 г. вырос на 9,7% и затем в декабре 2016 г. — еще на 2,8%. В декабре 2017 г. вновь было зафиксировано его снижение, которое составило 4,7%, однако в декабре 2018 г. был выявлен значительный рост величины данного дохода, достигший 33,8%. В декабре 2018 г. доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора был все еще на треть меньше, чем в декабре 1998 г. Если в декабре 2016 г. денежный доход от домашнего производства и неформального сектора превышал аналогичный натуральный доход более чем в 2 раза, то в декабре 2017 г. — уже более чем в 3 раза. Однако в декабре 2018 г. этот разрыв вновь сократился до 2 раз.

Помощь от родственников и благотворительная помощь, после сокращения на протяжении довольно длительного кризисного периода, в течение последних трех лет демонстрировала существенный, но стремительно снижающийся рост: в 2016 г. она возросла на 16,4%, 2017 г. — на 7,7% и 2018 г. — всего лишь на 2,4%. Но, несмотря на такой значительный общий рост, в декабре 2018 г. величина дохода российских домохозяйств от частных трансфертов все еще была на четверть меньше, чем в декабре 2008 г., когда было зафиксировано максимальное значение данного показателя.

На динамике общих доходов российских домохозяйств сказалось сокращение поступлений от собственности, в том числе от накоплений на депозитах в банковской системе. Последнее обстоятельство в немалой степени стало следствием снижения процентных ставок по вкладам на фоне заметного снижения инфляции. Другим важным фактором оказался рост объемов процентных платежей по банковским кредитам. Двухзначные темпы роста кредитования населения при сохранении процентных ставок по необеспеченным потребительским кредитам на высоком уровне подстегнули рост расходов домохозяйств на обслуживание долга. Выросли также платежи по ипотечным кредитам. И наконец, еще один существенный фактор – это увеличение иных обязательных платежей, включая налоговые выплаты. Повышение платежей по налогу на недвижимость, рост поступлений по налогам на доходы (на фоне их обеления) привели к росту прочих обязательных платежей. Указанные негативные факторы в большей мере сказались на доходах более обеспеченных категорий населения.

В ходе анализа данных мониторинга было выявлено существенное сокращение в декабре 2018 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года доходов домохозяйств от продажи личного имущества, сдачи личной собственности в аренду и дивидендов. При этом доход от продажи личного имущества после роста в конце предыдущего года на 28% в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. сократился в полтора раза. Но если обратиться к более ранним данным, то можно увидеть, что в 2018 г. величина дохода от данного источника была в 4,4 раза меньше, чем в 2014 г., в 8 раз меньше, чем в 2004 г. и в 14 раз меньше, чем в 1992 г. Доход от сдачи личной собственности в аренду, после увеличения в декабре 2017 г. по сравнению с тем же периодом 2016 г. на 37%, когда было достигнуто максимальное значение за все время проведения мониторинга, в декабре 2018 г. уменьшился на 11,4%. Значительным оказалось также сокращение дохода домохозяйств от дивидендов в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. – в полтора раза. В результате этого сокращения доходы домохозяйств от данного источника уменьшились до уровня 1998 г. Низкие показатели дохода домохозяйств от дивидендов во многом объясняются тем, что постоянно лишь некоторые респонденты в ходе опросов указывали значения данного источника дохода, тогда как абсолютное большинство опрошенных сообщали, что они не имеют доходов в виде дивидендов или страховых платежей.

Данные мониторинга, отражающие процентное соотношение различных источников дохода обследованных домохозяйств в период с 1992 по 2018 г., еще раз показывают, что основными источниками доходов населения на протяжении всех лет мониторинга являлись заработная плата и государственные трансфертные платежи (табл. 2 и рис. 3–6)¹. При этом особого внимания заслуживает тот важный факт, что длительное время весомость дохода домохозяйств от трансфертных платежей росла, тогда как значимость дохода от заработной платы постепенно снижалась. Так, за 2011–2016 гг. доля дохода российских домохозяйств от государственных трансфертных платежей увеличилась на 6,6 п.п. – с 35,4 до 42%, тогда как

¹ Данные, приведенные в таблице 2 и на рис. 3–6, основаны на средних данных о структуре дохода по домохозяйствам и не могут быть напрямую выведены из данных о среднем доходе, содержащихся в таблице 1. При использовании цифр из таблицы 1 соотношение среднего дохода из одного источника к среднему доходу в целом будет соответствовать средневзвешенным долям дохода домохозяйства, где веса пропорциональны общему доходу каждого домохозяйства.

доля дохода от заработной платы уменьшилась на 6,1 п.п. — с 51,1 до 45%. И только в конце 2017 г. были выявлены изменения, демонстрирующие начало обратной тенденции. За 2017–2018 гг. доля дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей сократилась на 1,2 п.п. (с 42% в декабре 2016 г. до 40,8% в декабре 2018 г.), в том числе за последний год на 0,1 п.п. В то же время доля общего дохода обследованных домохозяйств от заработной платы за последние два года увеличилась на 1,5 п.п. (с 45% в декабре 2016 г. до 46,5% в декабре 2018 г.), в том числе за последний год на 0,5 п.п. В результате этих изменений разрыв между долей месячного дохода российских домохозяйств от заработной платы и долей их аналогичного дохода от государственных трансфертных платежей увеличился с минимальных 3 п.п. в 2016 г. до 5,7 п.п. в 2018 г., т. е. почти в 2 раза.

Таблица 2

Распределение доходов по источникам, 1992–2018 гг., %

Источники доходов	Период сбора данных								
	1992	1998	2004	2008	2011	2014	2016	2017	2018
Доход от работы на государственных предприятиях	41,5	22,3	22,9	23,9	24,0	24,0	20,8	20,6	21,3
Доход от работы на частных предприятиях	2,3	8,0	16,9	21,1	24,1	21,4	21,6	23,2	22,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	5,1	5,3	4,7	3,3	3,0	2,3	2,6	2,2	2,4
Общий доход от заработной платы	48,9	35,6	44,5	48,3	51,1	47,7	45,0	46,0	46,5
Государственные трансфертные платежи	30,9	30,9	34,7	34,6	35,4	40,1	42,0	40,9	40,8
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1,6	5,6	7,1	5,3	3,9	3,5	4,2	4,6	4,3
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	7,8	17,8	5,5	3,9	2,6	2,4	2,5	2,0	2,3
Доход от продажи личного имущества	1,2	1,0	0,5	0,4	0,4	0,4	0,1	0,1	0,1
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,0	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,4	0,4
Дивиденды	–	0,3	0,3	0,3	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1
Помощь от родственников и благотворительная помощь	9,7	8,5	7,1	6,9	6,3	5,4	5,6	5,8	5,6
Общая сумма месячного дохода	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Анализ данных мониторинга также показал, что доля дохода российских домохозяйств от работы на государственных предприятиях, после последовательного сокращения за 2014–2017 гг. на 3,4 п.п. — с 24 до 20,6%, в 2018 г. увеличилась на 0,7 п.п. — до 21,3%. При этом доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора за последний год уменьшилась на 0,4 п.п. — с 23,2 до 22,8%,

хотя годом ранее был зафиксирован рост на 1,6 п.п. Доля дохода обследованных домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности все последние годы оставалась сравнительно небольшой. В период с 2008 г. по 2018 г. она колебалась в пределах 2,2–3,3%. При этом за последний год она практически не изменилась, увеличившись на 0,2 п.п.

Совокупная доля дохода российских домохозяйств от государственных или смешанных частно-государственных источников, включая трансферты и заработные платы, за последний год увеличилась с 63,7 до 64,5%, т. е. на 0,8 п.п. Этот рост произошел главным образом за счет увеличения доли дохода от работы на государственных предприятиях. Примечательно, что доля дохода от государственных или смешанных частно-государственных источников в декабре 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года уменьшилась на 1,7 п.п.; в декабре 2015 г. она составляла 66,1%, что было на 0,3 п.п. меньше, чем годом ранее.

Общая доля денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора за последний год не изменилась и составила в декабре 2018 г. 6,6%. При этом доля денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора уменьшилась на 0,3 п.п. — с 4,6 до 4,3%, тогда как доля аналогичного натурального дохода увеличилась на те же 0,3 п.п. — с 2 до 2,3%.

Анализ данных мониторинга также показал, что доля дохода российских домохозяйств от частных трансфертов, т. е. от помощи родственников и благотворительной помощи, после снижения с 5,4% в 2014 г. до 5,3% в 2015 г., в 2016 г. увеличилась до 5,6% и далее в 2017 г. — до 5,8%. Но к концу 2018 г. она вернулась к отметке 5,6%. И если рассматривать анализируемую ситуацию в целом, то говорить о каких-либо серьезных изменениях в данном случае не приходится. Что касается доли дохода обследованных домохозяйств от продажи личного имущества и сдачи личной собственности в аренду, то она за последний год не изменилась, составив минимальные 0,5%.

Данные RLMS-HSE, характеризующие динамику изменения удельного веса доходов от заработной платы и государственных трансфертных платежей в совокупном доходе российских домашних хозяйств за весь период, охватывающий 1992–2018 гг., представлены на рис. 3.

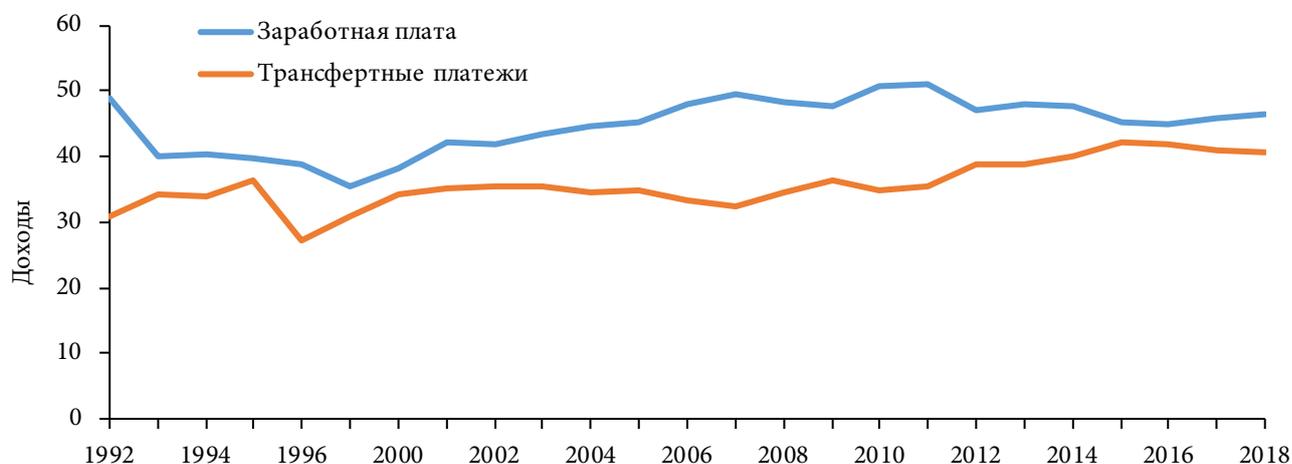

Рис. 3. Распределение доходов по источникам: заработная плата, трансфертные платежи, 1992–2018 гг., %

Эти данные вновь убеждают, что в России в кризисные периоды роль заработной платы в формировании совокупного дохода домохозяйств падает, а значимость государственных трансфертных платежей неизменно растет. Но при этом роль заработной платы в формировании доходов домохозяйств оказывается неизменно выше, чем государственных трансфертов, а наименьшими эти показатели были в середине 1990-х гг., т. е. в наиболее тяжелый для россиян кризисный период. Примечательно, что в 2018 г. доля дохода от заработной платы превышала долю дохода домохозяйств от государственных трансфертов на 5,7 п.п., в то время как наибольшей эта разница, достигающая 17,2 п.п., была в предкризисном 2007 г. За 2008–2016 гг. этот разрыв постепенно сократился до минимальных 3 п.п. (45% против 42%), но в дальнейшем вновь начал увеличиваться.

Согласно данным мониторинга, которые представлены на рис. 4, на протяжении всего периода исследования доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях и в организациях государственного сектора менялась намного меньше, чем доля дохода от работы на частных предприятиях. Единственным исключением являются 1992–1993 гг., когда экономика России претерпевала огромнейшие изменения. Но начиная с 1994 г. и по 2011 г. весомость дохода от работы в частном секторе, стремительно нарастая, достигла уровня дохода от работы в госсекторе.

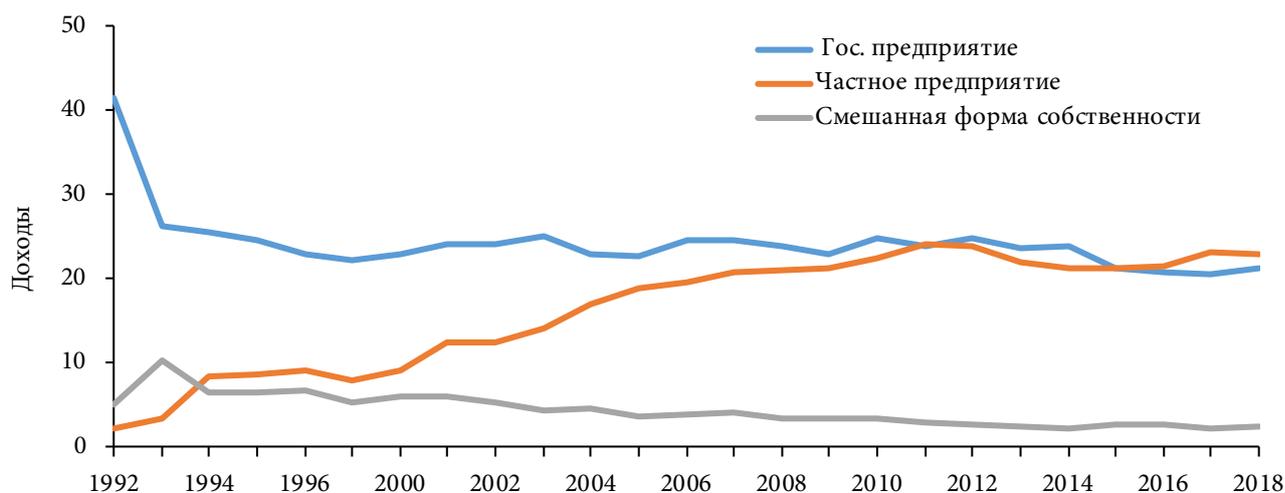

Рис. 4. Распределение доходов по источникам: государственные, частные предприятия, предприятия смешанной формы собственности, 1992–2018 гг., %

Если обратиться к данным рис. 4, характеризующим изменения, которые происходили в последние годы, можно увидеть, что доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях и в организациях госсектора, после сокращения в течение 2013–2017 гг. на 3,5 п.п. — с 24,1 до 20,6%, к концу 2018 г. увеличилась до 21,3%, на 0,7 п.п. В то же время доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора, вслед за увеличением за 2013–2017 гг. на 1,8 п.п. — с 21,4 до 23,2%, к концу 2018 г. уменьшилась до 22,8%. В результате этих изменений разрыв между данными показателями сократился до 1,5 п.п. Что касается доли дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности в совокупном доходе домохозяйств, то она в последние годы находилась на минимально низком уровне, меняясь в пределах очень узких границ.

На рис. 5 представлены данные, характеризующие изменения весомости денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора, а также дохода от помощи родственников и благотворительной помощи в формировании совокупного дохода российских домохозяйств.

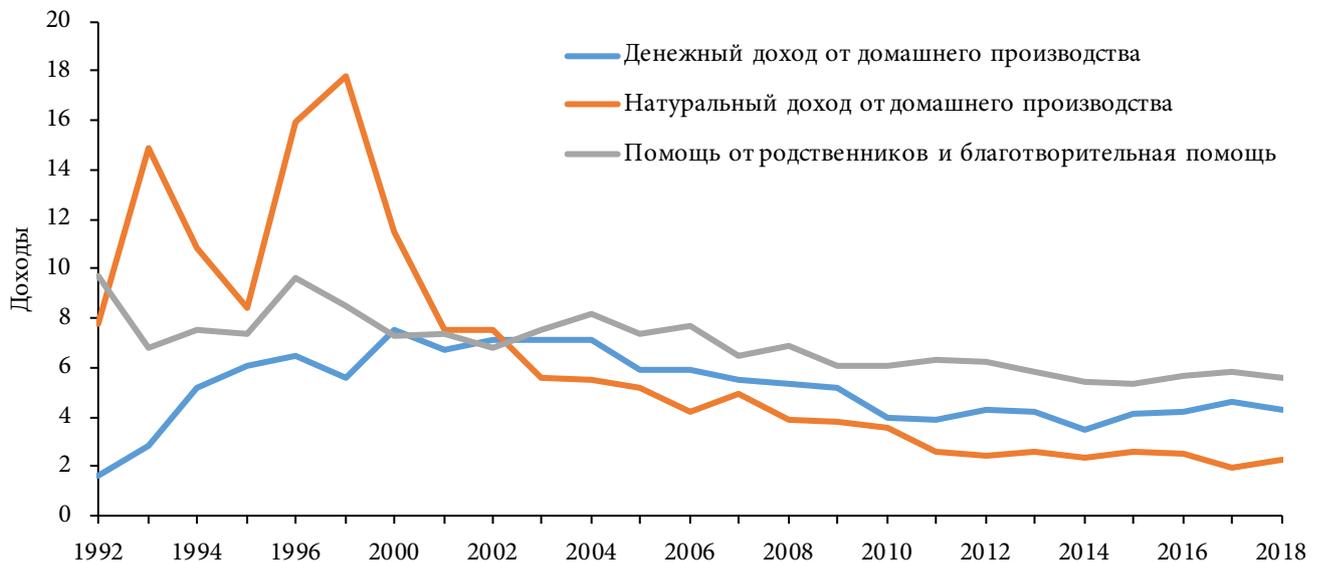

Рис. 5. Распределение доходов по источникам: денежный и натуральный доходы от домашнего производства, помощь родственников и благотворительная помощь, 1992–2018 гг., %

Данные рисунка показывают, что в течение всех последних лет динамика этих видов дохода домохозяйств оставалась крайне волатильной, но менялись их доли все же незначительно. При этом, несмотря на происходящие сдвиги, различия в уровне значимости анализируемых видов дохода не менялись. С начала 2000-х гг. денежный доход от домашнего производства и неформального сектора неизменно превосходил по своей доле натуральный доход от данного источника, но уступал доходу от помощи родственников и благотворительной помощи. Доля денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора, после увеличения с 3,5% в 2014 г. до 4,6% в 2017 г., к концу 2018 г. вновь уменьшилась до 4,3%. В то же время доля натурального дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора, после незначительных колебаний в течение длительно периода, за последний год увеличилась на 0,3 п.п. — с 2 до 2,3%. И наконец, доля дохода домохозяйств от помощи родственников и благотворительной помощи, т. е. от частных трансфертов, после уменьшения в течение 2011–2015 гг. на 1 п.п. (с 6,3 до 5,3%) к концу 2017 г. увеличилась до 5,8%, но за последний год вновь уменьшилась до 5,6%.

Значимость источников, играющих наименьшую роль в формировании совокупного дохода российских домохозяйств (доход от продажи личного имущества, доход от сдачи личной собственности в аренду и дивиденды), на протяжении всех последних лет менялась незначительно. Причем эти изменения были гораздо меньше, чем в начальный период, охватывающий 1992–2005 гг., когда разброс значений достигал максимальной величины. В течение 2006–2018 гг., как следует из данных, представленных на рис. 6, суммарная доля дохода домохозяйств от этих

источников не превышала 1%. Было видно, что новых драйверов роста доходов населения, позволяющих делать сбережения, очень мало, а ситуация в регионах кардинально не меняется.

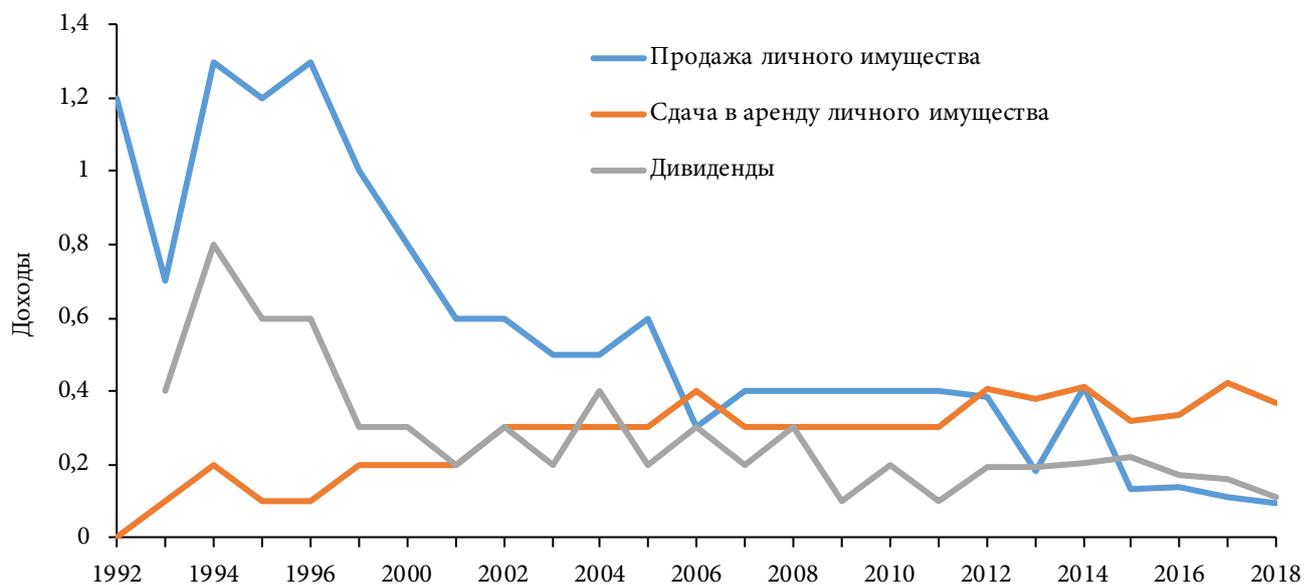

Рис. 6. Распределение доходов по источникам: продажа и сдача в аренду личного имущества, дивиденды, 1992–2018 гг., %

В целом складывалось мнение, что перемен в экономике, которые привели бы к значительному улучшению жизни и росту реальных доходов населения, нет. Прогнозы на следующий год были неутешительными. Такая непростая экономическая ситуация создавала проблемы всем слоям населения, но наиболее болезненно она ударила по средним и малообеспеченным группам. Граждане не спешили делать вклады, опасаясь девальвации рубля и других угроз. При этом значительной части населения просто нечего было нести в банки, сбережений попросту не осталось, и как бы стремительно ни росла доходность вкладов, существенно ситуацию это не меняло. Реальные располагаемые доходы россиян таяли, вырос уровень закредитованности, повысились тарифы и розничные цены, что не могло не отразиться на ситуации, складывающейся на рынке депозитов.

В таблице 3 представлены данные RLMS-HSE о процентном соотношении обследованных домашних хозяйств, получающих доходы из разных источников.

Данные таблицы свидетельствуют, что после продолжительного периода сокращения доли домохозяйств, имеющих доход от заработной платы (с 71,4% в 2010 г. до 63,8% в 2016 г., т. е. на 7,6 п.п.), в 2017 г. отмечен ее небольшой рост на 0,5 п.п. — до 64,3%. В 2018 г. этот показатель почти не изменился (64,4%). Когда речь идет о конкретных составляющих, то в первую очередь бросается в глаза то, что доля домохозяйств, получающих доход от работы на государственных предприятиях, в конце 2018 г. также мало изменилась, составив 38,4%. Не изменилась и доля обследованных домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности, которая, после достаточно длительного периода колебаний, в конце 2018 г., как и в 2017 г., составила 4,6%. В то же время доля домохозяйств, имеющих доход от работы на частных предприятиях, после

увеличения с 35,1% в 2016 г. до 37,9% в 2017 г., за последний год сократилась на 1,1 п.п. — до 36,8%. Но если рассматривать более длительные тенденции, то можно заметить, что в 2018 г. эта доля была меньше, чем в 2011 г., но выше, чем в 2008 г.

Таблица 3

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, 1992–2018 гг., %

Источники доходов	Период сбора данных								
	1992	1998	2004	2008	2011	2014	2016	2017	2018
Доход от работы на государственных предприятиях	64,9	42,1	43,0	44,7	44,0	43,7	38,8	38,3	38,4
Доход от работы на частных предприятиях	5,3	16,0	28,4	35,7	38,9	36,0	35,1	37,9	36,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	10,5	10,7	9,0	6,8	5,7	4,8	5,3	4,6	4,6
Общий доход от заработной платы	72,4	57,6	64,1	67,2	69,9	66,4	63,8	64,3	64,4
Государственные трансфертные платежи	86,5	60,3	76,8	73,1	68,9	73,0	74,7	73,4	72,6
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	15,2	24,1	24,4	17,8	14,8	13,8	15,2	14,7	13,8
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	56,3	62,9	50,5	44,3	37,9	39,9	40,5	37,9	38,2
Доход от продажи личного имущества	3,8	2,8	1,4	0,9	1,1	1,5	0,6	0,5	0,3
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,6	1,3	1,5	1,3	1,6	1,5	1,8	1,6
Дивиденды	–	1,1	1,1	1,0	0,9	2,3	1,4	1,9	1,3
Помощь от родственников и благотворительная помощь	34,7	25,5	29,0	27,8	27,5	26,9	26,9	26,5	26,5

Стоит обратить внимание также на прекращение в 2018 г. длительной тенденции, демонстрирующей довольно последовательное сокращение разрыва между удельным весом домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора и получающих доход от работы на частных предприятиях. Если в 2004 г. этот разрыв достигал 14,6 п.п., то к концу 2017 г. постепенно сократился до минимальных 0,4 п.п., и лишь к концу 2018 г. он вновь увеличился, но только до 1,6 п.п.

В 2018 г. было отмечено новое заметное сокращение доли домохозяйств с доходом от различных государственных выплат. В 2017 г. доля таких домохозяйств уменьшилась на 1,3 п.п. — с 74,7 до 73,4%, а в 2018 г. она снизилась еще почти на 1 п.п. — до 72,6%. В результате этого снижения было достигнуто одно из минимальных значений данного показателя за последнее десятилетие. До этого на протяжении всего кризисного десятилетия он менялся разнонаправленно.

В 2018 г., как и во все предыдущие годы, число домохозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора намного превосходило число домохозяйств, располагающих соответствующим денежным доходом. При этом на протяжении первых двух десятков лет наблюдалось сокращение удельного веса таких домохозяйств, но начиная с 2011 г. данные показатели менялись не столь определенно. В конце 2018 г. по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. доля домашних хозяйств, получающих натуральный доход от домашнего производства и домашнего сектора, практически не изменилась, увеличившись на едва заметные 0,3 п.п. — с 37,9 до 38,2%. В то же время доля домохозяйств с аналогичным денежным доходом сократилась за последний год на 0,9 п.п. — с 14,7 до 13,8%, т. е. до уровня 2014 г. Примечательно, что в 2018 г. число домохозяйств с натуральным доходом от данного источника превышало долю домохозяйств, располагающих таким же денежным доходом, в 2,8 раза, что было немного больше, чем 2,6 раза, зафиксированных годом ранее.

Практически не меняется на протяжении многих лет картина, характеризующая степень распространенности помощи российским домохозяйствам со стороны родственников и поступлений из различных источников благотворительной помощи. В конце 2018 г., как и годом ранее, получали доход из данного источника 26,5% обследованных домохозяйств. Это было лишь на 0,4 п.п. меньше, чем в 2014–2016 гг.

Анализ также показал, что в 2018 г., как и во все предыдущие годы, было небольшим количество домохозяйств, получающих какой-либо доход от сдачи личной собственности в аренду, продажи своего имущества и в виде дивидендов. При этом продолжилось дальнейшее сокращение удельного веса домашних хозяйств, получающих доход от продажи личного имущества, — с 0,5% в 2017 г. до 0,3% в 2018 г. В целом с 2014 г. это сокращение составило 1,2 п.п. После некоторого роста, зафиксированного годом ранее, доля обследованных домашних хозяйств, получающих доход от сдачи личной собственности в аренду, за последний год уменьшилась на 0,2 п.п. — с 1,8 до 1,6%, тогда как доля домохозяйств, имеющих доход в виде дивидендов, за этот же период сократилась на 0,6 п.п. — с 1,9 до 1,3%.

В таблице 4 доходы обследованных домашних хозяйств классифицированы по квинтилям душевого дохода. В ней приводится обобщенная информация об уровне реальных доходов внутри квинтилей. В последней строке верхней части таблицы показан средний доход по квинтилям распределения доходов в 2018 г. Нижняя часть содержит обобщенные сведения за 2017 г. о размерах и источниках доходов за этот год по квинтилям.

Из данных, представленных в таблице 4, следует, что если за 2017 г., как и за предыдущий год, рост реальных доходов произошел у домохозяйств всех квинтилей, то за 2018 г. доходы выросли у домохозяйств первых двух и последних двух квинтилей. При этом в 2018 г., как и в 2016 г., доходы бедных и малообеспеченных домохозяйств росли быстрее, чем доходы обеспеченных и богатых. Такая ситуация с поступлениями доходов у наиболее обеспеченных групп населения сказалась на общем показателе доходов. В декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. средняя сумма месячного дохода у домохозяйств первого и второго квинтилей выросла на 6,3 и 6,5% соответственно, тогда как у домохозяйств третьего квинтиля она уменьшилась на 0,2%, у домохозяйств четвертого квинтиля выросла на 3,8%, а у двадцати процентов самых обеспеченных домохозяйств увеличилась всего лишь на 0,8%. В 2017 г. наблюдалась противоположная картина.

Таблица 4

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода, декабрь 2018 г., %

Источники доходов	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Доход от работы на государственных предприятиях	24,3	18,3	18,0	19,8	26,8
Доход от работы на частных предприятиях	21,5	21,2	19,9	22,6	29,2
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1,7	1,4	2,5	2,7	3,5
Общий доход от заработной платы	47,6	40,9	40,4	45,1	59,4
Государственные трансфертные платежи	36,6	47,3	48,7	43,6	26,6
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	5,1	4,3	3,5	4,1	4,5
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	2,2	1,9	2,4	2,4	2,4
Доход от продажи личного имущества	0,1	0,1	0,0	0,0	0,2
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,4	0,1	0,2	0,3	0,9
Дивиденды	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2
Помощь от родственников и благотворительная помощь	7,8	5,4	4,7	4,5	5,7
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2018 г., в руб. 2018 г.	11 230	14 915	17 560	21 532	30 459
Общий доход от заработной платы, декабрь 2017 г.	46,8	39,5	43,0	45,2	56,2
Государственные трансфертные платежи, декабрь 2017 г.	36,4	48,5	47,2	43,3	27,9
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2017 г., в руб. 2018 г.	10 564	14 011	17 603	20 750	30 208

В 2018 г. преобладание дохода от заработной платы над доходами от других источников в наибольшей мере было характерно для домохозяйств полярных нижнего и верхнего квинтилей. При этом наибольшую роль зарплата играла в ходе формирования доходов обследованных домашних хозяйств, принадлежащих к самому богатому квинтилю. В то же время для домохозяйств второго и третьего квинтилей наиболее весомым источником дохода являлись постоянно растущие государственные трансфертные платежи. Во многом схожая картина наблюдалась в 2012–2014 гг., тогда как в течение 2009–2011 гг. заработная плата являлась наиболее значимым источником для домохозяйств всех квинтилей.

За последний год доля общего дохода от заработной платы немного увеличилась у домохозяйств первого и второго квинтилей (на 0,8 п.п. — с 46,8 до 47,6% и на 1,4 п.п. — с 39,5 до 40,9% соответственно) и более существенно у домохозяйств верхнего квинтиля (на 3,2 п.п. — с 56,2 до 59,4%), тогда как у домохозяйств третьего и четвертого квинтилей было отмечено снижение (на 2,6 п.п. — с 43 до 40,4% и на 0,1 п.п. — с 45,2 до 45,1% соответственно). Напомним, что годом ранее доля общего дохода от заработной платы наиболее значительно увеличилась у домохозяйств третьего и четвертого квинтилей (на 2,3 п.п. — с 40,7 до 43% и на 4,5 п.п. — с 40,7 до 45,2% соответственно), тогда как у домохозяйств самого бедного квинтиля — только

на 1,1 п.п. — с 45,7 до 46,8%. У домохозяйств второго квинтиля она сократилась на 1,7 п.п. — с 41,2 до 39,5%, а у двадцати процентов самых богатых домохозяйств — на 1,3 п.п. — с 57,5 до 56,2%.

В 2018 г., как и в предыдущие несколько лет, у домохозяйств крайних квинтилей, т. е. у наиболее и наименее обеспеченных, доля месячного дохода от работы на государственных предприятиях была заметно выше, чем у домохозяйств трех средних квинтилей. При этом если в 2017 г. самые богатые двадцать процентов домохозяйств превосходили по данному показателю двадцать процентов беднейших домохозяйств на 1,3 п.п. (25% против 23,7%), то в 2018 г. эта разница составила 2,5 п.п. (26,8% против 24,3%). И в то же время в 2018 г., как и годом ранее, по доле дохода от работы на частных предприятиях двадцать процентов наиболее состоятельных домохозяйств намного превосходили домохозяйства всех остальных квинтилей. Заслуживает внимания и тот факт, что если у домохозяйств беднейшего квинтиля доля дохода от работы на предприятиях государственного сектора существенно превосходила долю дохода от работы в частном секторе (24,3% против 21,5%), то у домохозяйств всех остальных квинтилей более весомой была доля дохода от работы на частных предприятиях. Это превышение составляло от 1,9 п.п. в третьем квинтиле до 2,8–2,9 п.п. во втором и четвертом квинтилях. Что касается дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то различия между домохозяйствами разных квинтилей по этому показателю были минимальными. Доля месячного дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности составляла 1,7% у домохозяйств беднейшего квинтиля и 3,5% у домохозяйств самого богатого квинтиля. Примерно такой же эта разница была и в 2017 г. (1,6 и 3,3% соответственно).

В 2018 г. государственные трансфертные платежи были наиболее важным источником дохода для домохозяйств трех средних квинтилей, а наименее значимым для двадцати процентов домохозяйств с самыми высокими доходами. Государственные трансферты составляли только немногим более четверти месячного дохода домохозяйств верхнего квинтиля и более трети месячного дохода домохозяйств нижнего квинтиля. Но наиболее зависимыми от государственных трансфертных платежей оставались домохозяйства трех средних квинтилей, которые от 43,6 до 48,7% своего общего месячного дохода получали за счет пенсий, различных пособий, стипендий и других социальных выплат. Причем за последний год зависимость домохозяйств всех квинтилей от доходов, формируемых за счет государственных трансфертов, практически не изменилась. Более или менее заметные изменения были отмечены только у домохозяйств третьего и верхнего квинтилей (рост на 1,5 п.п. и сокращение на 1,3 п.п. соответственно).

В 2018 г. денежный доход от домашнего производства и неформального сектора продолжал оставаться для российских домохозяйств всех квинтилей более важным источником, чем аналогичный натуральный доход. При этом денежный доход от домашнего производства и неформального сектора, как и в предыдущие годы, был более важен для домохозяйств первого и последнего квинтилей (5,1 и 4,3% соответственно), тогда как натуральный доход практически в одинаковой мере был важен для домохозяйств всех квинтилей (от 1,9 до 2,4% по квинтилям).

Примечательно, что помощь от родственников и благотворительная помощь были вновь наиболее значимыми источниками дохода не только для наименее обеспеченных, но и для наиболее обеспеченных домохозяйств. Если в 2017 г. по сравнению с 2016 г. доля дохода от данного источника у домохозяйств первого квинтиля выросла с 7,5 до 8,1%, то в 2018 г. она уменьшилась до 7,8%. В то же время у домохозяйств последнего квинтиля эта доля уменьшилась с 6,5% в 2016 г. до 6,2% в 2017 г. и далее до 5,7% в 2018 г. У домохозяйств трех средних квинтилей в 2018 г. данный показатель составлял от 4,5 до 5,4%. Поступления в бюджет домохозяйств от продажи личного имущества, от сдачи в аренду личной собственности и в виде дивидендов, как и во все предыдущие годы, в наибольшей мере были характерны для домохозяйств самого высокодоходного квинтиля. Но роль этих источников в формировании бюджетов обследованных домохозяйств всех квинтилей оставалась наименьшей.

В прошедшем году большинство граждан не видели положительного для своих семей эффекта от минимального роста экономики. В декабре 2018 г. средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,7 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных. Это было лишь немного меньше, чем 2,9 раза, зафиксированных в 2017 г., но ровно столько же, сколько было в 2016 г. Напомним, что этот разрыв был аналогичным в 2014–2015 гг., но гораздо меньшим, чем четырехкратное превышение, зафиксированное в 2013 г. До этого наблюдалось сокращение, с небольшими перепадами, данного разрыва с 7,5 раза в 1998 г. до 4,6 раза в 2012 г.

Практически не изменился за последний год разрыв по показателю средней суммы месячного дохода между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля. В 2018 г. он оставил 1,4 раза, что было столько же, сколько в 2016 г., но лишь немного меньше, чем 1,5 раза в 2017 г. В 2018 г., как и в предыдущем году, отрыв по анализируемому показателю домохозяйств верхнего квинтиля от домохозяйств третьего квинтиля составил 1,7 раза, тогда как в отношении домохозяйств второго квинтиля он сократился с 2,2 до 2 раз.

В таблице 5 представлено распределение обследованных домохозяйств, получающих доход от заработной платы из разных источников, по квинтилям душевого дохода. Представленные данные демонстрируют наличие довольно устойчивой картины квинтильной дифференциации домохозяйств по доходам от заработной платы, которая сложилась в последние годы.

Из данных таблицы 5, в частности, хорошо видно, что удельный вес домохозяйств с доходом от работы на предприятиях и в организациях частного сектора более или менее последовательно нарастал по мере повышения уровня материальной обеспеченности семей. В декабре 2018 г., как и в 2014–2017 гг., домохозяйства с наибольшими доходами указывали работу на частном предприятии в качестве основного источника своего дохода почти в полтора раза чаще, чем домохозяйства с наименьшими доходами. Обращает на себя внимание существенное сокращение за последний год доли домохозяйств, получающих доход от работы на частных предприятиях, в третьем и четвертом квинтилях (с 36,7 до 31,6%, т. е. на 5,1 п.п., и с 41 до 37,5%, т. е. на 3,5 п.п. соответственно). Что касается удельного веса домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора,

то данный показатель за последний год изменился по квинтильным группам незначительно. В декабре 2018 г. доля домохозяйств, получающих доход от заработков на смешанных государственно-частных предприятиях, последовательно нарастала с 3,1% в нижнем квинтиле до 6,8% в верхнем (в декабре 2017 г. – с 3,1 до 6,4% соответственно). В целом для более обеспеченных домохозяйств доход от заработной платы являлся более значимым источником дохода, чем для менее обеспеченных.

Таблица 5

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, по квинтилям дохода, 2006–2018 гг., %

Источники дохода	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Октябрь 2006 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	35,4	36,9	45,2	52,1	54,4
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	22,3	29,0	40,9	50,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,9	6,5	8,0	10,6	8,9
Ноябрь 2008 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	34,0	36,8	44,6	56,5	51,7
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	23,2	36,5	44,3	53,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,4	5,5	6,6	8,3	9,4
Ноябрь 2010 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,4	32,9	43,1	48,6	52,5
Доход от работы на частных предприятиях	26,0	27,9	33,2	39,7	52,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,8	5,2	8,5	9,5	8,2
Декабрь 2017 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	39,1	32,9	34,6	37,5	47,8
Доход от работы на частных предприятиях	35,2	32,4	36,7	41,0	44,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,1	3,7	4,5	5,3	6,4
Декабрь 2018 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,0	33,9	31,8	37,8	49,2
Доход от работы на частных предприятиях	33,7	35,7	31,6	37,5	45,9
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,1	3,3	4,5	5,6	6,8

Вместе с тем данные Росстата демонстрировали в 2018 г. некоторое увеличение показателей, характеризующих неравенство по доходам. Это могло означать, что Россия прошла самый низкий уровень социально-экономической дифференциации за последнее десятилетие. Так, за прошедший год децильный коэффициент фондов, т. е. разрыв в доходах между десятью процентами самых богатых граждан и десятью процентами самого бедного населения, увеличился с 15,2 до 15,5 раза, достигнув уровня 2016 г. До этого на протяжении длительного периода наблюдался достаточно устойчивый тренд, свидетельствующий о поступательном сокращении неравенства по доходам. Так, с 2007 по 2015 г. указанный показатель сократился с 16,7 до 15,7 раза.

Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), свидетельствующий о степени расслоения общества, в 2018 г. по сравнению с 2017 г. увеличился с 0,409 до 0,411, что было лишь немного меньше, чем 0,412, зафиксированных в 2016 г. В 2018 г. по сравнению с 2017 г. практически не изменились показатели, характеризующие распределение денежных доходов по двадцатипроцентным группам населения. Доля денежных доходов, приходящихся на первую группу (с наименьшими доходами), составила 5,3%, приходящихся на вторую группу – 10,1%, на третью группу – 15,1%, на четвертую группу – 22,6% и на пятую группу (с наибольшими доходами) – 46,9%. Таким образом, согласно данным официальной статистики, как и годом ранее, объем денежных доходов двадцати процентов россиян с наибольшими доходами был почти в 9 раз больше, чем объем денежных доходов двадцати процентов граждан с наименьшими доходами.

К наиболее социально уязвимым группам в России, как и в большинстве других стран, относятся семьи с детьми, сельские жители, пожилые, безработные, инвалиды. Но вместе с тем в России немало бедных встречаются и среди работающих граждан. Согласно данным RLMS-HSE, доля домохозяйств с доходом ниже официального прожиточного минимума в 2018 г. составила 1,7%, что было немного меньше 1,8%, зафиксированных в декабре 2017 г., но больше, чем 1,6% в 2016 г. Доля домохозяйств из числа обследованных с доходом меньше половины прожиточного минимума за последний год уменьшилась с 1 до 0,9%, тогда как доля домохозяйств с доходом от половины до 100% прожиточного минимума уменьшилась с 0,8 до 0,7%. Наибольшая доля домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума зафиксирована в Сибири и на Дальнем Востоке (3,2% против 2,9% в 2017 г. соответственно).

В 2018 г. жили в семьях с доходом ниже прожиточного минимума 2,8% российских детей в возрасте до 7 лет, что было больше, чем 1,8% в 2017 г. (минимум за все время наблюдений) и 2% в 2016 г. При этом в 2018 г. жили в семьях с доходом меньше половины прожиточного минимума 2,2% детей, а в семьях с доходом от половины до 100% прожиточного минимума – 0,6%. В 2017 г. эти показатели составляли 1,0 и 0,8% соответственно. Доля пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума, за последний год увеличилась с 0,7 до 1,9%. При этом доля пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше половины прожиточного минимума, увеличилась с 0,5 до 1%, тогда как доля пенсионеров, живущих в семьях с доходом от половины до 100% прожиточного минимума, выросла с 0,2 до 0,9%.

Заметим, что, по данным Росстата, численность населения с доходами ниже прожиточного минимума с 2012 по 2016 г. выросла с 15,4 до 19,5 млн человек, или с 10,7 до 13,3% от общей численности населения. Однако в 2017 г. число таких граждан сократилось до 19,3 млн человек, или до 13,2% населения, и далее в 2018 г. – до 18,9 млн человек, или до 12,9% от общей численности населения.

На рис. 7 показаны изменения в распределении душевого дохода в период с декабря 2017 г. по декабрь 2018 г. Показано соотношение реального дохода каждого перцентиля в 2018 г. к реальному доходу того же перцентиля в 2017 г. Рассматривая эти данные, следует учитывать, что на рисунке представлены данные душевого дохода, в то время как на предыдущих графиках и в таблицах использованы данные по доходам обследованных домохозяйств. В 2018 г. реальный душевой доход быстро рос в первых перцентилях и уменьшался с возрастающей скоростью по мере приближения к последним перцентильям.

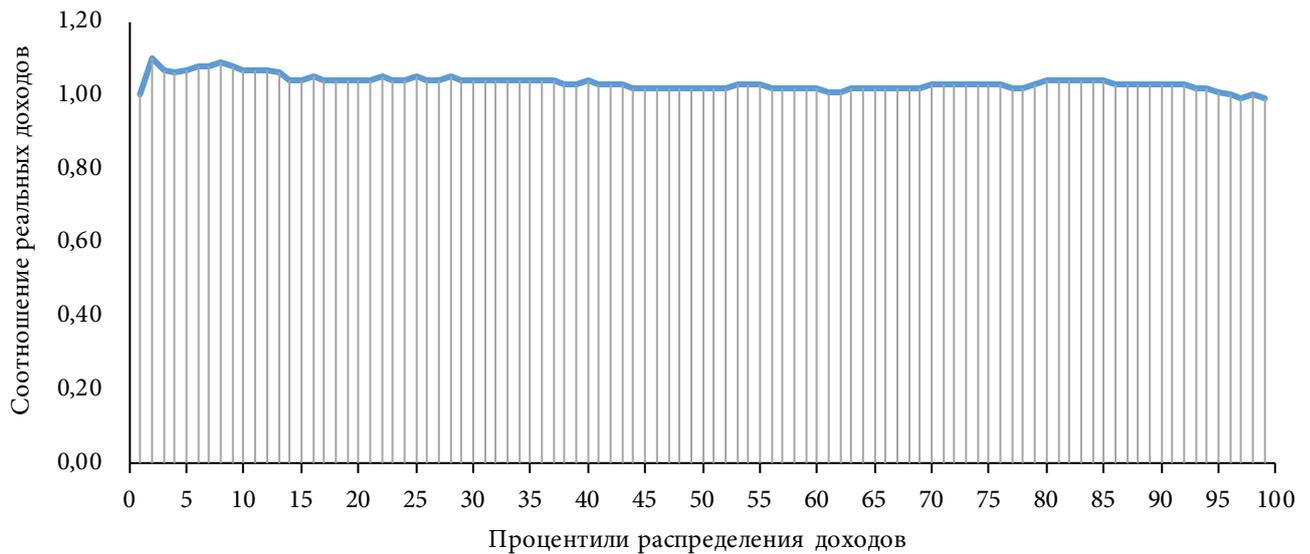

Рис. 7. Соотношение роста доходов каждого процентилля (реальный доход процентилля в 2018 г., деленный на реальный доход процентилля в 2017 г.), декабрь 2017 г. – декабрь 2018 г.

Данные, представленные на рис. 8, демонстрируют различия в показателях душевых доходов населения по данным RLMS-HSE и Росстата. Показатели Росстата свидетельствуют о значительных колебаниях в уровне реальных доходов населения. Многие такие значительные мерцания могут быть объяснены получением «тринадцатой зарплаты» и других выплат в конце декабря каждого года, поскольку в течение всех лет, представленных на рисунке, в конце года отмечаются значительные колебания доходов. В целом результаты обследования RLMS-HSE, основанного на общероссийской репрезентативной выборке, показывают значительно более низкий среднедушевой доход, чем данные Росстата.

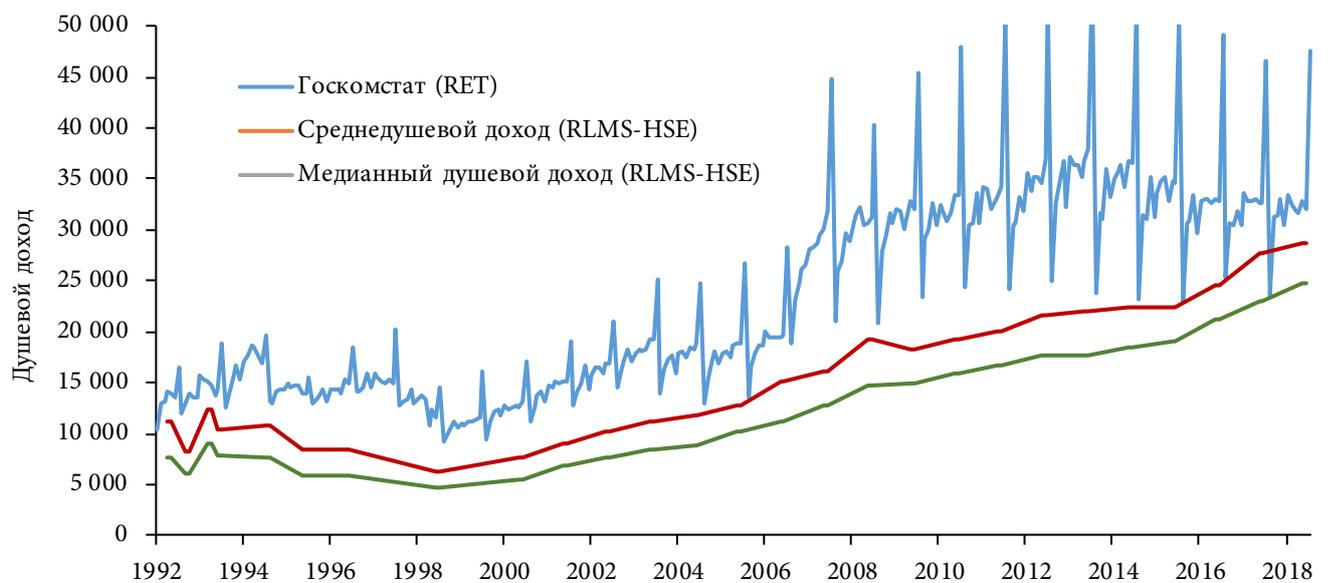

Рис. 8. Сравнение показателей душевых доходов по данным RLMS-HSE и Росстата, ежемесячный доход на душу населения, 1992–2018 гг., в руб. 2018 г.

На рис. 8 показан также медианный душевой доход домохозяйств по данным RLMS-HSE.

На момент проведения каждого опроса RLMS-HSE медианный душевой доход оказывался на 15–30% ниже среднедушевого дохода. Величина среднего дохода на душу не отражает действительного уровня доходов большей части населения России. Так, в декабре 2018 г. средний душевой доход (в руб. 2018 г.), по данным RLMS-HSE, был равен 28 695 руб., в то время как медианный душевой доход составил только 24 773 руб., т. е. на 13,6% меньше. Аналогичная картина наблюдалась и во все предыдущие годы.

Таким образом, в 2018 г. влияние неблагоприятных факторов на российскую экономику оставалось высоким, что вело к усилению неопределенности, ослабляющей внутренние резервы роста. Наблюдался небольшой рост доходов населения, обусловленный главным образом повышением зарплат и социальных выплат. Но переломить длительный тренд ухудшения жизни населения не удалось. Несмотря на то что среди регионов с растущими денежными доходами населения преобладали высокодотационные и слаборазвитые, а наибольший рост доходов пришелся на наименее состоятельные группы населения, проблема материального неравенства сохранила свою остроту. Наименее обеспеченные граждане, живущие от зарплаты до зарплаты и не имеющие ни дополнительных финансовых источников, ни возможности взять кредит, практически не изменили своего материального положения. Стагнация доходов населения, негативные последствия которой накапливаются не один год, становится одной из главных причин сокращения потребительского спроса и, соответственно, затухания экономической активности. При таком уровне доходов очень сложно рассчитывать на динамичное повышение качества жизни российских семей, увеличение вложений в развитие человеческого капитала, формирование эффективной системы социальной поддержки и пенсионного обеспечения.

Расходы домохозяйств

За годы длительного кризисного периода большинство россиян значительно сократили свои расходы или перешли на минимальный тип потребления. В 2018 г. особых улучшений в экономике они не наблюдали, продолжали жить в условиях материальной нужды и довольно пессимистично оценивали перспективы улучшения жизни своих семей. Для многих из них материальные трудности, подкрепляемые негативными ожиданиями, являлись факторами, сдерживающими рост потребительской активности. Небольшое оживление на потребительском рынке во второй половине 2018 г. объясняется во многом реализацией отложенного спроса, имевшего место в острую фазу кризиса, когда ожидалось обвальное падение доходов.

Многие российские домохозяйства в значительной мере сэкономили как бы по привычке. В результате более значительное потребительское оживление откладывалось, но не по причине нового кризиса, а в связи со сформировавшейся за годы экономии привычкой мало тратить и негативным новостным потоком о росте цен на бензин, об увеличении пенсионного возраста, повышении налогов на добавленную стоимость и т. п. Все это свидетельствовало о том, что в сложившихся условиях фундамент для роста потребительских расходов не был заложен. При этом сокращение расходов у лояльных покупателей показывало, что даже постоянные покупатели пока не были готовы существенно увеличивать свои траты.

Таблица 6

Ежемесячные расходы домохозяйств по отдельным статьям, 1992–2018 гг., в руб. декабрь 2018 г.

Категории расходов	Период сбора данных						
	1992	1998	2004	2008	2011	2017	2018
Расходы на продукты питания							
Молочные продукты	1395	888	1140	1558	1685	2243	2196
Мясо, птица, рыба	4631	2597	3540	4742	4752	5446	5691
Картофель	604	135	376	311	266	340	242
Хлеб	2217	1520	1450	1375	1074	1471	1464
Фрукты, овощи	2266	677	1209	1637	1533	1828	1768
Прочие продукты питания	5912	2604	2614	3063	2863	3630	3550
Питание в столовых, ресторанах, кафе	967	732	1678	2328	2449	2744	2697
Продукты домашнего изготовления	2020	2777	1703	1799	1537	2006	2217
Алкоголь	1119	432	504	559	511	555	494
Всего расходов на продукты питания	21 132	12 371	14 215	17 371	16 584	20 262	20 324
Расходы на непродовольственные товары							
Табачные изделия	594	442	466	539	677	1291	1426
Одежда	3177	2348	2732	4061	3402	3515	3474
Горючее, топливо*	411	563	1212	1841	1917	2513	2566
Электроника и другие товары длительного пользования	1651	1848	4528	8264	6696	4362	3205
Услуги и отдых	518	2507	4842	8482	7974	8190	6265
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	1392	722	1267	5819	6928	9738	9463
Оплата жилья и коммунальных услуг	432	950	2007	3713	4545	5368	5577
Акции, облигации	197	7	0	0	24	1	0
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	1886	–	870	1226	1243	1402	1426
Сбережения	642	663	1053	2379	2490	2120	2007
Всего расходов на непродовольственные товары	10 896	10 050	18 981	36 328	36 311	41 437	39 163
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	32 028	22 417	33 195	53 703	52 891	61 702	59 491

*Начиная с декабря 1994 г. категория «Топливо» включает в себя бензин, газ в баллонах и дрова. Во время предыдущих опросов газ в баллонах и дрова учитывались в категории коммунальных услуг. Опросы указанных выше годов показывают долю каждого вида топлива: 12/1994: бензин – 49%, дрова – 19%, газ в баллонах – 32%; 10/1996: бензин – 56%, дрова – 18%, газ в баллонах – 26%; 11/1998: бензин – 58%, дрова – 16%, газ в баллонах – 26%; 10/2000: бензин – 71%, дрова – 11%, газ в баллонах – 18%; 10/2002: бензин – 72%, дрова – 11%, газ в баллонах – 17%; 10/2003: бензин – 71%, дрова – 13%, газ в баллонах – 16%; 10/2004: бензин – 73%, дрова – 13%, газ в баллонах – 13%; 10/2005: бензин – 73%, дрова – 14%, газ в баллонах – 13%; 10/2006: бензин – 75%, дрова – 12%, газ в баллонах – 12%; 10/2007: бензин – 77%, дрова – 12%, газ в баллонах – 11%; 11/2008: бензин – 83%, дрова – 10%, газ в баллонах – 7%; 11/2009: бензин – 84%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%. 12/2010: бензин – 85%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%; 12/2013: бензин – 88,6%, дрова – 7,6%, газ в баллонах – 3,8%; 12/2015: бензин – 89,4%, дрова – 6,9%, газ в баллонах – 3,7%; 12/2016: бензин – 88,6%, дрова – 7,3%, газ в баллонах – 4,1%; 12/2017: бензин – 88,8%, дрова – 7,8%, газ в баллонах – 3,4%; 12/2018: бензин – 91,1%, дрова – 6,4%, газ в баллонах – 2,5%.

Анализ данных RLMS-HSE показал, что расходы россиян, после замедления темпов роста в 2013–2014 гг. и резкого падения в 2015 г., в 2016 г. продемонстрировали хорошо заметный рост. Однако уже в 2017 г. этот рост практически остановился, а в 2018 г. было выявлено хотя и небольшое, но все же сокращение

расходов. Как следует из таблицы 6, в декабре 2018 г. по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. ежемесячные расходы российских домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров уменьшились на 3,6%.

Дальнейший анализ показал, что в 2018 г. расходы домохозяйств на продукты питания и непродовольственные товары продолжили разнонаправленные изменения, характерные для последних кризисных лет. Так, ежемесячные расходы домохозяйств на продукты питания, после увеличения в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 2%, в 2016 г. выросли еще на 7,1%. В 2017 г. они увеличились на 6,9%, а в 2018 г. — на 0,3%. В результате такого последовательного роста расходы российских домохозяйств на продовольствие приблизились вплотную к уровню 1992 г. (уступая ему на 3,8%), когда было зафиксировано самое высокое значение данного показателя за все время наблюдений.

В то же время ежемесячные расходы домохозяйств на непродовольственные товары в 2015 г. по сравнению с 2014 г. сократились почти на 12%, но в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом выросли на 10,5%. В 2017 г. они вновь снизились на 3,2%, а в 2018 г. — еще на 5,5%. Но, несмотря на такое сокращение, ежемесячные расходы домохозяйств на непродовольственные товары были в 2018 г. на 7,8% выше, чем в 2008 г.

Анализ расходов домохозяйств на отдельные виды продуктов питания убеждает, что рацион россиян, несмотря на имеющиеся финансовые возможности, все еще соответствует рациону бедных стран. Они едят мало свежих фруктов и овощей, мало говядины и рыбы, качественных молочных продуктов. При этом в 2018 г. сохранилась тенденция к повышению инфляции, связанная с влиянием ослабления рубля, ростом затрат, подстройкой предложения к спросу на отдельных продовольственных рынках. Но, несмотря на это, согласно данным RLMS-HSE, за последний год расходы на те или иные виды продовольствия претерпели небольшие изменения.

Так, расходы домохозяйств на молочные продукты, непрерывно повышаясь с 1998 г., в 2015 г. увеличились на 6,4%, в 2016 г. — на 10,7% и в 2017 г. — еще на 6,1%. В целом за весь кризисный период, охватывающий 2008–2017 гг., рост расходов домохозяйств на молочные продукты составил около 44%. Этот рост был одним из наиболее убедительных свидетельств постепенного улучшения ситуации на рынке молочной продукции. Хотя при этом нельзя не заметить, что, по данным официальной статистики, самым явным трендом, который наблюдался на этом рынке в последние годы, был рост потребления более дешевых и менее качественных молочных продуктов, в состав которых входят заменители животных жиров. И только в 2018 г. было отмечено небольшое сокращение расходов на молочные продукты на 2,1%. Годовое удорожание молока и молочных продуктов, по данным Росстата, составило почти 3%.

В то же время расходы домохозяйств на мясо, птицу и рыбу, после некоторых колебаний в последние годы, в 2018 г. выросли на 4,5%. При этом в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом их размер практически не изменился, но в 2016 г. увеличился на 5,4%, а в 2017 г. сократился почти на 1%. Согласно данным Росстата, в декабре 2018 г. к декабрю 2017 г. цена на говядину выросла почти на 3%, на свинину — на 7,5%, на рыбу — на 3,6%. В целом, по данным RLMS-HSE, за 2008–2018 гг. ежемесячные расходы домохозяйств на мясо, птицу и рыбу выросли на 20%.

До 2018 г. довольно последовательный и устойчивый рост демонстрировали ежемесячные расходы домохозяйств на фрукты и овощи. Если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. они увеличились на 7,9%, то в 2016 г. их рост составил 6,3%, а в 2017 г. — 13,3%. В 2018 г. расходы на фрукты и овощи снизились на 3,3 п.п., однако были все еще на 8% выше, чем в 2008 г. Падение расходов домохозяйств на фрукты и овощи в 2018 г. проходило на фоне увеличения цен на данную продукцию. Так, по данным Росстата, в декабре 2018 г. к декабрю 2017 г. морковь подорожала на 20%, свекла — почти на 23%, лук репчатый — на 24%, капуста белокочанная — более чем на 70%. Аномальным выглядело только снижение цены на огурцы — на 6% и на помидоры — почти на 11%.

Исследование выявило также небольшое снижение расходов домохозяйств на хлебобулочную продукцию. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. расходы на хлебобулочные изделия повысились на 6,6%, в 2016 г. — на 11%, а в 2017 г. — на 8,6%, но в 2018 г. они снизились на 0,5 п.п. Годовое удорожание хлеба, согласно данным Росстата, составило немногим более 5%. Вместе с тем за все время наблюдений с 2008 г. по 2018 г. расходы на хлебобулочную продукцию выросли не особенно существенно — на 6,5%. Что касается расходов домохозяйств на картофель, то они после трехлетнего роста (в 2015 г. — на 9,8%, в 2016 г. — на 4,5%, в 2017 г. — на 37%) в 2018 г. сократились на 28,8%, опустившись ниже уровня 2008 г. на 22,2%. При этом, по данным Росстата, в декабре 2018 г. к декабрю 2017 г. картофель подорожал на 8%.

В 2018 г. продолжилось увеличение расходов российских домохозяйств на продукты домашнего изготовления. Причем если в 2015 г. по сравнению с 2014 г. эти траты выросли на 3,7%, в 2016 г. — на 3,4%, то в 2017 г. — уже на 17,8%, а в 2018 г. — еще на 10,5%. После такого продолжительного и существенного роста расходы домохозяйств на продукты домашнего изготовления превысили уровень 2008 г. на 23,2%, оставаясь, однако, на 20% ниже уровня 1998 г., когда эти расходы были наибольшими.

Существенными остаются ежегодные колебания расходов российских домохозяйств на алкоголь. В 2016 г., после сокращения в предыдущем году, они выросли на 17,1%, а в 2017 г. — еще на 0,9%. Но в 2018 г. эти расходы снизились на 11%. После этого сокращения расходы домохозяйств на алкогольную продукцию оказались на 11,6% меньше, чем в 2008 г. Колебание уровня расходов на алкоголь наблюдается на фоне снижения потребления алкоголя в России, о чем свидетельствуют различные источники. Так, по данным Росалкогольрегулирования, за последние 12 лет уровень потребления алкоголя в России снизился на 40%. Считается, что на снижении интереса россиян к спиртному сказались такие меры, как внедрение Единой государственной автоматизированной информационной системы (ЕГАИС), усиление контроля над соблюдением минимальных цен на алкоголь, борьба с нелегальным производством и оборотом алкоголя, контроль соблюдения государственных стандартов и технических условий, а также пропаганда здорового образа жизни.

И наконец, расходы домохозяйств на питание вне дома (в столовых, ресторанах, кафе, барах и т. п.), после двухлетнего роста (в 2016 г. — на 5,2% и в 2017 г. — на 12,7%), в 2018 г. немного уменьшились — на 1,7%, оставаясь на 15,9% выше уровня 2008 г.

Анализ данных мониторинга выявил снижение ежемесячных расходов российских домохозяйств по многим группам непродовольственных товаров. Судя по всему, многим россиянам приходилось отказываться от различных товаров и услуг

или заменять их более дешевыми аналогами. Больше всего россияне сэкономили на услугах и отдыхе, а также на товарах длительного пользования. Немало людей сэкономили на лечении, одежде и предметах домашнего обихода

Зафиксировано, в частности, снижение расходов российских домохозяйств на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, т. е. расходов, которые являются сегодня самыми весомыми, затратными для домохозяйств. После сокращения в 2017 г. на 7,9% эти расходы снизились в 2018 г. еще на 2,8%. В 2018 г. они все же были в 1,6 раза выше, чем в 2008 г., и в 7,5 раза выше, чем в 2004 г., что во многом явилось результатом бурного роста рынка образовательных услуг и рынка кредитования в 2000-е гг.

Значительным выглядит сокращение расходов на услуги и отдых, занимающие второе место по своей весомости среди расходных статей домохозяйств. Если в 2016 г. по сравнению с 2015 г. они выросли на 11,4%, в 2017 г. — еще на 21,6%, то в 2018 г. сократились сразу на 23,5%. В результате такого стремительного сокращения эти расходы оказались ниже уровня 2008 г. на 26,1%.

Значительным оказалось сокращение расходов обследованных домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования. После снижения в 2017 г. по сравнению с 2016 г. на 25% они вновь упали в 2018 г. на 26,5%. В 2018 г. расходы домохозяйств на эти товары были в 2,6 раза меньше, чем в 2008 г.

Одной из наиболее устойчивых тенденций, как показывают данные мониторинга, остается последовательный рост расходов домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг. Так, в 2016 г. ежемесячные расходы домохозяйств по данной статье выросли на 10,7%, в 2017 г. — на 3,5%, а в 2018 г. — еще на 3,9%. В итоге данный вид расходов достиг нового максимального значения за весь постсоветский период. В 2018 г. расходы домохозяйств по этой статье стали в 1,5 раза больше, чем в 2008 г., и почти в 6 раз больше, чем в 1998 г.

Рассматривая эти данные, важно иметь в виду, что темпы роста стоимости коммунальных услуг в 2018 г. были выше темпов роста доходов населения. Это объясняется тем, что с 1 июля 2018 г. были увеличены тарифы на коммунальные услуги со значительным опережением реальной инфляции. Но в целом, по данным Росстата, стоимость коммунальных услуг в России в 2018 г. выросла на 3,7%, тогда как официальный уровень инфляции был равен 4,3%. При этом холодное водоснабжение подорожало на 5%, водоотведение — на 5,7%, горячее водоснабжение — на 4,4%, отопление — на 3,8%, газоснабжение — на 3%, электроснабжение — на 3,9%. Стоимость оплаты жилья в домах, принадлежащих государству или муниципалитетам, стала выше на 4%. Взносы на ремонт и содержание жилья за год стали больше на 3,6%.

Данные мониторинга зафиксировали в 2018 г. очередное повышение ежемесячных расходов российских домохозяйств на топливо. Если в 2016 г. по сравнению с 2015 г. они увеличились на 12%, а в 2017 г. — еще на 9,9%, то в 2018 г. этот рост составил 2,1%. Результатом такого последовательного роста стало то, что расходы домохозяйств по данной статье достигли нового максимального значения. В 2018 г. они были в 1,4 раза выше, чем в 2008 г.

Указанный рост был во многом обусловлен повышением цен на топливо. В частности, как следует из данных Росстата, по итогам 2018 г. бензин в России стал дороже на 9,4%. При этом в декабре средняя стоимость топлива снизилась

на 0,1%. Огромное повышение цен на него весной и в начале лета эксперты объясняли главным образом тем, что экспорт стал значительно выгоднее продаж внутри страны. На это влияли и растущие цены на нефть, и курс рубля. Другой причиной роста цен на топливо стали акцизы. В связи с этим с 1 июня власти решили уменьшить акцизы на бензин на 3 тыс. руб. и на дизель на 2 тыс. руб. за тонну. Кроме того, правительство и нефтяники договорились, что последние будут сдерживать цены на уровне 30 мая.

Согласно данным RLMS-HSE, в 2018 г. расходы на одежду и обувь после двухлетнего роста (в 2016 г. — на 15,8%, в 2017 г. — на 4,3%) снизились на 1,2 п.п. В 2018 г. эти расходы были на 14,5% меньше, чем в 2008 г. Что касается расходов на различные товары повседневного спроса, то они после увеличения в 2015 г. на 1,5%, в 2016 г. — на 10,6% и в 2017 г. — на 8,6% в 2018 г. увеличились еще на 1,7%. После такого устойчивого роста расходы домохозяйств на товары повседневного спроса оказались на 16,3% выше, чем в 2008 г.

Исследование выявило очередной рост расходов домохозяйств на табачные изделия. Так, в 2015 г. расходы домохозяйств на табак увеличились почти на 10%, в 2016 г. — на 22,1%, в 2017 г. — на 5,5% и в 2018 г. — еще на 10,5%. В целом за 2008–2018 гг. расходы домохозяйств на эту продукцию выросли в 2,6 раза.

Этот рост объясняется, главным образом, повышением цен на табачную продукцию. В частности, в России с 1 января 2018 г. выросли акцизы на сигары — с 171 до 188 руб. за штуку, на сигариллы — с 2428 до 2671 руб. за 1 тыс. штук, на трубочный, курительный и кальянный табак — с 2520 до 2772 руб. за один кг. Рост акцизов не обошел стороной также электронные сигареты и вейпы, акцизы на них стали больше на 4 руб. (44 руб. за штуку), а жидкость для них подорожала с 10 до 11 руб. за один миллилитр. Ставка на нагревательный табак составила 5028 руб. за 1 кг. Кроме того, с 1 июля 2018 г. была повышена акцизная ставка на сигареты и папиросы. Рост составил 10% — до 1718 руб. за 1 тыс. штук плюс 14,5% расчетной стоимости, которая рассчитывается исходя из максимальной розничной цены, но не менее 2335 руб. за 1 тыс. штук. До этого момента ставка составляла 1562 руб. (плюс 14,5% расчетной стоимости, но не менее 2123 руб. за 1 тыс. штук). Рост акцизов неизбежно вызывает повышение цен на табачную продукцию. Но поскольку уровень доходов населения относительно невысок, часть потребителей в целях экономии обращается на черный рынок, что ведет к дальнейшему росту оборота нелегальной продукции из-за разницы в акцизах ЕАЭС.

Анализ данных RLMS-HSE выявил в 2018 г. новое сокращение расходов домохозяйств, предназначенных для сбережений. В 2014 г. они уменьшились на 8,3%, в 2015 г. — на 6,9%, в 2016 г. — еще на 2,6%, и только в 2017 г. был отмечен рост данных расходов на 5,4%. Однако уже в следующем 2018 г. расходы, предназначенные для сбережений, вновь сократились на 5,3%. При этом в 2018 г. они были на 15,6% ниже, чем в 2008 г., и на 19,4% меньше, чем в 2011 г. Характерно, что, несмотря на снижение расходов, предназначенных для сбережений, накопительные счета в банках не сокращались. По-видимому, люди готовились к будущим потрясениям.

На рис. 9 показаны долгосрочные изменения в общей структуре расходов обследованных домохозяйств. Они, в частности, показывают, что в 2018 г. россияне стали больше тратить на продовольствие и меньше — на непродовольственные товары.

В стране увеличилось число семей, живущих в режиме жесткой экономии, вынужденных перераспределять расходы в пользу самого необходимого в ущерб покупкам одежды, отдыху и развлечениям, чтобы справиться с последствиями роста цен. Если за 2016–2017 гг. доля расходов российских домохозяйств на продукты питания уменьшилась на 1,3 п.п. — с 41,5 до 40,1%, то в 2018 г. она увеличилась на 0,7 п.п. — до 40,8%¹. В то же время удельный вес расходов на непродовольственные товары за последний год уменьшился на 0,6 п.п. — с 59,8 до 59,2%. В результате последних изменений было прервано восстановление долгосрочных тенденций нарастания в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств доли расходов на непродовольственные товары и соответствующего сокращения удельного веса расходов на продовольствие, которые получили развитие еще в середине 1990-х гг.

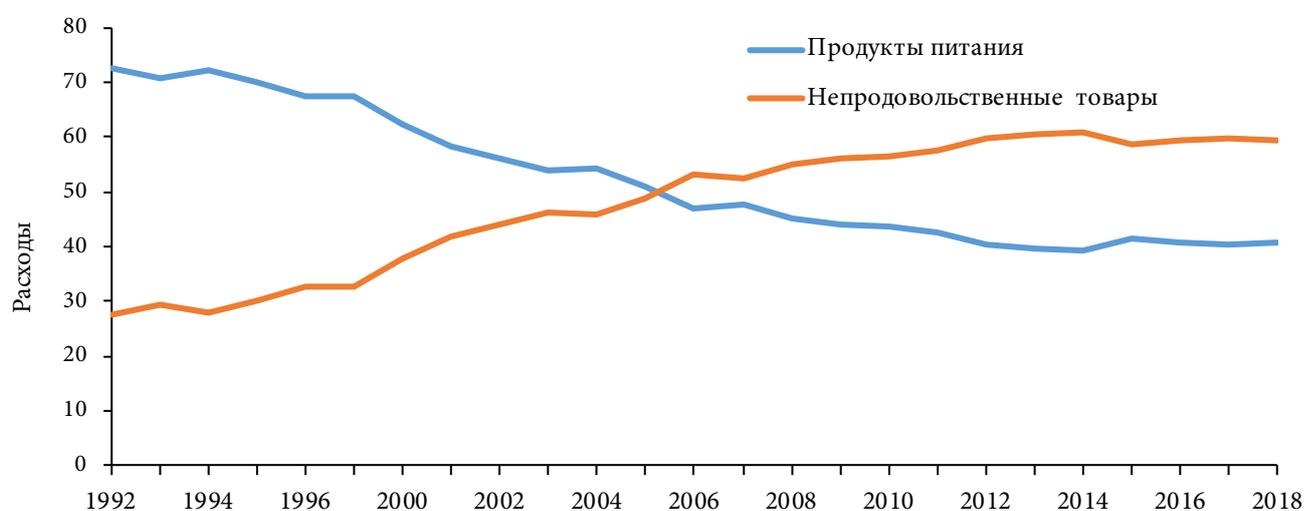

Рис. 9. Структура расходов: продукты питания и непродовольственные товары, 1992–2018 гг., %

Более детальное представление о долгосрочных тенденциях в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств дают рис. 10–12, содержащие необходимый для этого подробный иллюстративный материал.

Из данных RLMS-HSE, приведенных на рис. 10, в частности, следует, что доля расходов на питание вне дома в бюджете российских домохозяйств, достигнув максимума в 2010 г., равного 4,7%, затем постепенно, но с некоторыми колебаниями, снизилась до 3,4% в 2016 г., т. е. на 1,3 п.п. И только в 2017 г. она увеличилась до 3,9%. В 2018 г., несмотря на рост цен в ресторанах, кафе, барах, столовых и других учреждениях общественного питания, эта доля практически не изменилась и составила 4%.

При рассмотрении этих данных важно также учитывать, что 2018 г. характеризовался ростом рынка общественного питания. Основными драйверами роста выступили возросшая потребительская активность, улучшение экономической ситуации в стране и пропаганда средствами массовой информации культуры пи-

¹ Средние по статьям расходов, представленные на рис. 9–12 и в таблице 7, получены путем расчета средних отдельно по каждой статье по всем домохозяйствам в выборке. Соотношение средних расходов, представленных в таблице 6, соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйства. Расходы на одежду, электронику и другие товары длительного пользования учитывались за трехмесячный срок.

тания вне дома. Позитивные изменения связываются также с чемпионатом мира по футболу, который спровоцировал летнее оживление сегментов фаст- и стрит-фуда, питания в транспорте, баров и пабов. По данным Росстата, в 2018 г. оборот предприятий общественного питания России вырос в сопоставимых ценах на 3,7% — до 1,52 трлн руб., после роста на 3,2% годом ранее. При этом в декабре этот показатель вырос в годовом выражении на 3,3% — до 155 млрд руб., а по сравнению с ноябрем — на 16%. Вместе с тем в условиях отсутствия повышения доходов населения более заметной стала демократизация рынка общественного питания, о чем свидетельствовала возросшая востребованность сегмента быстрого питания. Большинство потребителей предпочитали походу в ресторан или кафе более экономичный вариант препровождения досуга.

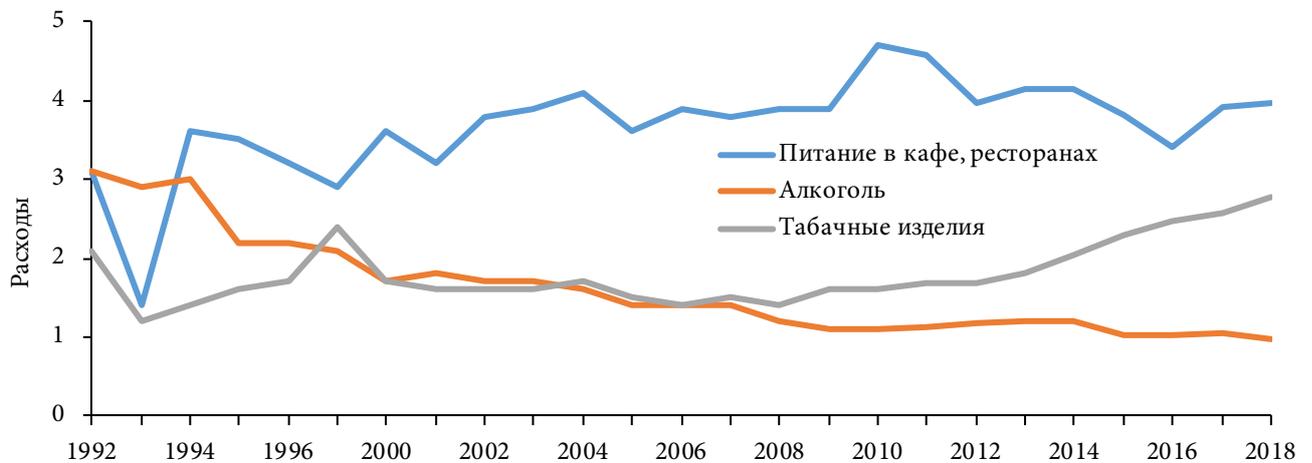

Рис. 10. Структура расходов: питание вне дома, алкоголь, табачные изделия, 1992–2018 гг., %

Довольно длительной и устойчивой является тенденция роста весомости расходов домохозяйств на табачные изделия: за 2008–2018 гг. доля таких расходов в бюджете домохозяйств выросла почти вдвое — с 1,4 до 2,8%, в том числе за 2018 г. — на 0,2 п.п. В то же время доля расходов домохозяйств на алкоголь в последние годы практически не менялась, составляя около 1%, что было намного меньше, чем в 1990-е гг., когда она достигала 2–3%. В 2018 г. по сравнению с 2017 г. доля расходов домохозяйств на алкогольную продукцию сократилась с 1,1 до 1%.

Анализ данных мониторинга, представленных на рис. 11, показывает, что среди различных статей расходов российских домохозяйств на непродовольственные товары особенно динамично до самого последнего времени росла доля расходов на услуги. С 1992 по 2003 г. она выросла с 1,5 до 14,1%, достигнув максимального значения. Затем с 2004 по 2010 г. она колебалась в пределах 12,5–13%. И наконец, с 2010 г. по 2017 г. эта доля расходов поступательно выросла на 3,3 п.п. — с 12,5 до 15,8%. Но в 2018 г. она вновь снизилась на 0,4 п.п. — до 15,4%. При этом, по данным Росстата, рынок платных услуг в России в 2018 г. вырос на 2,5% — до 9,41 трлн руб.

Несмотря на те или иные изменения, расходы домохозяйств на услуги остаются одной из самых весомых статей их бюджета. При этом особое беспокойство у россиян вызывает рост расходов на социально значимые услуги, в частности на услуги по оказанию медицинской помощи. Хотя в России медицина считается бес-

платной, люди покупают все больше лекарств из-за роста заболеваемости, в частности в связи с изменением структуры населения, а также ухудшением экологии. Появляются современные и, следовательно, более дорогие лекарства. В стране сегодня неоправданно высокий уровень платных медицинских услуг, расходы на которые, особенно в крупных городах, где много частных клиник, растут ускоряющимися темпами.

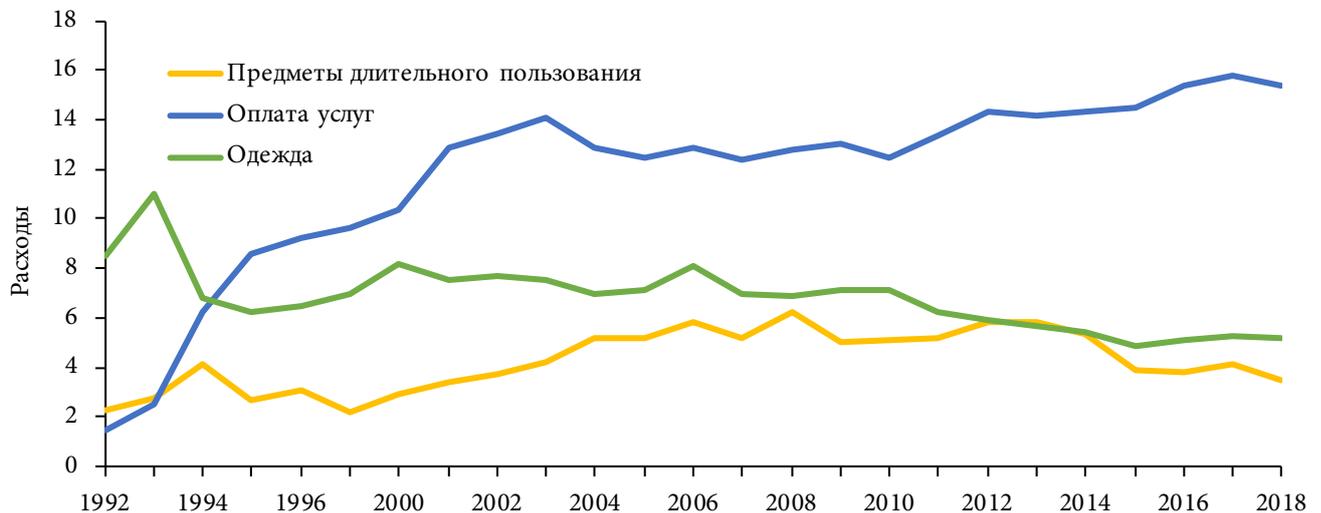

Рис. 11. Структура расходов: предметы длительного пользования, оплата услуг, одежда, 1992–2018 гг., %

Из рис. 11 также видно, что доля расходов на одежду и обувь после сокращения за 2010–2015 гг. на 2,2 п.п. — с 7,1 до 4,9%, в следующие два года увеличилась на 0,4 п.п. — до 5,3% в 2017 г. Но в 2018 г. она уменьшилась на 0,1 п.п. — до 5,2%. Обращает на себя внимание также заметное сокращение доли расходов домохозяйств на товары длительного пользования. Довольно последовательно она росла только до 2008 г., достигнув 6,2%, но затем была подвержена определенным колебаниям в пределах 5–5,8%. Во время последнего кризиса доля этих расходов упала до 3,8–3,9%. В 2017 г. она увеличилась до 4,2%, но в 2018 г. вновь сократилась до 3,5%, т. е. на 0,7 п.п. Такой низкой она была только в 2001 г.

Анализ данных мониторинга за 2018 г. еще раз подтвердил, что одной из наиболее серьезных нагрузок для бюджета российских домохозяйств остаются траты на содержание жилья. Как следует из рис. 12, наиболее быстрыми темпами расходы на оплату жилья и коммунальных услуг в общей структуре расходов российских домохозяйств росли в 2000–2011 гг., когда их доля увеличилась в 2,3 раза — с 5,8 до 13,2%. С 2015 г. по 2016 г. доля этих расходов увеличилась с 13,1 до 13,2%, но в 2017 г. она вновь немного уменьшилась — до 13%. Наконец, в 2018 г. доля расходов домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг вновь выросла на 0,6 п.п. — до 13,6%, достигнув максимального значения за все время наблюдений.

Этот рост в немалой степени был обусловлен тем, что порядок индексации платы за коммунальные услуги не учитывает изменения в уровне реальных доходов населения. В 2018 г. Правительством Российской Федерации предельные индексы платы за коммунальные услуги были установлены на уровне выше инфляции

и прироста среднедушевых доходов населения в предыдущие годы. В связи с этим доля трат на коммунальные услуги в общей структуре расходов населения явно увеличилась, приблизившись к психологически важной отметке в 15%.

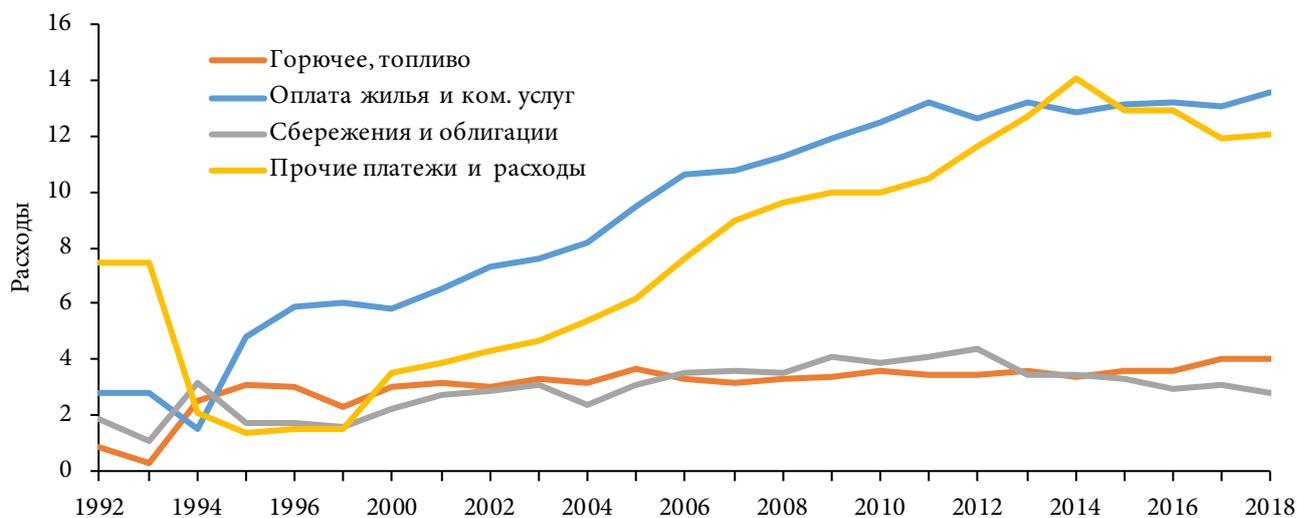

Рис. 12. Структура расходов: топливо, сбережения и облигации, оплата жилья и коммунальных услуг, прочие платежи и расходы, 1992–2018 гг., %

Доля расходов домохозяйств на сбережения с 2012 г. по 2016 г. уменьшилась более чем в 1,5 раза — с 4,4 до 2,9%. В 2017 г. она немного увеличилась — до 3,1%, но в 2018 г. вновь уменьшилась до 2,8%. В 2018 г. доля расходов домохозяйств, предназначенных для сбережений, была на 1,6 п.п. меньше, чем в 2012 г., когда она достигла своего максимума. Что касается доли расходов домохозяйств на горючее, топливо, то она за последний год не изменилась, составив около 4%.

В таблице 7 представлены данные RLMS-HSE о расходах российских домохозяйств из различных квинтилей распределения душевых расходов за декабрь 2018 г.

Приведенные данные демонстрируют дальнейшее снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов в последние годы. Так, если накануне последнего экономического кризиса в 2012–2013 гг. наиболее обеспеченные двадцать процентов домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 7,5 раза больше, чем беднейшие двадцать процентов домохозяйств, то в дальнейшем эта разница последовательно сократилась до 4,7 раза в 2018 г. Довольно хорошо прослеживается также сокращение дистанции по уровню расходов между самыми богатыми и всеми остальными российскими домохозяйствами. В частности, если в 2014 г. расходы домохозяйств, принадлежащих к верхнему квинтилю, превышали расходы домохозяйств предыдущего четвертного квинтиля приблизительно в 2,4 раза, то в 2015–2017 гг. этот разрыв неизменно составлял 2,1 раза, а в 2018 г. он уменьшился до 1,9 раза.

Снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов в последние годы происходило за счет опережающего роста расходов наименее обеспеченных домохозяйств. Но если в конце 2016 г. рост расходов на продукты питания и непродовольственные товары затронул домохозяйства, относящиеся ко всем анализируемым группам, в конце 2017 г. и 2018 г. — главным образом домохозяйства первых трех квинтилей. При этом в 2018 г. расходы этих домохозяйств росли гораздо медленнее, чем годом ранее. Так, если в 2017 г. четко прослеживалась тенденция, демонстриру-

ющая сокращение темпов роста расходов по мере движения от нижнего квинтиля к верхним — с 12,4% в первом квинтиле до 1,9% в четвертом, то в 2018 г. этот рост для трех первых квинтилей находился в пределах 0,04–2,4%. В то же время у домохозяйств самого верхнего квинтиля было отмечено сокращение расходов на 4,7% в 2017 г. и на 5,2% в 2018 г. На 1% в 2018 г. сократились расходы домохозяйств четвертого квинтиля. Принадлежность к квинтильной группе являлась существенным фактором, определяющим структуру потребительских расходов домохозяйств.

Таблица 7

Ежемесячные расходы домохозяйств по квинтилям распределения душевых расходов, декабрь 2018 г., в руб. декабря 2018 г.

Категории расходов	Квинтили душевых расходов, %				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Расходы на продукты питания					
Молочные продукты	1377	1971	2301	2618	2711
Мясо, птица, рыба	3849	4924	5789	6802	7213
Картофель	166	207	265	295	286
Хлеб	1325	1405	1448	1641	1512
Фрукты, овощи	834	1373	1697	2322	2675
Прочие продукты питания	2277	2874	3611	4332	4664
Питание в столовых, ресторанах, кафе	1165	1971	2634	3296	4627
Продукты домашнего изготовления	1468	1383	1927	2991	3347
Алкоголь	262	313	467	568	880
Всего расходов на продукты питания	12 722	16 420	20 139	24 866	27 914
Расходы на непродовольственные товары					
Табачные изделия	1096	1106	1530	1591	1850
Одежда	1968	2571	3331	3813	5948
Горючее, топливо	1269	1935	2379	3136	4179
Электроника и др. товары длительного пользования	418	890	1658	3110	11351
Услуги и отдых	3321	5329	7110	9485	26589
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	589	1862	5066	10527	31628
Оплата жилья и коммунальных услуг	3928	5144	5711	6272	6918
Акции, облигации	0	0	0	0	0
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	955	1193	1426	1642	1951
Сбережения	130	505	969	2333	6347
Всего расходов на непродовольственные товары	13 673	20 535	29 180	41 910	96 762
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	26 397	36 957	49 322	66 779	124 680
Всего расходов на продукты питания, декабрь 2017 г., в руб. 2018 г.	12 255	16 385	19 544	24 202	28 946
Всего расходов на непродовольственные товары, декабрь 2017 г., в руб. 2018 г.	13 746	20 556	28 614	43 254	10 2623
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары, декабрь 2017 г., в руб. 2018 г.	26 002	36 944	48 160	67 460	131 572

Разрыв в величине расходов на продукты питания между домохозяйствами полярных квинтилей в последние годы менялся незначительно. Если в 1990-х и в начале 2000-х гг. эта дистанция достигала 5–6 раз, то в 2008–2009 гг. она сократилась до 3,5 раза, а в последующем – и до 2,3–2,5 раза. В 2018 г. домохозяйства самого богатого квинтиля ежемесячно тратили на продовольствие в 2,2 раза больше, чем домохозяйства беднейшего квинтиля. Практически не менялась в последние годы величина разрыва в расходах на продукты питания между домохозяйствами верхнего квинтиля и домохозяйствами ближнего к нему четвертого квинтиля. В 2012–2018 гг. она составляла около 1,2 раза.

Несмотря на то что двадцать процентов самых богатых домохозяйств расходуют на продукты питания намного больше, чем двадцать процентов беднейших домохозяйств, по доле, которую занимают эти расходы в бюджете домохозяйств разных квинтилей, наблюдается противоположная картина. Так, в конце 2018 г. у домохозяйств первого квинтиля расходы на продовольствие составляли 48,2% общих ежемесячных расходов на продукты питания и непродовольственные товары, тогда как у домохозяйств второго квинтиля эта доля составляла 44,4%, у домохозяйств третьего квинтиля – 40,8%, у домохозяйств четвертого квинтиля – 37,2%, а у домохозяйств верхнего квинтиля – только 22,4%. Но при этом обращает на себя внимание существенный рост доли таких расходов у домохозяйств верхнего квинтиля, который наблюдался в последние годы. Если в конце 2014 г. доля расходов на продукты питания у этих домохозяйств составляла 16,6%, то к концу 2018 г. она достаточно последовательно выросла до 22,4%, т. е. на 5,8 п.п., или в 1,3 раза.

Анализ данных мониторинга выявил в 2018 г. очередной, но различный по величине рост расходов на продукты питания у домохозяйств первых четырех квинтилей. Однако темпы этого роста были существенно ниже, чем в предыдущем году. Так, у домохозяйств нижнего квинтиля эти расходы, после роста в 2017 г. по сравнению с 2016 г. на 7,8%, в 2018 г. по сравнению с 2017 г., вновь увеличились, но только на 3,8%. У домохозяйств второго квинтиля этот рост составил 2,3 и 0,2% соответственно; у домохозяйств третьего квинтиля – 7,1 и 3%; у домохозяйств четвертого квинтиля – 9,4 и 2,7%. Расходы домохозяйств верхнего квинтиля в 2017 г. увеличились на 9,6%, но упали на 3,6% в течение 2018 г.

В 2018 г., как и в предыдущем году, изменения величины различий по отдельным статьям продовольственных расходов между домохозяйствами полярных квинтилей за последний год оказались незначительными. Так, если в 2008 г. разница в ежемесячных расходах на молочные продукты между двадцатью процентами самых богатых и двадцатью процентами самых бедных домохозяйств достигала 3,7 раза, то к концу 2017 г. она сократилась до 2,1 раза, а в конце 2018 г. составила около 2 раз. Аналогичный разрыв в расходах на мясо, птицу и рыбу уменьшился с 3,7 раза в 2008 г. до 2,2 раза в 2017 г. и далее до 1,9 раза в 2018 г. Дистанция в расходах на овощную продукцию и фрукты между домохозяйствами крайних квинтилей, сократившаяся за 2008–2017 гг. с 5,7 до 3,4 раза, в 2018 г. снизилась до 3,2 раза.

Что касается различий в расходах на картофель, то они в последние годы менялись более динамично. За 2008–2015 гг. эта разница с некоторыми перепадами сократилась почти вдвое – с 5 до 2,7 раза, но в 2016 г. выросла до 4,5 раза. В 2017 г.

она вновь уменьшилась до 2,5 раза, а в 2018 г. — до 1,7 раза. Характерно, что одной из самых незначительных во все годы была разница между домохозяйствами полярных квинтилей в величине расходов на хлебобулочную продукцию, не превышающая обычно 1,1–1,2 раза. Единственное существенное отклонение было зафиксировано в 2017 г., когда она составила 2,2 раза. Однако уже в следующем 2018 г. эта разница сократилась до привычных 1,1 раза.

Разрыв в расходах на алкогольную продукцию между домохозяйствами полярных квинтилей с 2012 по 2014 г. стремительно уменьшился с 7,8 до 4 раз, но в 2015 г. он вновь увеличился до 4,2 раза и далее в 2016 г. — до 5,5 раза. Вместе с тем в 2017 г. было выявлено новое снижение данного показателя до 3,9 раза и далее в 2018 г. — до 3,4 раза. Во многом похожая картина наблюдалась и в отношении изменения разницы в величине расходов на питание вне дома. С 2008 по 2015 г. эта дистанция между самыми богатыми и самыми бедными домохозяйствами сократилась вдвое — с 8,8 до 4,1 раза, но в 2016 г. она увеличилась до 4,5 раза. В 2017 г. этот разрыв опять уменьшился до 3,9 раза и остался почти на том же уровне в 2018 г.

В 2018 г., как и во все предыдущие годы, у домохозяйств всех квинтилей первую строчку по величине расходов на продовольственные товары занимали траты на такие дорогие, но важные для сбалансированного рациона продукты, как мясо, птица и рыба. Но в то же время у домохозяйств четырех верхних квинтилей на второй строчке (исключая расплывчатую статью «прочие продукты питания») располагались расходы на питание вне дома, т. е. в ресторанах, барах, кафе, столовых и т. п., тогда как у домохозяйств нижнего квинтиля, не располагающих значительными средствами, — продукты домашнего изготовления. Обращает на себя внимание также высокая позиция расходов на хлебобулочные изделия у домохозяйств нижнего квинтиля. Домохозяйства нижнего квинтиля расходовали на хлебобулочную продукцию больше денег, чем на фрукты и овощи, тогда как у более состоятельных домохозяйств наблюдалась противоположная картина.

За несколько последних лет заметно снизилось неравенство между домохозяйствами с разными потребительскими возможностями по уровню расходов на непродовольственные товары. Так, если за 2010–2012 гг. разница в расходах на непродовольственные товары между самыми состоятельными и беднейшими домохозяйствами выросла с 10,3 до 13,2 раза, то к концу 2017 г. она сократилась до 7,5 раза и далее к концу 2018 г. — до 7,1 раза. Разрыв в расходах на непродовольственные товары между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2018 г. составил 2,3 раза, что было лишь немного меньше, чем 2,4 раза в 2017 г.

В 2017 г. по сравнению с 2016 г. расходы на непродовольственные товары у домохозяйств первых трех квинтилей выросли (чем менее обеспеченными были домохозяйства, тем рост оказался выше), тогда как у домохозяйств двух верхних квинтилей снизились. Иная картина наблюдалась в следующем году. Так, у домохозяйств нижнего квинтиля расходы на непродовольственные товары в 2017 г. выросли на 16,8%, тогда как в 2018 г. они снизились на 0,5%. Домохозяйства второго квинтиля в 2017 г. увеличили эти расходы на 9,9%, но в 2018 г. сократили их на 0,1%. У домохозяйств третьего квинтиля рост расходов на непродовольственные товары в 2017 г. составил 3% и продолжился в 2018 г. увеличением на 2%. В то же время у домохозяйств четвертого квинтиля расходы на непродовольственные то-

вары, после небольшого спада в 2017 г. на 1,8%, в 2018 г. сократились еще на 3,1%, а у домохозяйств верхнего квинтиля, вслед за падением в 2017 г. на 8,1%, эти расходы вновь упали на 5,7%.

В 2018 г. были выявлены очередные изменения, характеризующие различия в величине расходов на отдельные виды непродовольственных товаров между домохозяйствами крайних квинтилей. Анализ показал, что уже несколько лет подряд наибольшим остается разрыв между этими домохозяйствами в расходах на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. При этом в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом эта разница выросла с 45 до 54 раз. В 2018 г. домохозяйства самого богатого квинтиля превосходили по величине расходов на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам домохозяйства четвертого квинтиля в 3 раза, что было немного больше, чем 2,5 раза, зафиксированных в 2017 г. Данные расходы сегодня составляют самую затратную статью семейного бюджета наиболее обеспеченных домохозяйств, относящихся к четвертому и верхнему квинтилям, а у домохозяйств третьего квинтиля они занимают третью позицию. И в то же время у домохозяйств беднейшего квинтиля эти расходы находятся на одном из последних мест.

К наиболее затратным статьям бюджета российских домохозяйств относятся также расходы на услуги и отдых. Структура потребительских расходов на услуги существенно меняется в зависимости от уровня доходов граждан. После оплаты жилищно-коммунальных услуг и поездок в транспорте у бедных семей почти не остается средств на какие-либо другие услуги, будь то лечение в платной клинике, культурный досуг или отдых в санатории. Среди статей бюджета домохозяйств второго и третьего квинтилей эти услуги занимают первое место, а в бюджете домохозяйств нижнего, четвертого и верхнего квинтилей они стоят на втором месте. Но в то же время разрыв в расходах на услуги и отдых между домохозяйствами противоположных квинтилей постепенно сокращается. С 2012 по 2018 г. он поступательно снизился с 13 до 8 раз. В 2018 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на услуги и отдых больше, чем домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля, в 2,8 раза, что было немного меньше, чем разница в 3 раза в предыдущем году.

Длительное время самыми большими, независимо от финансовых возможностей семей, были расходы домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования. Но в последние годы ситуация существенно изменилась. В 2018 г. эти траты располагались на третьем месте только у домохозяйств верхнего квинтиля, тогда как у домохозяйств других квинтилей они располагались на дальних позициях. Разрыв между богатыми и бедными домохозяйствами в величине расходов на электронику и другие товары длительного пользования за последние годы сократился. Так, в течение многих предыдущих лет эта разница колебалась в пределах 82–99 раз, но в 2016 г. она уменьшилась до 72 раз, в 2017 г. — до 29 раз, а в 2018 г. — до 27 раз. Дистанция в величине расходов на эти товары между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2018 г. составила 3,6 раза, что было меньше, чем 4,3 раза в 2017 г.

К числу наиболее важных, но и наиболее болезненных для населения статей расходов относятся расходы на оплату жилья и коммунальных услуг. У наименее обеспеченных домохозяйств, относящихся к нижнему квинтилю, эта статья расходов уже длительное время неизменно располагается на первом месте. До недавнего

времени она была наиболее затратной и для домохозяйств второго квинтиля, но в 2017 г. переместилась на вторую позицию, уступив первенство расходам на услуги и отдых. В 2012 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 2,4 раза больше, чем домохозяйства нижнего квинтиля. В 2013–2014 гг. эта разница сократилась до 2,2 раза, а в 2015 г. — до 2 раз и осталась такой же в 2016 г. Но в 2017 г. она вновь уменьшилась до 1,8 раза и в 2018 г. не изменилась. В то же время в 2018 г., как и в предыдущие несколько лет, домохозяйства самого богатого квинтиля тратили на оплату жилья и коммунальных услуг только в 1,1 раза больше, чем домохозяйства ближайшего к ним четвертого квинтиля.

Несмотря на то что бедные домохозяйства тратят на оплату жилья и коммунальных услуг меньше, чем богатые домохозяйства, такие расходы становятся для них очень часто слишком тяжелым или даже неподъемным грузом. В связи с этим следует заметить, что в 2018 г. домохозяйства беднейшего квинтиля тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 9,4 раза больше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования (2017 г. — в 7,3 раза больше), в 6,7 раза больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам (2017 г. — в 5,5 раза больше) и в 2 раза больше, чем на одежду и обувь (2017 г. — также в 2 раза больше). И в то же время домохозяйства самого богатого квинтиля расходовали на оплату жилья и коммунальных услуг в 4,6 раза меньше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам (в 2017 г. — также в 4,6 раза меньше), в 3,8 раза меньше, чем на оплату услуг и отдых (2017 г. — в 4,5 раза меньше) и в 1,6 раза меньше, чем на оплату электроники и других товаров длительного пользования (2017 г. — в 2,2 раза меньше).

Как и во все предыдущие годы, огромной оставалась дистанция в объемах средств, направляемых домохозяйствами, принадлежащими к полярным квинтилям, на сбережения. С 2014 по 2016 г. она выросла с 30 до 45 раз. В 2017 г. эта дистанция немного сократилась — до 38 раз, однако в 2018 г. вновь выросла до 49 раз. В 2018 г. различия в объеме средств, предназначенных для сбережений, составляли между домохозяйствами верхнего квинтиля и ближайшего к нему четвертого квинтиля 2,7 раза, как и в предыдущем 2017 г.

В 2018 г. увеличилась разница между домохозяйствами самого состоятельного и самого бедного квинтилей в расходах на одежду и обувь. Если в 2017 г. эта разница составляла 2,8 раза, то в 2018 г. она увеличилась до 3 раз. Примечательно, что в 2017 г. домохозяйства беднейшего квинтиля расходовали на покупку одежды и обуви в 3,9 раза больше, чем на приобретение электроники и других предметов длительного пользования, тогда как в 2018 г. — уже в 4,7 раза больше. И в то же время домохозяйства самого обеспеченного квинтиля, наоборот, в 2018 г. тратили на покупку одежды и обуви в 1,9 раза меньше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования (2017 г. — в 2,6 раза меньше).

Разрыв в расходах на непродовольственные товары повседневного спроса (мыло, шампуни, игрушки, газеты, журналы и т. п.) между домохозяйствами, принадлежащими к крайним квинтилям, сократился с 2,7 раза в 2013–2014 гг. до 2,2 раза в 2016–2017 гг. и далее до двух раз в 2018 г. В 2018 г., как и годом ранее, домохозяйства самого состоятельного квинтиля тратили на эти товары в 1,2 раза больше, чем домохозяйства четвертого квинтиля. Обращает на себя внимание

и тот факт, что у домохозяйств беднейшего квинтиля расходы на сравнительно дешевые, но крайне необходимые товары повседневного спроса уже не первый год оказываются выше, чем траты на дорогостоящую электронику и другие товары длительного пользования, а также на оплату обучения, на выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. В 2018 г. это превышение составило 2,3 и 1,6 раза соответственно.

Дистанция между домохозяйствами полярных квинтилей в расходах на горючее, топливо в 2018 г. сохранилась на прежнем уровне. С 2008 по 2017 г. она достаточно последовательно уменьшилась с 10 до 3,3 раза и в 2018 г. не изменилась. В 2018 г. двадцать процентов самых обеспеченных домохозяйств тратили на топливо в 1,3 раза больше, чем домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля. При этом в структуре расходов беднейших домохозяйств эти расходы занимали четвертую позицию.

В 2018 г. немного увеличилась разница в расходах домохозяйств, принадлежащих к полярным квинтилям, на табачную продукцию. С 2008 по 2015 г. она снизилась с 2,5 до 1,6 раза, в 2016 г. увеличилась до 1,9 раза. В 2017 г. эта дистанция вновь сократилась до 1,5 раза, но в 2018 г. увеличилась до 1,7 раза. В 2018 г. домохозяйства наименее состоятельного квинтиля тратили на табачные изделия в 2,6 раза больше, чем на электронику и другие предметы длительного пользования, что было больше, чем 1,9 раза в 2017 г. Кроме того, стоит обратить внимание на то, что в 2018 г. домохозяйства нижнего квинтиля расходовали на табачные изделия в 1,1 раза больше, чем на различные товары первой необходимости, в 1,9 раза больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам.

Таким образом, в 2018, когда российская экономика постепенно вошла в полосу вялотекущей депрессии, многие россияне, с одной стороны, старались, как и в годы экономического кризиса, отказываться от ряда товаров в пользу питания, с другой стороны, в питании чаще отдавали предпочтение дешевым калорийным продуктам. К причинам снижения потребительских расходов можно было отнести высокие инфляционные ожидания (заметно превышающие и текущий, и прогнозный уровни), а также негативное отношение к целому ряду непопулярных реформ, которые могут привести к падению доходов у значительной части населения. При этом некоторый рост розничных продаж был в основном вызван легкой доступностью потребительских кредитов и покупками в кредит.

Расходы российских домохозяйств на продовольствие продолжили рост, тогда как траты на непродовольственные товары вновь сократились. Домохозяйства увеличили расходы на мясо, птицу и рыбу и продукты домашнего изготовления, но сократили траты на картофель, фрукты и овощи, хлебобулочную продукцию, молочные продукты, питание вне дома. Что касается расходов на непродовольственные товары, то наиболее значительным оказалось сокращение трат на услуги и отдых, электронику и другие товары длительного пользования. В то же время позитивную, но достаточно скромную динамику показали расходы домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг, топливо, товары повседневного обихода; расходы на табачную продукцию выросли более значительно. Практически не изменилась величина расходов на одежду и обувь.

Динамика владения предметами длительного пользования

Данные RLMS-HSE демонстрировали в 2018 г., как и годом ранее, достаточно скромное повышение уровня обеспеченности российских домохозяйств предметами длительного пользования. С одной стороны, негативные ожидания развития экономической ситуации в стране, особенно в ближайший год, стали одним из основных источников нарастания пессимизма и пересмотра текущих планов покупок и потребительских расходов у небогатых семей. При этом наблюдалась все большая рационализация потребительского поведения россиян. В кризисный период умение оценивать полезность покупки превратилось в один из наиболее ценных и полезных повседневных навыков. Это привело к увеличению доли граждан, относящихся к категории рациональных покупателей, которые принимают обычно взвешенные, хорошо продуманные решения и приобретают только необходимые товары.

С другой стороны, за годы длительной кризисной полосы накопился значительный отложенный спрос на товары длительного пользования и некоторые дорогие услуги, который во многом удовлетворялся за счет кредитов. Можно было говорить о некоторой адаптации существенной части населения к текущей ситуации и психологической усталости от постоянной экономии на предметах культурно-бытового назначения. Несмотря на стагнацию доходов, немало россиян все же решались на крупные денежные затраты, отказываясь от выполнения своих индивидуальных планов по экономии. В кризисные годы обеспеченные граждане стали более избирательно подходить к ценовой политике производителей, к качеству и количеству приобретаемых товаров и услуг. В тот период у них росло большей частью потребление тех товаров и услуг длительного пользования, которые можно купить дешевле, чем обычно. Но, когда острая фаза кризиса прошла, стала понемногу увеличиваться доля обеспеченных граждан, которые перестали экономить на предметах длительного пользования, и возрос сегмент демонстрационного и статусного потребления. Одновременно уменьшилось число тех, кто отдает предпочтение при покупке предметов длительного пользования более дешевым видам и маркам товаров.

Как следует из таблицы 8, в 2018 г. выявлен некоторый рост уровня оснащенности российских домохозяйств предметами длительного пользования по одним анализируемым группам товаров данной категории и снижение по другим.

Данные RLMS-HSE, представленные в таблице 8, демонстрируют очередное снижение уровня оснащенности российских домохозяйств автомобилями. Доля домохозяйств, имеющих во владении легковой и/или грузовой автомобиль, в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом уменьшилась на минимальные 0,1 п.п. (с 45,2 до 45,1%) и затем в 2018 г. еще на 0,5 п.п. — до 44,6%. До этого обеспеченность домохозяйств автомобилями только нарастала. За весь последний кризисный период, охватывающий 2008–2016 гг., этот рост составил 10,7 п.п. — с 34,5 до 45,2%.

Примечательно, что в 2012–2016 гг. рост количества домохозяйств — владельцев автомобилей происходил на фоне падения продаж легковых автомобилей в России, тогда как в 2017–2018 гг. снижение уровня обеспеченности домохозяйств автомобильной техникой сопровождалось усилением позитивных тенденций на рынке автопродаж. Причем рост продаж наблюдался как на рынке новых, так

и подержанных автомобилей. Из-за того, что часть автовладельцев в 2012–2016 гг. отказывалась от обновления транспортных средств, средний срок автомобилей, находящихся в личном пользовании, вырос.

Таблица 8

Доля респондентов, владеющих различными предметами длительного пользования на момент проведения опроса, 1992–2018 гг., %

Предметы длительного пользования	Период сбора данных								
	1992	1998	2000	2004	2008	2012	2014	2017	2018
Черно-белый телевизор	53,7	34,5	29,8	13,4	–	–	–	–	–
Цветной телевизор	54,6	73,5	75,9	87,8	96,4	97,6	97,7	97,1	97,1
Видеомагнитофон	3,1	32,2	33,4	42,6	35,2	23,8	18,5	12,6	10,7
Компьютер	–	4,0	4,1	16,1	38,2	61,0	67,2	69,4	68,7
Легковой или грузовой автомобиль	16,5	24,8	26,3	27,8	34,5	41,6	44,1	45,1	44,6
Холодильник	93,0	92,4	93,3	94,6	–	–	–	–	–
Холодильник «No Frost»	–	–	–	–	35,0	51,1	57,1	62,9	65,0
Стиральная машина	76,6	78,5	79,1	80,4	–	–	–	–	–
Автоматическая стиральная машина	–	–	–	–	53,0	72,7	79,5	83,9	85,3
Дача*	17,8	30,9	30,4	27,1	24,4	24,1	23,4	23,6	22,9

* Дача означает садовый домик или дом в деревне, владение дачей учитывается только для городских домохозяйств.

По итогам 2017 г. продажи легковых автомобилей в России увеличились на 12%, а по итогам 2018 г. – еще на 13%. В 2018 г. большинство автомобилей приобреталось в кредит. С одной стороны, банковская система предлагала все более интересные условия кредитования, с другой – сами производители автомобилей, имея в России свои дочерние банки, тоже расширяли спектр выгодных предложений. Кроме того, автопроизводители всячески стимулировали спрос за счет скидок и различных программ по замене старых автомобилей в счет продажи новых. Мощный импульс к росту продаж автомобилей получили в начале года за счет реализации различных государственных программ субсидирования: «Семейный автомобиль», «Первый автомобиль» и др. Но, говоря о росте продаж легковых автомобилей, необходимо не забывать и о заметном увеличении доли корпоративных продаж автотранспорта для использования в качестве такси и для каршеринга. То есть в немалой степени увеличение спроса было вызвано искусственно.

Одной из наиболее устойчивых тенденций является довольно последовательное сокращение количества домохозяйств, владеющих дачами, т. е. садовыми домиками или домиками в деревне, которые обычно не используются для постоянного проживания (владение дачей учитывается только для городских домохозяйств)¹. В целом с 1998 по 2018 г. удельный вес таких городских домохо-

¹ С 1 января 2019 г. вступил в действие новый Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который исключил такую правовую организационную норму объединения граждан, как «дачное некоммерческое товарищество».

зайств сократился на 8 п.п., или почти в полтора раза — с 30,9 до 22,9%. Во многом это было обусловлено тем, что на смену традиционным дачам стало приходиться более современное, дорогое и комфортабельное загородное жилье — коттеджи, таунхаусы и т. п. Небольшой рост городских домохозяйств, имеющих дачи, был отмечен только в 2016 и 2017 гг. — на 0,2 п.п. в каждом году.

К позитивным тенденциям, выявленным в ходе анализа обновленных данных RLMS-HSE, следует отнести нарастание уровня обеспеченности российских домохозяйств современной техникой культурно-бытового назначения. Так, на фоне сокращения числа домохозяйств, имеющих в собственности такие морально и физически устаревшие технические средства, как видеомэгафон, наблюдалось дальнейшее увеличение удельного веса домохозяйств, владеющих холодильниками последнего поколения «No Frost» и современными автоматическими стиральными машинами. Причем темпы этого роста в 2018 г. стали выше, чем в предыдущие годы.

В частности, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. доля домохозяйств, владеющих современными холодильником «No Frost», увеличилась только на 0,9 п.п., достигнув 61,7%. Эти темпы роста были одними из самых низких за все время наблюдений в рамках мониторинга. Но в 2017 г. они увеличились до 1,2 п.п., а в 2018 г. — до 2,1 п.п. В результате этого роста доля домохозяйств, имеющих холодильник «No Frost», выросла до максимальных 65%. В целом за 2008–2018 гг. доля таких домохозяйств увеличилась на 30 п.п., или почти в 2 раза.

Темпы повышения уровня обеспеченности российских домохозяйств автоматическими стиральными машинами в 2018 г. были ниже аналогичных темпов роста уровня обеспеченности их современными холодильниками. За последний год этот рост составил 1,4 п.п., что было немного больше 1,2 п.п., зафиксированных в 2017 г., но меньше, чем 1,9 п.п. роста в 2016 г. В целом с 2008 по 2018 г. уровень обеспеченности домохозяйств автоматическими стиральными машинами последовательно вырос с 53 до 85,3%, т. е. на 32,3 п.п., или в 1,6 раза.

Число домашних хозяйств, имеющих во владении один или несколько цветных телевизоров, уже достигло своего максимума и практически не менялось на протяжении нескольких последних лет. В 2018 г., как и в 2017 г., доля российских домохозяйств, имеющих хотя бы один цветной телевизор, составляла 97,1%, что было, однако, немного меньше, чем в 2012–2016 гг.

Одним из важных сдвигов, который может свидетельствовать о начале новой тенденции, стало некоторое сокращение количества домохозяйств, имеющих один или несколько компьютеров. Уровень обеспеченности российских домохозяйств компьютерами к концу 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. вырос на 1 п.п. — с 68,4 до 69,4%. Такими же были темпы этого роста и в предыдущем году. В целом за 2008–2017 гг. доля домохозяйств, располагающих компьютерной техникой, выросла с 38,2 до 69,4%, т. е. на 31,2%, или в 1,8 раза. Но в конце 2018 г. удельный вес таких домохозяйств уменьшился до 68,7%, т. е. на 0,7 п.п. Это снижение можно объяснить тем, что все больше россиян, особенно молодого возраста, отдают предпочтение не компьютерам, а планшетами или айфонам. При этом многим молодым людям эти гаджеты заменяют также телевизоры.

Повышение уровня компьютеризации российских домохозяйств сопровождалось увеличением числа граждан, пользующихся компьютерной техникой. Так, если в 2000 г. о пользовании компьютером в течение 12 месяцев, предшествующих опросу, в любых целях, включая печатаное текстов, компьютерные игры, просмотр фильмов и т. п., сообщали только около трети респондентов в возрасте 14 лет и старше, то в 2017 г. уже 60,6%, что было на 1,5 п.п. больше, чем в предыдущем 2016 г. А в 2018 г. количество таких пользователей, несмотря на сокращение числа домохозяйств, имеющих компьютер, увеличилось до 61,5%, т. е. на 0,9 п.п.

Одновременно с увеличением числа взрослых россиян, пользующихся компьютерами, выросло число граждан, обращающихся к услугам Интернета. В 2017 г. о пользовании Интернетом в течение последних 12 месяцев сообщали 63,6% опрошенных взрослых россиян, что было на 2,1 п.п. больше, чем 61,5% в 2016 г. В 2018 г. доля таких пользователей увеличилась еще на 2,8 п.п. — до максимальных 66,4%. Таким образом, в 2018 г. темпы роста числа граждан, пользующихся услугами Интернета, были немного выше, чем в предыдущем году, но ниже, чем в 2016 г., когда они составили 3,5 п.п.

Сокращение темпов роста охвата Интернетом населения свидетельствует о том, что уровень проникновения Интернета в России достиг своего максимума. Дальнейший прирост возможен только за счет глухих населенных пунктов, в которых Всемирная сеть распространяется медленнее. Большинство тех, кто остается за пределами Интернета, относятся к старшему поколению или к тем, кто живет в отдаленных регионах. Крупные населенные пункты давно охвачены Интернетом, а мелкие населенные пункты и частный сектор интернет-провайдеров не интересны, так как стоимость его внедрения довольно высока, а клиентов будет очень мало.

Из числа респондентов, обращавшихся к услугам Интернета в 2018 г., 87,5% (2017 г. — 85,4%) пользовались ими для получения информации о новостях; 85,8% (2017 г. — 85,2%) — для общения с другими людьми; 85,1% (2017 г. — 84,1%) — для расширения кругозора, повышения своего культурного уровня; 85,2% (2017 г. — 83,9%) — для получения различных справочных материалов; 79,8% (2017 г. — 78,5%) — для развлечений, отдыха; 73,5% (2017 г. — 74,6%) — для посещения сайтов социальных сетей; 43% (2017 г. — 44,2%) — для работы; 45,3% (2017 г. — 42,1%) — для покупок, получения товаров и услуг; 23,3% (2017 г. — 24,2%) — для учебы.

Эти данные еще раз показывают стремительный рост популярности покупок товаров и услуг с помощью Интернета. В 2018 г. динамика роста российской онлайн-торговли достигла рекордных темпов. По итогам года прирост продаж у отдельных компаний превысил 70%, а весь рынок увеличился на 19% и достиг 1,15 трлн руб.¹

Данные мониторинга об изменении уровня оснащенности семей и отдельных граждан различными гаджетами выглядят противоречиво. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля взрослых россиян, владеющих планшетом и лично пользующихся им, увеличилась на 1,8 п.п. — с 7,5 до 9,3%, но в 2016 г. она снизилась на 0,3 п.п. — до 9%. В 2017 г. вновь выросла на 1,6 п.п. — до 10,6%, но в 2018 г. опять снизилась до 10,1%. Помимо граждан, которые владеют планшетом и лично им пользуются, есть немало людей, которые имеют планшет, но пользуются им несколько членов семьи. Доля респондентов, указавших, что они пользуют-

¹ Кузьмина В. Купить с экрана монитора // Эксперт. 2019. № 25. С. 25–27.

ся планшетом вместе с другими членами семьи, увеличилась с 4,8% в 2014 г. до 5,1% в 2015 г., т. е. на 0,3 п.п. В 2016 г. она опять выросла до 5,7%, т. е. на 0,6 п.п., но в 2017 г. уменьшилась на 0,9 п.п. — до 4,8%, т. е. до уровня 2014 г. И наконец, в 2018 г. было отмечено очередное сокращение до 4,4%.

В 2018 г. по сравнению с 2017 г. на 1,3 п.п. (с 20,3 до 21,6%) выросла доля взрослых россиян, которые имели в личном пользовании переносной компьютер (ноутбук, лэптоп, нетбук). Но в то же время на 1,7 п.п. (с 25,2 до 23,5%) уменьшилась доля респондентов, которые располагали таким компьютером, находящимся в пользовании нескольких членов семьи.

На фоне этих изменений особенно впечатляющим выглядит рост числа взрослых россиян, имеющих с личным пользованием такие гаджеты, как смартфон, коммуникатор, айфон. С 2014 по 2018 г. их доля выросла с 16,7 до 45,9%, т. е. на 29,2 п.п., или в 2,8 раза. При этом в 2015 г. по сравнению с 2014 г. она увеличилась на 4,6 п.п. — с 16,7 до 21,3%. Но еще более существенным этот рост оказался в 2016 г., когда доля респондентов, владеющих такими гаджетами, выросла на 6,7 п.п. — до 28%. В 2017 г. был зафиксирован очередной рост, но уже на 9,6 п.п. — до 37,6%. И наконец, в 2018 г. доля таких пользователей увеличилась на 8,3 п.п. — до 45,9%. Одновременно наблюдалось сокращение доли взрослых граждан, которые являются владельцами указанных гаджетов, но пользуются ими все члены семьи. Если в 2014—2016 гг. их доля оставляла от 0,7 до 1%, то в 2017 г. — только 0,3%, а в 2018 г. — 0,4%.

Рост числа взрослых граждан, пользующихся смартфонами, коммуникаторами, айфонами, привел к сокращению числа лиц, пользующихся мобильными сотовыми телефонами. Согласно данным мониторинга, в 2015—2016 гг. имели мобильный сотовый телефон в личном пользовании 77,2% взрослых россиян в возрасте 14 лет и старше, а имели мобильный телефон, но пользовались им несколько членов семьи, — 0,9% респондентов. В 2017 г. доля респондентов, имеющих такой телефон в личном пользовании, уменьшилась на 13,1 п.п. — до 64,1%, и далее в 2018 г. еще на 8,8 п.п. — до 55,3%. Таким образом, за два последних года число россиян, имеющих в личном пользовании мобильный сотовый телефон, сократилось более чем на треть. При этом доля тех, кто пользовался телефоном вместе с другими членами семьи, увеличилась за последний год на 0,2 п.п. — до 0,9%.

Анализ данных мониторинга свидетельствует также о появлении интереса к такому новому техническому средству, как «умные часы». В 2018 г. имели в личном пользовании такой гаджет 1,5% взрослых россиян. И еще 0,7% сообщили, что у них есть «умные часы», но пользуются ими несколько членов семьи.

Таким образом, в 2018 г. рост уровня оснащенности российских домохозяйств предметами длительного пользования по одним группам товаров данной категории сопровождался снижением по другим группам. Так, при увеличении доли домохозяйств, владеющих холодильником последнего поколения «No Frost» или современной автоматической стиральной машиной, наблюдалось сокращение удельного веса домохозяйств, имеющих автомобиль или компьютер. На фоне значительного сокращения числа россиян, пользующихся мобильными сотовыми телефонами, вновь резко выросло число граждан, имеющих в личном пользовании такие гаджеты, как смартфон, коммуникатор, айфон. Одной из причин позитивных тенденций, обуславливающих рост уровня обеспеченности российских домохозяйств предметами длительного пользования, стало более уверенное при-

общение провинции к материальным благам и преимуществам цифрового мира. Сокращается разрыв между столицами и регионами по обеспеченности товарами длительного пользования и по проникновению Интернета.

Безработица, участие в рабочей силе и перемена места работы

В конце 2018 г. изменения на российском рынке труда характеризовались рядом как позитивных, так и негативных тенденций. При этом если в начале нового века во многих отраслях доминировал рынок работника, то в настоящее время в подавляющем большинстве секторов экономики господствует рынок работодателя. В немалой степени такая ситуация, несущая большие риски и неудобства для работника, стала следствием усилившейся монополизации и огосударствления экономики, а также деградации малого и среднего бизнеса.

Таблица 9 содержит данные RLMS-HSE по безработице, работе без выплаты заработной платы и продолжительности безработицы в период с 1992 по 2018 г. В ней содержатся как данные по общей безработице (по определению BLS/ILO), так и сведения по скрытой безработице.

Таблица 9

Уровень безработицы среди экономически активного населения:
мужчины 18–60 лет, женщины 18–55 лет, 1992–2018 гг., %

Категории	Период сбора данных										
	1992	1998	2000	2002	2004	2008	2010	2012	2014	2017	2018
Уровень безработицы (по определению BLS/ILO)	5,6	10,8	8,4	6,9	6,9	5,0	6,1	5,1	4,8	3,5	3,3
Уровень безработицы, включая скрытую*	–	11,2	8,5	7,0	6,9	5,1	6,1	5,1	4,8	3,5	3,3
Уровень скрытой безработицы	–	0,5	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0
Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней	5,8	17,1	10,8	8,8	5,1	3,5	3,4	2,9	2,2	2,0	1,5
Длительность периода безработицы (исключая скрытую безработицу)											
Менее 1 месяца	–	5,4	9,0	6,8	11,4	13,4	9,6	12,6	13,3	10,7	11,2
1–3 месяца	–	20,6	15,8	20,9	20,1	20,5	19,7	22,3	20,3	20,6	20,6
Более 3 месяцев	–	74,0	75,3	72,3	68,5	66,2	70,7	65,1	66,5	68,7	68,3
Участие в рабочей силе	86,7	82,6	82,4	82,4	82,2	82,2	83,2	83,0	82,4	81,9	81,0
Доля работников, заявивших о смене места работы	–	9,9	11,2	13,1	12,9	11,3	11,8	12,1	11,6	9,2	8,6
Доля работников, заявивших о смене профессии	–	7,5	8,1	9,3	7,9	8,3	7,3	7,8	7,5	5,6	5,8

*Скрытая безработица определяется как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка.

Данные мониторинга, представленные в таблице 9, показывают, что в 2018 г. уровень безработицы в России продолжал снижаться. Если за 2014–2015 гг. доля экономически активного населения, не имеющего работы и ищущего работу, выросла на 1,5 п.п. — с 4 до 5,5%, то за 2016–2017 гг. она сократилась до 3,5%, а в 2018 г. — до 3,3%. В результате такого значительного снижения, составившего за три последних года 2,2 п.п., уровень безработицы оказался самым низким за все время наблюдений.

Что касается так называемой «скрытой безработицы», которая определяется в исследовании как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка, то она в 2016 г., как, впрочем, и во многие предыдущие годы, практически отсутствовала. Поправки на скрытую безработицу играли весьма существенную роль только в первые несколько лет проведения экономических и социальных реформ в России, а в более поздние годы проведения опросов RLMS-HSE они были незначительны, что в определенной мере свидетельствовало об оздоровлении ситуации на рынке труда.

Помимо общих сведений об уровне безработицы в таблице 9 приведены данные RLMS-HSE относительно длительности периодов безработицы (исключая скрытую безработицу). Эти данные показывают, что в течение 2018 г. структура безработицы не претерпела каких-либо существенных изменений. Как во все предыдущие годы, в этот год полностью доминировала длительная безработица, продолжительностью более трех месяцев, на долю которой приходилось 68,3%, что было только на 0,4 п.п. меньше, чем в 2017 г. В то же время на долю среднесрочной безработицы, длительностью от одного до трех месяцев, в 2018 г. приходилось 20,6% — столько же, что и годом ранее. Что касается краткосрочной безработицы, длительностью менее месяца, то ее доля за последний год увеличилась на 0,5 п.п. — с 10,7 до 11,2%. Такие небольшие сдвиги могут свидетельствовать о стабилизации структуры безработицы и в значительной степени общей ситуации на рынке труда.

На рис. 13 представлены данные RLMS-HSE, которые демонстрируют динамику уровня безработицы (официальной и скрытой) отдельно для мужчин и для женщин за 1992–2018 гг. Анализ этих данных убеждает, что на протяжении многих лет различия в уровне безработицы между мужчинами и женщинами проявляются только при сопоставлении данных об официальной безработице, тогда как сведения по скрытой безработице настолько малы, что выявить какие-либо существенные различия не представляется возможным.

Из данных, представленных на рис. 13, видно, что если в 2014–2015 гг. уровень безработицы как среди мужчин, так и среди женщин повышался, то в 2016–2018 гг. — только снижался. В целом с 2015 по 2018 г. официальная безработица среди мужчин сократилась на 2,2 п.п. — с 5,4 до 3,2%, тогда как среди женщин это снижение составило 2,4 п.п. — с 5,7 до 3,3%. В результате этих изменений уровни безработицы среди мужчин и среди женщин практически сравнялись и достигли минимальных значений за весь постсоветский период.

По данным Росстата, численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в декабре 2018 г. составила 76,3 млн человек. Из них 72,6 млн человек классифицировались как занятые экономической деятельностью и 3,7 млн человек — как безработные (с применением критериев Международной организации труда, т. е. не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы при-

ступить к ней в обследуемую неделю). Уровень безработицы (отношение численности безработных к численности рабочей силы) в декабре 2018 г. составил 4,8% (без исключения сезонного фактора). Общая численность безработных, классифицируемых в соответствии с критериями МОТ, в 5,3 раза превысила численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения. В конце декабря 2018 г. в органах службы занятости населения (по данным Роструда) состояли на учете в качестве безработных 693 тыс. человек, что было на 4,9% больше по сравнению с ноябрем 2018 г. и на 10,6% меньше по сравнению с декабрем 2017 г.

Рис. 13. Уровень безработицы среди мужчин и женщин, 1992–2018 гг., %

Среди безработных в возрасте 15 лет и старше доля женщин в декабре 2018 г. составила 46,8%, городских жителей — 61,8%, молодежи до 25 лет — 21,4%, лиц, не имеющих опыта трудовой деятельности, — 25,9%. Уровень безработицы среди сельских жителей (8,0%) превышал уровень безработицы среди городских жителей (3,9%). В декабре 2018 г. это превышение составило 2,1 раза.

Самый высокий уровень безработицы, достигающий 10,7%, был зафиксирован в Северо-Кавказском федеральном округе. В Сибирском и Дальневосточном федеральных округах он составил 6,5%, в Южном федеральном округе — 5,4%, Уральском — 4,7%, Приволжском — 4,4%, Северо-Западном — 3,9% и в Центральном федеральном округе — 2,9%. Среди субъектов Российской Федерации лидерами по уровню безработицы являлись Республика Ингушетия (26,3%), Карачаево-Черкесская Республика (13,2%), Чеченская Республика (13,2%), Республика Тыва (12,9%), Республика Дагестан (12,7%), Республика Алтай (12,5%), Кабардино-Балкарская Республика (10,8%), Забайкальский край (10%), Республика Северная Осетия — Алания (9,6%), Республика Бурятия (9,5%), Республика Карелия (8,5%), Республика Адыгея (8,2%), Курганская область (8,1%), Мурманская область (8%), Иркутская область (8%). А самый низкий уровень безработицы выявлен в Москве (1,2%) и Санкт-Петербурге (1,5%).

Дальнейший анализ данных RLMS-HSE, представленных в таблице 9, показал, что в 2018 г. проблема долгов по заработной плате беспокоила небольшую часть работающих граждан и их семей. Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней, уменьшилась с 2% в декабре 2017 г. до 1,5% в декабре 2018 г. Таким образом, если с 1992 по 1996 г. доля таких работников выросла почти в 4 раза – с 5,8 до 21,4%, то к концу 2018 г. она довольно последовательно сократилась более чем в 14 раз, достигнув минимального значения за весь период наблюдений.

Две нижние строки таблицы 9 демонстрируют величины оборота рабочей силы и профессиональной мобильности. Из них, в частности, следует, что в декабре 2018 г. только 8,6% (декабрь 2017 г. – 9,2%) работающих россиян сообщили, что сменили свое место работы, а 5,8% (декабрь 2017 г. – 5,6%) занятых указали, что поменяли свою профессию. В результате этих изменений доля работников, заявивших о смене места работы, снизилась до нового минимума, тогда как доля заявивших о смене профессии превысила прежний минимум, зафиксированный годом ранее, на 0,2 п.п.

Анализ данных, характеризующих изменения уровня участия в рабочей силе (отношение численности рабочей силы к общей численности взрослого населения, выраженное в процентах), свидетельствует о постепенном снижении данного показателя в самые последние годы. Начиная с 1998 г. уровень участия в рабочей силе колебался в границах узкого коридора значений, но после 2009 г. он начал постепенно уменьшаться. За этот период показатель участия в рабочей силе сократился на 2,2 п.п. – с 83,2% в декабре 2010 г. до 81% в декабре 2018 г. Небольшой промежуточный рост на 0,2 п.п. был отмечен только в 2017 г.

На рис. 14 представлены данные RLMS-HSE, характеризующие участие в рабочей силе мужчин и женщин трудоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее).

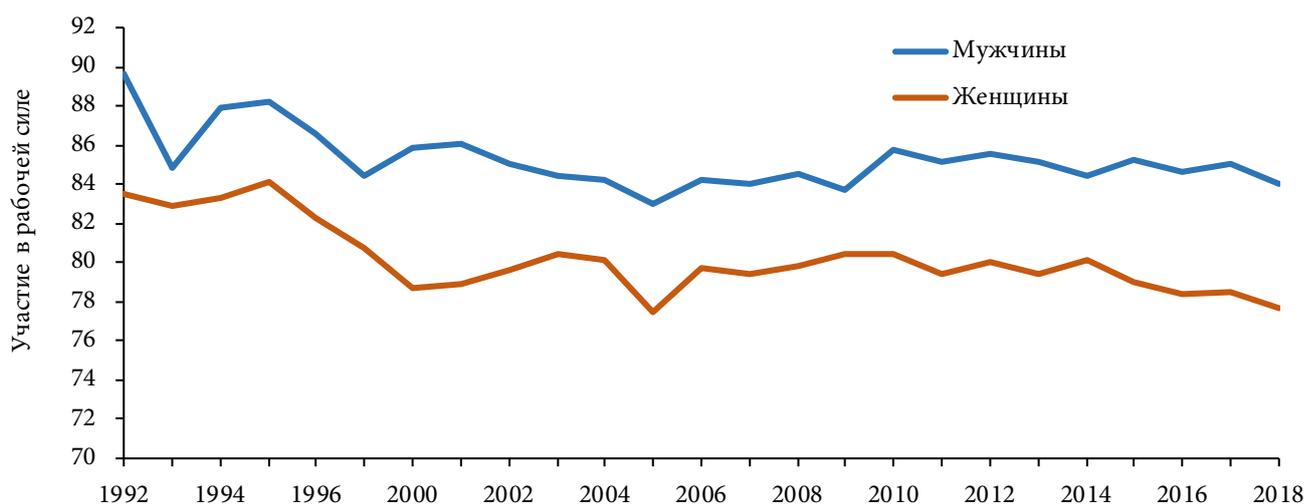

Рис. 14. Участие в рабочей силе населения работоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее), 1992–2018 гг., %

Данные рис. 14 свидетельствуют о сокращении в 2018 г. показателя участия в рабочей силе в отношении как мужчин, так и женщин. Так, в декабре 2018 г., по сравнению с декабрем 2017 г., коэффициент участия в рабочей силе у мужчин уменьшился на 0,9 п.п. (с 85 до 84,1%), тогда как у женщин – на 0,8 п.п. (с 78,5 до

77,7%). При этом если у мужчин коэффициент участия в рабочей силе в течение последних лет был подвержен ежегодным разнонаправленным колебаниям, то у женщин наблюдалось довольно последовательное снижение данного показателя. С декабря 2014 г. по декабрь 2018 г. у женщин он уменьшился на 2,5 п.п. — с 80,2 до 77,7%.

На рис. 15 приведены данные RLMS-HSE о занятости мужчин и женщин, получающих пенсию. Эти данные показывают, что за последний год уровень занятости снизился как у мужчин-пенсионеров, так и у женщин-пенсионеров. В декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. доля занятых среди мужчин-пенсионеров уменьшилась с 20,8 до 19,7%, т. е. на 1,1 п.п., тогда как у женщин-пенсионеров — с 25,9 до 24%, т. е. на 1,9 п.п. Если в 2017 г. разрыв в уровне занятости между женщинами-пенсионерами и мужчинами-пенсионерами был одним из самых больших, составляя 5,1 п.п., что было лишь немного меньше 5,7 п.п. в 2015 г., то в 2018 г. он сократился до 4,3 п.п.

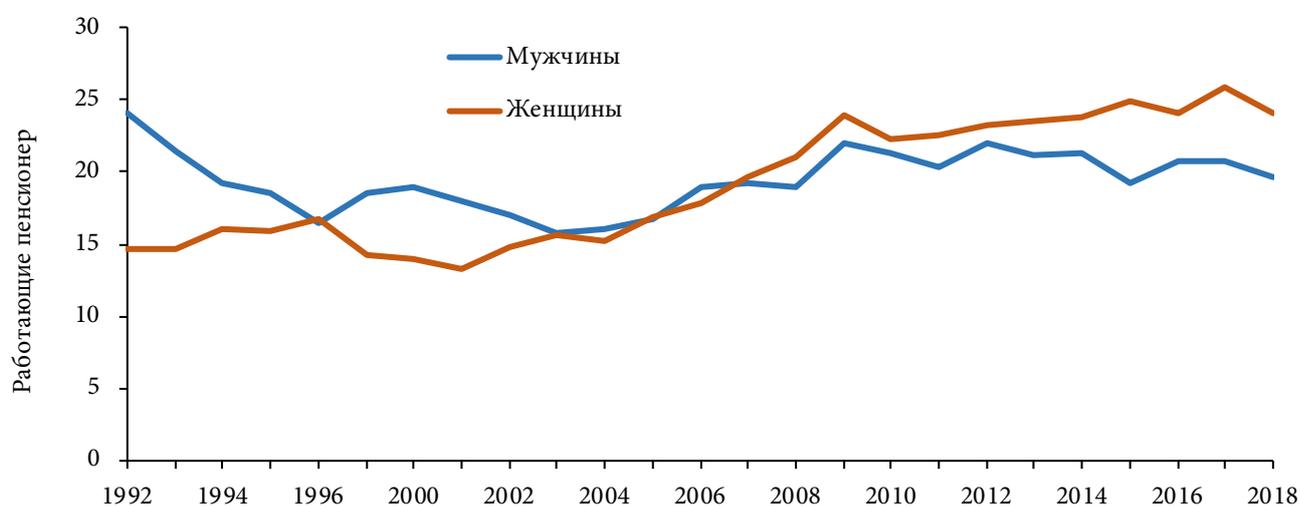

Рис. 15. Доля работающих пенсионеров, 1992–2018 гг., %

Очень часто для обычного человека выход на пенсию равноценен крушению привычного образа жизни. Люди, особенно те, которые имели зарплату выше среднего уровня, начинают получать, даже несмотря на внушительный стаж, скромную по сравнению с их прошлым заработком пенсию. Они вынуждены либо смириться с резким ухудшением качества жизни, либо продолжить работать, несмотря на проблемы со здоровьем. При этом катастрофа в жизни человека, достигшего пенсионного возраста, происходит не тогда, когда он переступает эту черту, а когда начинает понимать, что уже нет сил активно трудиться и теперь придется жить на одну пенсию.

Поэтому снижение численности работающих пенсионеров связывается главным образом с вступлением в силу федерального закона об отмене индексации пенсий работающим пенсионерам¹. Попытка Минфина России сэкономить на работающих пенсионерах обернулась огромными потерями для государства

¹ Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий» // Российская газета. 31.12.2015. Федеральный выпуск № 297 (6868).

и общества, поскольку привела к тому, что огромное число этих работников предпочло уйти в тень. Согласно данным, представленным в докладе Минтруда РФ, доля работающих пенсионеров в общей численности пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда РФ, с 1 января 2018 г. по 1 января 2019 г. понизилась с 21,1 до 20,4%. При этом подчеркивается, что, «исходя из общей тенденции старения населения и сокращения трудовых ресурсов, с каждым годом будет нарастать потребность экономики в использовании труда пожилых людей... В связи с этим, стимулирование занятости граждан пожилого возраста является одним из важных направлений государственной политики Российской Федерации и имеет большое значение как с позиции обеспечения доходов пожилых людей, использования имеющегося у них образовательного и трудового потенциала в интересах экономики страны, так и с точки зрения социализации пожилых людей, их интеграции в жизни общества»¹.

Таким образом, в 2018 г. безработица в России снизилась до рекордно низкого для постсоветского периода уровня. Ситуация на рынке труда оставалась довольно спокойной. В экономике никаких значимых событий не происходило, и не ожидалось прорывного роста на рынке труда. При этом были регионы, в которых уже много лет наблюдался дефицит рабочих мест и безработица сохранялась на крайне высоком уровне. В их число входили не только северокавказские республики, но и некоторые другие субъекты Российской Федерации. До нового минимума сократились уровни участия в рабочей силе, причем как у мужчин, так и у женщин, и невыплат заработной платы работникам. Отмечено также сокращение доли работающих среди мужчин и женщин, получающих пенсию.

Некоторые другие социально-экономические аспекты

В данном разделе представлены результаты мониторинга, позволяющие прояснить ряд важных вопросов, характеризующих условия жизни российских семей. К ним относятся, в частности, сведения о невыплатах заработной платы, пенсионных выплатах, гендерных различиях в размере и источниках заработков, задолженности по квартплате и оплате коммунальных услуг.

Невыплаты заработной платы

Согласно данным RLMS-HSE, за последний год число работников предприятий и организаций, имеющих какую-либо задолженность по заработной плате на основной работе, уменьшилось, тогда как суммарная задолженность по заработной плате перед этими работниками за указанный период увеличилась. Как видно из рис. 16, с декабря 2017 г. по декабрь 2018 г. доля работников, не полностью получивших зарплату, сократилась на 1,4 п.п. — с 2,6 до минимальных 1,2%. В то же время средняя сумма этой задолженности выросла с 35 782 до 42 786 руб.,

¹ Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей за 2018 год // Минтруд России [сайт]. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/1340> (дата обращения: 15.11.2019).

т. е. на 19,6%. В результате средняя сумма задолженности по зарплате достигла рекордной величины, а темпы ее роста оказались самыми высокими за последние два десятилетия.

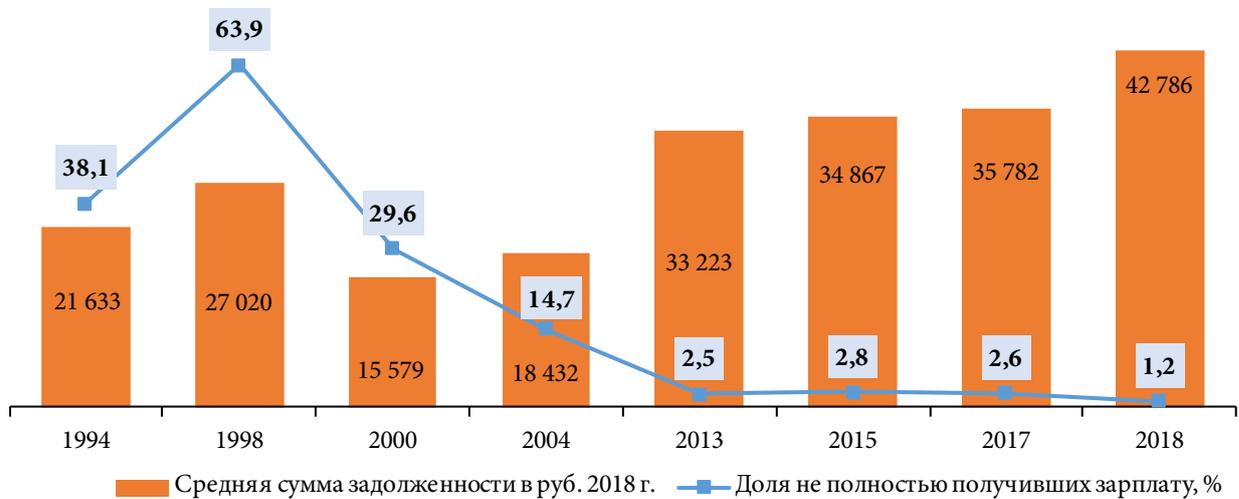

Рис. 16. Невыплаты заработной платы основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2018 гг.

В таблице 10 представлены данные мониторинга о распределении работников, которым задерживалась заработная плата, по сроку задолженности. Они, в частности, показывают, что наряду с ростом средней суммы задолженности по зарплате увеличились и сроки этой задолженности. Во многом схожая, но более последовательная картина наблюдалась и в 2017 г.

Так, в 2017 г. по сравнению с 2016 г. доля работников, которым зарплата задерживалась на минимальные сроки, т. е. на 1 месяц и менее, уменьшилась с 76,9 до 66,7% и далее в 2018 г. — до 58,3%. В то же время доля тех, кому зарплата задерживалась на 1–2 месяца, с 2016 по 2017 г. выросла в 2 раза — с 9,2 до 18,4%, но в 2018 г. она уменьшилась до 10,2%. При этом наблюдалось значительное увеличение удельного веса работников, которые не получали вовремя заработную плату намного дольше. Если с 2016 по 2017 г. доля работников, которым зарплата задерживалась на 2–3 месяца, уменьшилась с 7,2 до 4%, то в 2018 г. она выросла в 4 раза — до 15,5%. И наконец, доля работников, которым зарплата задерживалась на срок более 3 месяцев, с 2016 по 2017 г. увеличилась с 6,7 до 10,9% и далее к концу 2018 г. — до 16%, т. е. в полтора раза.

Тенденции, характеризующие изменения в распределении работников, которым задерживалась заработная плата, по сроку задолженности, во многом схожи с тенденциями изменения средней суммы задолженности по заработной плате. Так, если в 2016 г. по сравнению с 2015 г. средняя сумма задолженности по заработной плате уменьшилась на 6,4%, то в 2017 г. она увеличилась на 9,6%, а в 2018 г. — еще на 19,6%.

В 2018 г., как и во все предыдущие годы, женщинам заработная плата задерживалась реже и на меньшие суммы, чем мужчинам. С 2015 г. по 2016 г. доля мужчин, не полностью получивших заработную плату на основном месте работы, не изменилась, составив 3,1%. В 2017 г. эта доля немного увеличилась — до 3,3%, но в 2018 г. резко снизилась до 1,2%. В то же время аналогичная доля женщин уменьшилась с 2,5% в 2015 г. до 2,1% в 2016 г., а также далее до 1,9% в 2017 г. и до 1,1% в 2018 г., т. е. в целом на 1,4 п.п.

Таблица 10

Невыплаты зарплаты основным работодателем трудоспособному населению*, 1994–2018 гг.

	Доля не полностью получивших зарплату, %	Распределение работников по сроку задолженности, %				Средняя сумма задолженности (если имеется), в руб. декабря 2018 г.
		1 месяц и менее	1–2 месяца	2–3 месяца	Больше 3 месяцев	
1994						
Мужчины	40,3	35,6	29,6	16,9	18,0	28 108
Женщины	35,8	41,6	25,4	14,9	18,1	14 498
Всего работников	38,1	38,3	27,7	16,0	18,0	21633
1998						
Мужчины	65,1	19,4	19,3	18,7	42,6	36 217
Женщины	62,8	21,2	21,0	17,0	40,7	18 632
Всего работников	63,9	20,3	20,2	17,8	41,7	27 020
2000						
Мужчины	33,1	38,0	18,9	10,8	32,4	18 856
Женщины	25,9	46,3	21,8	9,1	22,8	11 227
Всего работников	29,6	41,5	20,1	10,1	28,3	15 579
2004						
Мужчины	16,8	42,1	26,9	12,9	18,1	21 640
Женщины	12,6	54,0	22,7	13,2	10,1	14 360
Всего работников	14,7	47,2	25,1	13,0	14,7	18 432
2012						
Мужчины	3,6	56,3	18,4	10,8	14,5	36 867
Женщины	2,1	50,8	13,5	16,7	19,0	26 167
Всего работников	2,9	54,5	16,8	12,8	16,0	33 223
2015						
Мужчины	3,1	52,8	26,6	10,3	10,3	36 580
Женщины	2,5	64,5	19,8	8,9	6,8	22 192
Всего работников	2,8	57,6	23,8	9,7	8,9	31 545
2016						
Мужчины	3,1	76,9	9,2	7,2	6,7	39 875
Женщины	2,1	80,2	7,0	3,2	9,6	26 844
Всего работников	2,6	78,2	8,3	5,6	7,8	34 867
2017						
Мужчины	3,3	66,2	22,1	3,2	8,5	39 201
Женщины	1,9	67,6	11,7	5,4	15,3	22 144
Всего работников	2,6	66,7	18,4	4,0	10,9	32 646
2018						
Мужчины	1,2	56,3	12,7	18,3	12,7	41 121
Женщины	1,1	61,7	6,0	10,6	21,7	38 548
Всего работников	1,2	58,3	10,2	15,5	16,0	35 782

*Под трудоспособным населением понимаются мужчины в возрасте 18–60 лет и женщины в возрасте 18–55 лет.

Увеличение в 2018 г. сроков задолженности по заработной плате на основном месте работы затронуло как мужчин, так и женщин. За последний год доля работников, которым заработная плата задерживалась на 1 месяц и менее, среди мужчин уменьшилась с 66,2 до 56,3%, тогда как среди женщин — с 67,6 до 61,7%. Доля тех, кому зарплата задерживалась на 1–2 месяца, уменьшилась за последний год среди мужчин с 22,1 до 12,71%, а среди женщин — с 11,7 до 6%. Удельный вес тех, кому зарплата задерживалась на 2–3 месяца, увеличился с 2017 по 2018 г. среди мужчин с 3,2 до 18,3%, в то время как среди женщин — только с 5,4 до 10,6%. И наконец, доля работников, которые не получали зарплату более 3 месяцев, выросла за последний год среди мужчин с 8,5 до 12,7%, а среди женщин — с 15,3 до 21,7%.

Размеры средних сумм задолженности по заработной плате у мужчин и женщин в течение последних лет менялись по-разному. Так, если у мужчин средняя сумма задолженности по зарплате с 2015 по 2016 г. уменьшилась на 1,7%, то в 2017 г. она увеличилась на 4,9%, а в 2018 г. — еще на 23,6%. В то же время у женщин средняя сумма задолженности по зарплате с 2015 по 2016 г. уменьшилась на 17,5%, тогда как в 2017 г. она выросла сразу же в 1,7 раза, но в 2018 г. уменьшилась в 1,3 раза.

Изменения, которые проявились в конце 2017 г., вновь увеличили разрыв между мужчинами и женщинами в величине задолженности по заработной плате до значительной величины. Так, в 2014 г. средняя сумма задолженности по зарплате у мужчин была больше, чем у женщин, почти в 1,6 раза, в 2015 г. — более чем в 1,5 раза, а в 2016 г. — почти в 1,8 раза. И только в 2017 г. этот разрыв сократился до минимальных 1,1 раза, но уже в 2018 г. он опять вырос до 1,7 раза.

Данные Росстата показывают, что в 2018 г., как и во все последние годы, проблема задолженности по заработной плате не являлась угрожающей. Так, по данным официальной статистики, на 1 декабря 2018 г., по сведениям, представленным организациями (не относящимися к субъектам малого предпринимательства), суммарная задолженность по заработной плате по кругу наблюдаемых видов экономической деятельности составила 3070,4 млн руб. и по сравнению с 1 ноября 2018 г. снизилась на 139 млн руб. (на 4,3%). В подавляющем большинстве случаев это было связано с недостаточностью собственных средств организаций. Просроченная задолженность по заработной плате из-за отсутствия у организаций собственных средств составила 3037,4 млн руб., по сравнению с 1 ноября 2018 г. она снизилась на 143,1 млн руб. (на 4,5%). Задолженность из-за несвоевременного получения денежных средств из бюджетов всех уровней составила 33 млн руб. и увеличилась по сравнению с 1 ноября на 4,1 млн руб. (на 14,2%), в том числе задолженность из федерального бюджета составила 8,9 млн руб. и снизилась по сравнению с 1 ноября на 16,8 млн руб. (на 34,7%), бюджетов субъектов Российской Федерации — 18,5 млн руб., увеличившись по сравнению с околонулевыми значениями на 1 ноября, местных бюджетов — 5,6 млн руб. (увеличение на 2,4 млн руб., или на 72,4%). Из общей суммы невыплаченной заработной платы на долги, образовавшиеся в 2017 г., приходится 529 млн руб. (17,2%), в 2016 г. и ранее — 1011 млн руб. (32,9%). Задолженность по заработной плате на 1 декабря 2018 г. имела перед 45,6 тыс. человек (менее 1% работников по обследуемым видам экономической деятельности), из них 46% — работники обрабатывающих производств; 17% — строительства; 7% — сельского хозяйства, охоты и предоставления услуг в этих областях, лесозаготовок; по 6% — транспорта и добычи полезных ископаемых.

Источники трудового дохода и гендерные различия

В таблице 11 представлены данные RLMS-HSE о распределении мужчин и женщин трудоспособного возраста, имеющих трудовой доход, с разбивкой по источникам дохода (процент сообщивших о получении того или иного вида дохода), которые дают представление об отдельных важных проблемах гендерного характера, относящихся к теме данного исследования.

Таблица 11

Источники доходов от трудовой деятельности трудоспособного населения*, 1992–2018 г.

Категория дохода	Период сбора данных						
	1992	1998	2004	2008	2013	2017	2018
Мужчины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	64,2	31,6	30,9	31,2	32,3	26,0	27,3
Средний размер получаемого дохода**	17 451	10 402	18 563	29 956	32 253	38 645	40 161
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	15,7	20,9	32,9	38,4	40,2	44,6	42,5
Средний размер получаемого дохода**	16 397	12 954	25 152	35 357	36 338	45 304	46 437
Доход от работы в неформальном секторе, %	2,4	10,0	12,4	9,0	8,6	11,6	12,0
Средний размер получаемого дохода**	25 839	5843	13 293	3125	19 923	29 024	27 879
Доход от трудовой деятельности, %	80,3	58,3	72,7	75,9	78,7	79,7	79,3
Средний размер получаемого дохода**	17 924	11 269	21 519	32 622	33 979	42 199	42 933
Женщины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	60,0	34,4	37,6	37,3	38,1	33,3	33,6
Средний размер получаемого дохода**	11 745	6741	11 386	18 929	23 115	26 996	30 186
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	9,7	17,5	26,0	30,2	30,5	33,2	33,3
Средний размер получаемого дохода**	11 635	9666	16 701	26 364	28 184	33 489	34 259
Доход от работы в неформальном секторе, %	1,8	5,9	6,6	5,5	4,6	8,1	7,1
Средний размер получаемого дохода**	15 579	3195	8420	15 872	12 833	16 366	16 059
Доход от трудовой деятельности, %	70,0	55,4	67,7	70,3	70,9	71,8	71,8
Средний размер получаемого дохода**	12 112	7591	13 541	22 590	25 342	29 890	31 642

*Под трудоспособным населением понимаются мужчины в возрасте 18–60 лет и женщины в возрасте 18–55 лет.

**Средний размер получаемого дохода рассчитывается по доходу тех, кто имел доход, в руб. декабря 2018 г.

Анализ данных мониторинга, представленных в таблице 11, показывает, что при всех возможностях, которыми располагают сегодня женщины, они не достигли такого же уровня карьерного роста, оплаты своего труда, как у мужчин. В 2018 г., как и во все предыдущие годы, мужчины трудоспособного возраста превосходили женщин аналогичного возраста как по доле получающих тот или иной вид дохода от трудовой деятельности, так и по величине среднего размера получаемого дохода от трудовой деятельности. Причем в самые последние годы величина этого преобладания стала более стабильной. Так, в 2015 г. преобладание мужчин над женщинами по доле получающих доход от трудовой деятельности составляло 6,9 п.п. (77,9% против 71%), в 2016 г. – 9,4 п.п. (79,1% против 69,7%), тогда как в 2017 г. – 7,9 п.п. (79,7% против 71,8%), а в 2018 г. – 7,5 п.п. (79,3% против 71,8%).

Эта стабилизация объясняется тем, что нарастание удельного веса мужчин и женщин трудоспособного возраста, получающих доход от трудовой деятельности, которое проявлялось на протяжении длительного периода, в последние годы практически прекратилось. В целом за 1998–2017 гг. доля респондентов с доходом от трудовой деятельности у мужчин выросла на 21,4 п.п. (с 58,3 до 79,7%), но в конце 2018 г. она сократилась на 0,4 п.п. В то же время у женщин эта доля за 1998–2017 гг. выросла на 16,4 п.п. (с 55,4 до 71,8%) и в конце 2018 г. не изменилась.

Результаты исследования свидетельствуют также о приостановке тенденций, свидетельствующих о нарастании удельного веса мужчин и женщин трудоспособного возраста, занятых на частных предприятиях, и сокращении удельного веса мужчин и женщин аналогичного возраста, работающих на предприятиях государственного сектора. Так, с 1992 по 2017 г. доля мужчин трудоспособного возраста, занятых на частных предприятиях или предприятиях смешанной формы собственности, выросла в 2,8 раза – с 15,7 до 44,6%, тогда как к концу 2018 г. она уменьшилась до 42,5%. В то же время аналогичная доля женщин за 1992–2017 гг. выросла в 3,4 раза – с 9,7 до 33,2%, и к концу 2018 г. практически не изменилась, составив 33,3%. При этом доля мужчин трудоспособного возраста, получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора, сократилась с 64,2% в 1992 г. до 26% в 2017 г., т. е. в 2,5 раза, но в конце 2018 г. она увеличилась до 27,3%. Удельный вес женщин трудоспособного возраста, получающих аналогичный доход, за 1992–2017 гг. сократился почти вдвое – с 60 до 33,3%, и к концу 2018 г. увеличился на малые 0,3 п.п.

В конце 2018 г. выявлено некоторое сокращение преобладания мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы на частных предприятиях или на предприятиях смешанной формы собственности. Так, если в 2017 г. это превышение составляло 11,4 п.п. (44,6% против 33,2%), то в конце 2018 г. – 9,2 п.п. (42,5% против 33,3%). Менее значительным было преобладание женщин над мужчинами по доле занятых на предприятиях государственного сектора, и за последний год оно уменьшилось. Если в конце 2017 г. доля женщин трудоспособного возраста, получающих доход от работы на государственных предприятиях, превышала аналогичную долю мужчин на 7,3 п.п. (33,3% против 26%), то в конце 2018 г. – на 6,3 п.п. (33,6% против 27,3%).

Довольно устойчивым остается преобладание мужчин трудоспособного возраста над женщинами трудоспособного возраста по доле лиц, получающих какой-либо доход от работы в неформальном секторе. С 2012 по 2018 г. доля таких работников среди мужчин трудоспособного возраста достаточно последовательно увеличилась с 8,6 до 12%, в том числе за последний год на 0,4 п.п. Менее последовательно нарастала в последние годы доля лиц, занятых в неформальном секторе, среди женщин трудоспособного возраста. С 2013 по 2017 г. она поступательно выросла с 4,6 до 8,1%, но к концу 2018 г. уменьшилась на 1 п.п. – до 7,1%. Дистанция между мужчинами и женщинами трудоспособного возраста по данному показателю увеличилась с 3,3 п.п. в конце 2016 г. до 4,9 п.п. в конце 2018 г.

Согласно данным мониторинга, в среднем российские женщины уже длительное время зарабатывают примерно на четверть меньше, чем мужчины. В 2018 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого занятыми женщинами трудоспособного возраста, составлял 73,7% от среднего размера дохода занятых мужчин аналогичного возраста. Это было больше, чем 70,8% в 2017 г., но меньше, чем 74,1% в 2015 г. и 74,4% в 2016 г. Среди тех, для кого источником дохода является

трудовая деятельность, средний размер получаемого дохода вырос у мужчин с 2016 по 2017 г. на 11,9% и далее к концу 2018 г. еще на 1,7%. У женщин рост среднего размера получаемого дохода с 2016 по 2017 г. составил 6,6% и затем к концу 2018 г. — еще 5,9%.

Длительное время наименьшими различиями в заработках между мужчинами и женщинами были на предприятиях частного сектора и смешанной формы собственности. Вместе с тем в последние годы показатели соотношения доходов, получаемых мужчинами и женщинами от трудовой деятельности на частных и на государственных предприятиях, выровнялись. Так, в 2018 г., как и в 2017 г., средний размер дохода от трудовой деятельности на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, получаемого женщинами, составлял около 74% от соответствующего дохода мужчин. В то же время на предприятиях государственного сектора это соотношение в 2017 г. составило около 70%, тогда как в 2018 г. — 75%. Что касается неформального сектора, традиционно являющегося сферой женского доминирования, то здесь длительное время наблюдалось постепенное увеличение преобладания мужчин над женщинами по уровню доходов. Так, если в конце 2012 г. средний размер дохода, получаемого от работы в неформальном секторе, у женщин составлял около 69% от аналогичного дохода мужчин, то к концу 2017 г. этот показатель снизился до 56%. К концу 2018 г. он вновь вырос до 58%.

С 2016 по 2017 г. заработки на государственных предприятиях у мужчин выросли на 12,7%, а к концу 2018 г. — еще на 3,9%. В то же время у женщин эти доходы увеличились с 2016 по 2017 г. на 4,5%, тогда как к концу 2018 г. — на 11,8%. Средний размер дохода от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности вырос у мужчин с 2016 по 2017 г. на 11,1% и далее к концу 2018 г. еще на 2,5%. У женщин этот рост составил 8,6 и 2,3% соответственно. Доход, получаемый работающими в неформальном секторе, с 2016 по 2017 г. вырос у мужчин на 21%, но к концу 2018 г. он уменьшился на 3,9%. У женщин данный показатель вырос с 2016 по 2017 г. на 16,6% и затем к концу 2018 г. уменьшился на 1,9%.

Таким образом, уровень занятости женщин достаточно высок, но если говорить о заработной плате, то в среднем российские женщины уже длительное время получают примерно на четверть меньше, чем мужчины. И это несмотря на то что в России между мужчинами и женщинами практически полностью отсутствует разрыв в области образования. Разница в доходах мужчин и женщин во многом объясняется преимущественной занятостью женщин в тех отраслях, где заработки не очень высокие или откровенно низкие (социальное обеспечение, здравоохранение, культура, образование и др.).

Пенсии и невыплаты пенсий

На рис. 17 представлены данные RLMS-HSE относительно среднего размера пенсий и масштаба невыплаты пенсий мужчинам и женщинам в России с ноября 1993 г. Они еще раз убеждают, что в последние годы проблема невыплат (задержек выплат) пенсий в стране практически отсутствует.

Из данных мониторинга, в частности, видно, что в 2018 г. после небольшого всплеска, зафиксированного годом ранее, показатели, характеризующие масштаб невыплат или несвоевременных выплат пенсий, вернулись к прежним значениям. Так, доля мужчин-пенсионеров, не получивших пенсию, после увеличения с 1,4% в 2016 г. до 2,3% в 2017 г. в декабре 2018 г. снизилась до привычных 1,5%.

Аналогичная картина наблюдалась и в отношении женщин-пенсионеров. В 2017 г. по сравнению с 2016 г. доля не получивших пенсию среди них увеличилась с 1,3 до 1,8%, но в декабре 2018 г. она уменьшилась до 1,4%.

Рис. 17. Доля пожилых людей, не получивших пенсию за последний месяц, %, и средний размер ежемесячной пенсии для получающих пенсию, 1993–2018 гг., в руб. декабрь 2018 г.

Из рис. 17 также хорошо видно, что в 2018 г. произошло очередное повышение размера пенсий, но темпы этого повышения были ниже, чем в предыдущие годы. Если с 2014 по 2017 г. средний размер пенсии для мужчин-пенсионеров вырос на 23,9%, т. е. в среднем в год он увеличивался на 8%, то в 2018 г. этот рост составил только 1,1%. В то же время у женщин-пенсионеров рост среднего размера пенсии за 2014–2017 гг. составил 28,4%, т. е. в среднем за год 9,5%. Но в 2018 г. он снизился до 2%.

В результате изменений, произошедших в последние три года, средний размер пенсии для женщин-пенсионеров приблизился к среднему размеру пенсии для мужчин-пенсионеров на минимальную дистанцию. Так, если в 2014 г. средний размер пенсии для женщин составлял 86,1% от среднего размера пенсии для мужчин, то в 2015 г. данный показатель уменьшился до 84,7%, т. е. на 1,4 п.п. Однако в 2016 г. было отмечено его увеличение до 86,1%, т. е. до уровня 2014 г.; в 2017 г. — до 87,7% и в 2018 г. — до максимальных 88,5%. Таким высоким данный показатель не был никогда ранее.

Задолженность по квартплате и оплате коммунальных услуг

В таблице 12 приведены обобщенные данные о распределении обследованных домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, за 1995–2018 гг. Они, в частности, показывают, что в последние годы доля российских домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, менялась в узких границах.

Таблица 12

**Распределение домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате
и/или оплате коммунальных услуг, 1995–2018 г.**

	Все домо- хозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособ- ного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособ- ного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
1995					
Доля домохозяйств-должников, %	22,0	25,2	30,6	7,6	13,4
Сумма задолженности (если есть)*	2697	2915	2822	1302	1008
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	1457	1710	1444	953	877
1998					
Доля домохозяйств-должников, %	37,5	43,1	43,4	19,6	24,9
Сумма задолженности (если есть)*	5267	6044	5046	2252	1461
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	1492	1868	1457	898	784
2004					
Доля домохозяйств-должников, %	16,3	19,3	23,8	3,7	7,2
Сумма задолженности (если есть)*	11 632	12 782	11 445	1924	3564
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	2956	3571	2963	1979	1616
2014					
Доля домохозяйств-должников, %	7,2	8,6	11,8	3,2	2,6
Сумма задолженности (если есть)*	19 537	19 582	20 507	5612	26 406
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	4942	5622	5339	3958	3581
2016					
Доля домохозяйств-должников, %	7,8	10,0	12,4	2,7	2,7
Сумма задолженности (если есть)*	29 510	24 817	51 534	13 821	25 035
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	5463	6113	6085	4680	4113
2017					
Доля домохозяйств-должников, %	7,3	9,3	11,1	2,2	3,1
Сумма задолженности (если есть)*	25 487	24 195	33 344	16 131	25 252
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	5671	6372	6061	4690	4362
2018					
Доля домохозяйств-должников, %	6,2	7,8	10,4	1,2	2,6
Сумма задолженности (если есть)*	28 319	25 573	36 456	23 184	33 962
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	5826	6434	6393	5139	4441

*Средние суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги и суммы задолженности указаны в руб. декабря 2018 г.

Если за 2011–2013 гг. доля обследованных домохозяйств, испытывающих трудности со своевременной оплатой услуг жилищно-коммунального хозяйства, довольно последовательно сократилась с 8,1 до 6,5%, то за 2014–2015 гг., когда экономический кризис вступил в острую фазу, она увеличилась до 8,4%. Однако в дальнейшем, когда население стало все увереннее адаптироваться к новой ситуации, последовало очередное поступательное сокращение доли домохозяйств-должников – до 6,2% в конце 2018 г.

Домохозяйства во главе с мужчинами или женщинами трудоспособного возраста обычно чаще попадают в разряд должников по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами или женщинами, достигшими пенсионного возраста. При этом домохозяйства во главе с женщинами трудоспособного возраста чаще оказываются должниками, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами аналогичного возраста.

Характерно, что с 2016 по 2018 г. доля должников по квартплате и/или оплате коммунальных услуг среди домохозяйств во главе с мужчинами трудоспособного возраста уменьшилась с 10 до 7,8%, тогда как среди домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста – с 12,4 до 10,4%. Что касается домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, то доля должников среди них за указанный период уменьшилась с 2,7 до 1,2%. И в то же время доля должников среди домохозяйств во главе с женщинами пенсионного возраста за эти годы практически не изменилась, составив в 2018 г. 2,6%.

Размер средней суммы задолженности домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг достиг своего максимума в конце 2016 г. (после резкого и значительного роста за предыдущий год на 43,3%), но затем в конце 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года сократился на 13,6%. В конце 2018 г. средняя сумма этой задолженности вновь увеличилась на 11,1%, оставаясь, однако, почти на 4% меньше, чем в конце 2016 г.

В 2018 г., как и в предыдущие годы, средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг была самой высокой у домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста. Ее размер почти в полтора раза превышал аналогичную сумму задолженности домохозяйств, возглавляемых мужчинами трудоспособного возраста. А самой низкой средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг была у домохозяйств, возглавляемых мужчинами-пенсионерами: в полтора раза меньше, чем у домохозяйств во главе с женщинами-пенсионерами.

Средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг у домохозяйств во главе с мужчинами трудоспособного возраста, после сокращения в конце 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. на 2,9%, в конце 2018 г. выросла на 5,7%. У домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста размер этой задолженности в 2017 г. резко упал на 35,3%, однако в 2018 г. вновь увеличился, но только лишь на 9,3%. У домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, рост средней суммы задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг с 2016 по 2018 г. последовательно вырос в 1,7 раза. И наконец, у домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста, средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг за указанный период увеличилась на 35,7%. При этом основной рост пришелся на последний год.

Исследование также выявило в конце 2018 г. очередной рост средней суммы месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги. С 2017 по 2018 г. этот рост составил 2,7%. В результате был достигнут новый максимум анализируемого показателя за все время наблюдений, но темпы его роста были ниже, чем в предыдущие два года. В декабре 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. средняя сумма месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги резко выросла на 10,6% и в следующем году прибавила еще 3,8%.

Самые большие расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг несут домашние хозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста. При этом с 2014 по 2018 г. средняя сумма таких расходов у домохозяйств, возглавляемых мужчинами трудоспособного возраста, выросла на 14,4%, в том числе за последний год – на 1%. В то же время средняя сумма месячной платы за жилье и/или коммунальные услуги домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста с 2014 по 2018 г. увеличилась на 19,7%, в том числе за последний год на 5,5%. Что касается домохозяйств во главе с мужчинами пенсионного возраста, то с 2014 по 2018 г. эти расходы выросли на 29,8%, в том числе за последний год – на 9,6%, а у домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста, – на 24%, в том числе за последний год – на 1,8%.

В конце 2018 г. расходы на жилье и/или коммунальные услуги, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, лишь немного, а именно на 0,6%, превышали расходы домохозяйств, возглавляемых женщинами трудоспособного возраста. Это было намного меньше, чем 5,1%, зафиксированных в 2017 г., но примерно столько же, сколько было в 2016 г., когда это превышение составило 0,5%. В отношении домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, это превазирование в 2016 г. составило 30,6%, в 2017 г. – 35,9%, а в 2018 г. – 25,2%. Еще более значительным было это превышение при сопоставлении расходов на жилье и/или коммунальные услуги, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, с аналогичными расходами домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста: 48,6% в 2016 г., 46,1% в 2017 г. и 44,9% в 2018 г.

Примечательно, что если в 2016 г. у домохозяйств во главе с мужчинами пенсионного возраста расходы на жилье и/или коммунальные услуги были выше, чем у домохозяйств, возглавляемых женщинами-пенсионерами, на 13,8%, то в 2017 г. – только на 7,5%, а в 2018 г. – вновь на значительные 15,7%. Можно обратить внимание также на тот факт, что в 2016 г. домохозяйства во главе с женщинами трудоспособного возраста тратили на жилье и/или коммунальные услуги на 47,9% больше, чем домохозяйства, возглавляемые женщинами-пенсионерами, тогда как в 2017 г. это превышение составило 38,9%, а в 2018 г. – 44%.

По данным Росстата, в 2018 г. не наблюдалось глобального роста задолженности населения за услуги жилищно-коммунального хозяйства, но и перелома сложившейся динамики тоже не было видно. По сравнению с предыдущим годом общая задолженность россиян за услуги жилищно-коммунального хозяйства выросла на 5,3%, а средний размер долга находился на уровне 46 тыс. руб. В числе должников были не только люди с финансовыми трудностями, но и владельцы квартир в новостройках, которые приобрели жилье в инвестиционных целях и первые годы редко там появлялись, а также состоятельные граждане, которые просто откладывают оплату на потом.

Вместе с тем аналитики международной аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza пришли к выводу, что ситуация с долгами граждан по оплате ЖКХ в 2018 г. обострилась. По их данным, в 2018 г. всего предприятиями сферы ЖКХ было выставлено счетов более чем на 2,6 трлн руб., а фактически получено около 2,5 трлн руб. — с учетом оплаты задолженностей за предыдущие годы. В итоге россияне не только не компенсировали стоимость услуг ЖКХ, но и нарастили ранее имевшуюся задолженность на 121,2 млрд руб. Это на 11,6% больше, чем годом ранее. А по данным Минстроя, в начале 2019 г. долги населения по оплате ЖКХ достигли 750 млрд руб.¹

Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив

Наметившийся было в 2017 г. рост позитивных настроений в российском обществе не получил дальнейшего развития в следующем году. Очень многие россияне настороженно оценивали состояние российской экономики и не видели основательных перемен в экономической сфере, которые могли бы привести к существенному улучшению жизни широких слоев населения. Становилось все очевиднее, что драйверов экономического роста крайне мало, а ситуация в регионах кардинально не меняется. Вызывали беспокойство и международные санкции, которые оставались источником неопределенности, сдерживающим экономическое развитие. Непредвзятый взгляд на происходящие события вынуждал россиян готовиться к жизни в условиях долговременных санкций. И, как показывала практика, их пессимизм относительно долговременных санкций был вполне обоснован. Все это подпитывало негативные настроения значительной части населения.

Но ослабление оптимистических настроений россиян было связано не только с экономической ситуацией в стране, вызывающей беспокойство за будущее своих семей, а основывалось на разных факторах. Россияне стали чаще выражать озабоченность такими проблемами, связанными с благосостоянием и доходами граждан, как рост цен и угроза безработицы, бедность и нищета, глубокое социальное неравенство, рост платности и недоступности образования и качественного медицинского обслуживания. Тревожила население деградация социальной сферы в совокупности с ухудшением собственного материального положения. Очень сильно беспокоил россиян также высокий уровень коррупции и воровства в стране, нарушающий соблюдение принципа социальной справедливости.

Негативно отразились на настроениях россиян непопулярные экономические меры, принятые властью после выборов Президента РФ. Речь идет, прежде всего, о проведении пенсионной реформы и пересмотре ставки налога на добавленную стоимость (НДС) в сторону повышения. Далеко не у всех граждан сложилось позитивное или терпимое отношение к этим нововведениям, четкое понимание, что эти решения могут повысить собираемость бюджетных средств, которые будут направлены на реализацию масштабных национальных проектов и приведут в дальнейшем к улучшению социальной инфраструктуры. Подобная

¹ Баштакова А. Россияне свалились в коммунальную долговую яму // Независимая газета. 10.07.2019.

перспектива уходит обычно на второй план, когда люди уже сегодня сталкиваются с увеличением налогов и цен на товары. Хотя при этом нельзя не заметить, что к концу года спад социального самочувствия, вызванный первоначальной негативной реакцией населения на эти планы, ослабел. Со временем люди перестали воспринимать эти неприятные новшества излишне болезненно. Свою роль сыграла и активная кампания по поддержке этих преобразований в государственных средствах массовой информации. Кроме пенсионной реформы и повышения НДС на настроения тех или иных групп россиян оказывали существенное влияние также усиление контроля над налогом для самозанятых, рост цен на бензин, ожидание роста тарифов, повышения цен.

Анализ данных RLMS-HSE, представленных в таблице 13, показал, что если с декабря 2016 по декабрь 2017 г. доля лиц из числа респондентов в возрасте 14 лет и старше, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью, увеличилась на 3 п.п. — с 48,1 до 51,1%, то к концу 2018 г. она уменьшилась на 1,5 п.п. — до 49,6%. При этом доля респондентов, полностью удовлетворенных своей жизнью, за последний год сократилась с 8,9 до 7,5%. В то же время доля тех, кто был в той или иной мере недоволен своей жизнью, с декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. уменьшилась на 2,5 п.п. — до 24,2%, но к концу 2018 г. увеличилась до 24,7%. Мироощущение этой части российских граждан было особенно далеко от оптимистического. Кроме того, за последний год выросла доля респондентов, которые в условиях возросшей неопределенности жизненных обстоятельств ответили на вопрос об удовлетворенности своей жизнью в целом довольно уклончиво — «и да, и нет» — с 23,7 до 25,3%, т. е. на 1,6 п.п.

Таблица 13

Удовлетворенность своей жизнью в целом, 1994–2018 гг., %

Оценка	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2017	2018
Полностью удовлетворены	3,6	2,2	3,8	6,9	5,2	7,0	6,7	9,0	9,1	9,3	7,8	8,9	7,5
Скорее удовлетворены	10,8	9,7	13,8	26,7	30,3	29,8	36,1	37,0	43,0	42,0	40,3	42,2	42,1
И да, и нет	20,5	18,0	22,1	23,9	24,1	23,3	22,0	22,8	21,6	22,7	24,7	23,7	25,3
Не очень удовлетворены	40,2	33,4	36,6	30,6	28,8	27,4	24,2	22,2	19,4	18,6	19,6	17,4	18,4
Совсем не удовлетворены	23,6	35,9	22,7	11,5	11,1	12,0	10,3	8,3	6,4	6,4	7,1	6,8	6,3
Затруднились ответить	1,3	0,8	1,0	0,4	0,5	0,5	0,7	0,7	0,5	1,0	0,5	1,0	0,4

Обращая внимание на многочисленные и серьезные экономические трудности, многие россияне были особенно пессимистичны, когда заглядывали в свои карманы. В частности, когда оценивали собственное материальное положение. Как следует из рис. 18¹, в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени неудовлетворенных своим материальным положением, увеличилась на 0,8 п.п. — с 57,1 до 57,9%.

¹ Вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?» задавался с 2000 г.

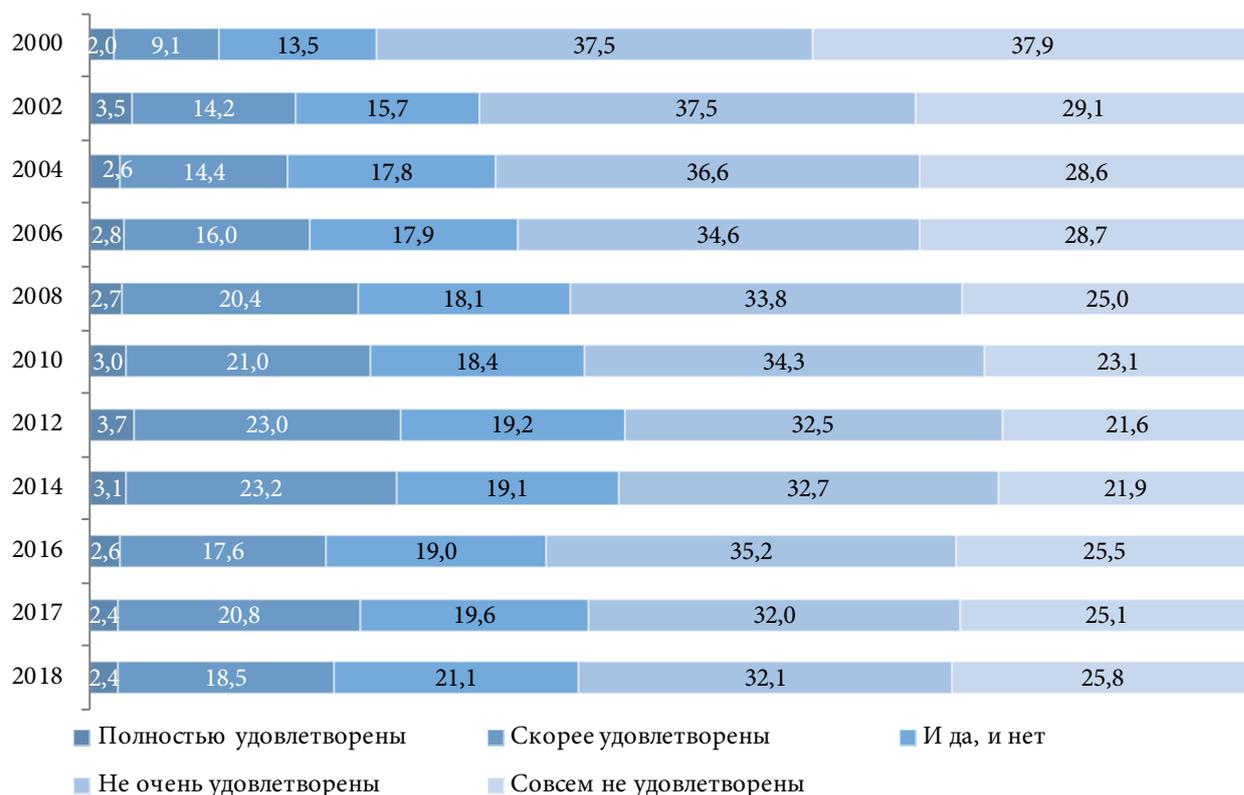

Рис. 18. Удовлетворенность своим материальным положением, 2000–2018 гг., %

Выросло также число тех респондентов, которые дали половинчатый ответ «и да, и нет» (с 19,6 до 21,1%), тогда как доля опрошенных, полностью или скорее удовлетворенных достигнутым уровнем материального благосостояния, за последний год уменьшилась на 2,2 п.п. — с 23,2 до 20,9%. При этом доля тех, кто были в наибольшей степени довольны материальной стороной своей жизни, сохранилась на минимально низком уровне, составляющем 2,4%. Таким образом, в декабре 2018 г. число респондентов, неудовлетворенных своим материальным положением, более чем в 2,8 раза превышало число довольных материальной стороной своей жизни, что было немного больше, чем 2,5 раза, зафиксированных годом ранее.

Еще более заметными оказались сдвиги в оценках респондентов, касающихся изменения материального положения их семей за последние 12 месяцев, о которых позволяют судить данные мониторинга, представленные на рис. 19¹.

Из рис. 19 видно, что с декабря 2017 г. по декабрь 2018 г. удельный вес респондентов, заметивших улучшение материального положения своих семей за предшествующий год, сократился на 2,3 п.п. — с 19,2 до 16,9%. В результате такого снижения доля респондентов, улучшивших свое материальное положение, опустилась до одного из самых низких значений. Меньше эта доля была только в декабре 2016 г., когда она снижалась до минимальных 15,4%. Что касается респондентов, которые заметили ухудшение материального положения собственных семей, то их доля за последний год также немного уменьшилась — с 24,8 до 23,9%. Но одновременно подросла, с 56% до максимальных 59,2%, доля опрошенных, полагающих, что уровень материального благосостояния их семей остался на прежнем, как

¹ Вопрос: «Скажите, пожалуйста, как изменилось материальное положение вашей семьи за последние 12 месяцев?» задавался с 2001 г.

правило, невысоком уровне. Достижение такого высокого значения данного показателя свидетельствует о том, что значительное большинство российских семей уже который год не могут добиться улучшения своего материального положения.

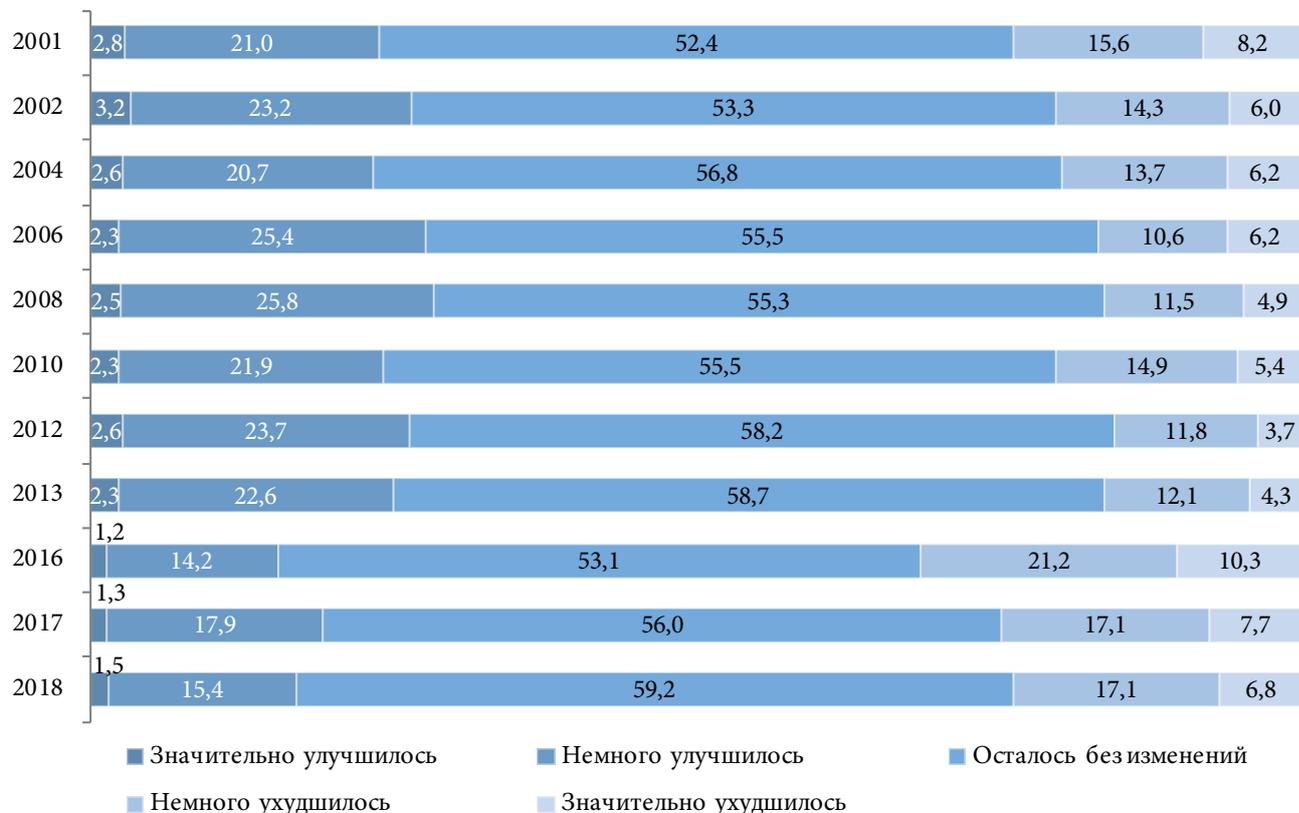

Рис. 19. Оценка изменения материального положения своей семьи за последние 12 месяцев, 2001–2018 гг., %

Беспокойство по поводу возможности снижения уровня жизни или обнищания чаще характерно для представителей среднего класса, потому что эти люди приложили значительные усилия для приобретения финансовой устойчивости своих семей. Представители среднего класса и более или менее состоятельные люди не чувствуют пока источников будущего роста своих личных доходов. Отсюда страхи, опасения и сохранение осторожной сберегательной модели поведения. К апатии и страхам этой части населения приводит и затяжной выход из экономического застоя. В стране наблюдается очень легкий восстановительный спрос, однако ситуация в экономике не развеивает страхи среднего класса.

На следующем рис. 20 представлены данные RLMS-HSE, которые характеризуют то, как респонденты (к кому это относится) оценивают свои возможности или возможности своих семей по приобретению дорогостоящих предметов и услуг в течение 2005–2018 гг. (вопрос включен в «Вопросник для взрослых» в 2005 г.).

Данные рисунка, в частности, показывают, что оценки респондентов в отношении возможностей по оплате обучения своих детей в высших учебных заведениях после нескольких лет ухудшения, хотя и не всегда последовательного, в 2018 г. начали улучшаться. Если с 2010 по 2017 г. доля респондентов, которые способны оплачивать обучение своих детей в том или ином вузе (из числа тех, к кому это относится), снизилась на 4 п.п. – с 40 до 36%, то в 2018 г. она увеличилась до 36,7%.

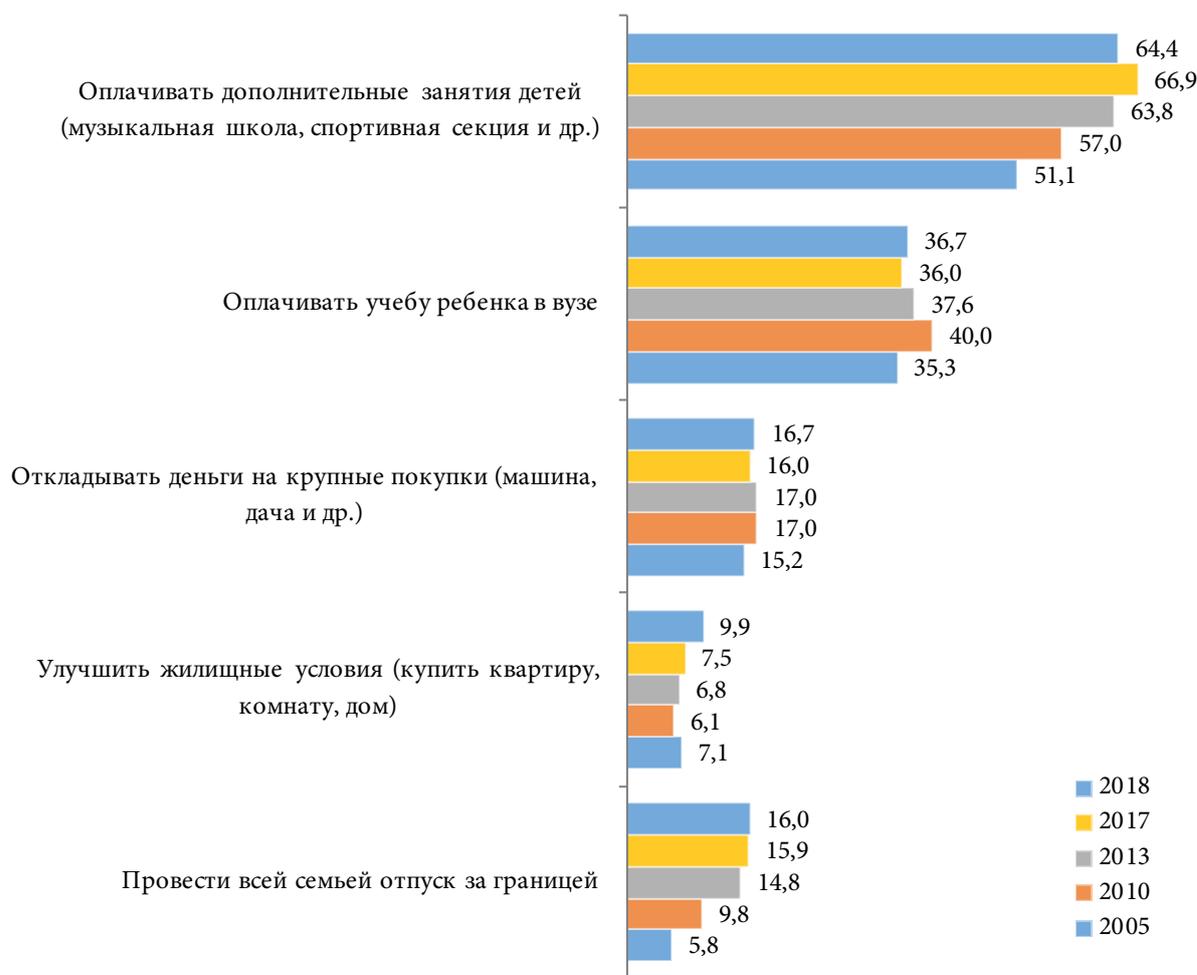

Рис. 20. Оценка возможности по приобретению дорогостоящих предметов и услуг, 2005–2018 гг., % к числу тех, к кому это относится

Но в то же время число респондентов, способных оплачивать дополнительные занятия своих детей в музыкальной школе, спортивной секции, изостудии, творческом кружке и т. п., т. е. способных нести меньшие расходы по сравнению с оплатой учебы в вузе, на протяжении нескольких последних лет практически не меняется. С 2005 по 2013 г. удельный вес таких респондентов вырос на 12,7 п.п. — с 51,1 до 63,8%, но в дальнейшем менялся незначительно. В 2018 г. их доля среди тех, к кому это относится, составила 64,4%.

В ходе исследования было выявлено также некоторое улучшение оценок, раскрывающих возможности респондентов по приобретению дорогих товаров длительного пользования, таких как легковой автомобиль, мебель, ювелирные изделия и другие дорогостоящие предметы культурного и бытового назначения. В 2017 г. по сравнению с 2016 г. доля респондентов, которые могут откладывать деньги на такие крупные покупки, снизилась на 1,9 п.п. — с максимальных 17,9 до 16%, тогда как в 2018 г. она увеличилась на 0,7 п.п. — до 16,7%.

Обращает на себя внимание также заметное повышение малоподвижных оценок респондентов, характеризующих возможности их семей по улучшению жилищных условий. В 2018 г. по сравнению с 2017 г. доля респондентов, указывающих, что их семьи способны радикально улучшить свои жилищные условия, т. е. купить квартиру, комнату, дом (часть дома), коттедж и т. п., выросла почти на треть — с 7,5 до 9,9%. Этот рост происходил на фоне развития восстановительных

тенденций на рынке жилья. Российский рынок строительства жилья по-прежнему находится на пониженном уровне, но в целом серьезное падение рынка прекратилось, а по некоторым показателям стало улучшаться. При этом в 2018 г. был поставлен новый рекорд на ипотечном рынке из-за реализации населением отложенного спроса на жилье. Население начало активно покупать квартиры, поскольку снижались ставки по кредитам, а цены на недвижимость в регионах оставались стабильными. В условиях низких доходов в большинстве регионов главным критерием при выборе квартиры была и остается цена.

На фоне роста оценок в отношении возможностей по улучшению жилищных условий происходило небольшое увеличение оценок, раскрывающих возможности респондентов по проведению всей семьей заграничного отпуска. В 2018 г. по сравнению с 2017 г. доля таких респондентов увеличилась с 15,9 до 16%. Что касается возможностей по проведению отпуска всей семьей на российском курорте, то они оказались существенно выше. В 2018 г., как и годом ранее, отметили, что располагают такими возможностями, 24,4% респондентов. Причиной того, что большее количество россиян имело возможность отдыхать в России, нежели за рубежом, вероятно, было сокращение доходов населения в условиях кризиса, которое способствовало перетоку туристов на отечественные курорты, наряду с введением санкций и запретом на выезд достаточно большому кругу госслужащих и отдельным работникам коммерческих структур.

Таким образом, ухудшение в предыдущем году оценок возможностей российских семей в отношении оплаты высшего образования, улучшения жилищных условий и приобретения дорогостоящих предметов культурного и бытового назначения сменилось в 2018 г. их улучшением. В то же время оценки возможностей семей по проведению всей семьей отпуска за границей практически не изменились, а оценки возможностей по оплате дополнительных занятий детей немного снизились.

Самоопределение респондентов в социальном пространстве в RLMS-HSE осуществляется в трех основных измерениях — по шкалам богатства (материального благосостояния), власти и уважения, которые включают 9 ступеней (от низшей до высшей). Ответы на идентификационные вопросы служат основанием для определения субъективных статусов, точнее, статусных характеристик, которые фиксируют положение людей на социальной лестнице и отражают переплетающиеся, но в то же время относительно автономные системы неравенства: собственности, власти и уважения.

Анализ данных, приведенных в таблице 14¹, показывает, что за последний год самооценки, характеризующие положение респондентов на шкале материального благосостояния, заметно улучшились, тогда как ранее наблюдалось развитие противоположной тенденции.

В декабре 2018 по сравнению с декабрем 2017 г. доля респондентов, занимающих три ступени нижнего уровня шкалы материального благосостояния, уменьшилась на 6 п.п. — с 44,1 до 38,1%. В то же время удельный вес респондентов, располагающихся на трех ступенях среднего уровня шкалы, вырос на 4,4 п.п. — с 52,1 до 56,5%, а доля тех, кто занимал три ступени верхнего уровня шкалы, увеличилась на 1,6 п.п. — с 3,8 до 5,4%. Причины роста этого оптимизма требуют отдельного изучения.

¹ В таблице представлены ответы респондентов на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из девяти ступеней, где на нижней, первой ступени стоят нищие, а на высшей, девятой — богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?». В ходе анализа полученных данных респонденты были распределены не только по ступеням, но и по трем иерархическим уровням материального благосостояния.

Таблица 14

Распределение респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния, текущие самооценки, 1994–2018 гг., % от ответивших

Год	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
1994	12,6	15,4	24,1	22,5	19,4	4,1	1,5	0,3	0,1
1996	14,3	16,1	22,4	20,4	20,4	4,4	1,6	0,3	0,1
1998	16,8	19,0	23,7	19,2	16,7	2,8	1,2	0,4	0,2
2000	10,4	14,4	22,6	20,3	22,9	6,5	2,3	0,4	0,2
2001	6,9	11,3	23,1	25,0	23,8	6,5	2,4	0,5	0,3
2002	6,3	12,4	24,0	25,0	23,1	6,2	2,5	0,4	0,1
2003	6,7	13,0	23,5	25,5	21,9	6,0	2,5	0,5	0,5
2004	5,2	11,9	22,3	24,0	24,6	7,0	3,6	1,2	0,2
2005	4,6	12,6	22,6	24,6	23,5	7,2	3,7	1,0	0,2
2006	5,8	11,4	23,2	25,2	23,8	7,0	2,9	0,4	0,3
2007	5,0	12,5	22,4	24,3	23,8	8,2	3,0	0,7	0,1
2008	3,8	10,6	22,1	25,1	25,0	8,5	3,7	0,6	0,6
2009	3,6	10,9	23,6	25,8	24,0	8,1	3,3	0,5	0,2
2010	3,1	10,4	22,0	27,6	24,2	8,4	3,5	0,7	0,1
2011	4,1	11,1	21,9	24,5	23,7	9,7	4,2	0,7	0,1
2012	3,6	10,1	22,0	23,4	25,5	9,9	4,3	1,0	0,2
2013	4,6	10,5	21,4	22,8	24,5	10,7	4,5	0,7	0,3
2014	4,1	10,8	22,0	24,1	24,4	10,1	3,7	0,7	0,1
2015	4,4	10,7	22,4	23,8	23,3	10,9	4,0	0,4	0,1
2016	5,5	13,4	25,5	23,5	21,2	8,1	2,5	0,3	0,0
2017	5,2	13,4	25,5	23,6	21,0	7,5	3,5	0,3	0,0
2018	3,9	10,9	23,3	24,0	22,6	9,9	4,6	0,7	0,1

Как показал анализ, многие объективно бедные люди не воспринимают свою жизнь как пребывание в бедности и одновременно значительная часть небедных, наоборот, относит себя к бедным. То, что очень многие россияне, называющие себя бедными, официально таковыми не являются, объясняется очень низкой границей бедности, установленной в нынешней России. Но еще более парадоксальным выглядит то, что значительная часть россиян с доходами ниже прожиточного минимума не относят себя к бедным. Подобные парадоксы обычно объясняются эффектом привыкания к текущей ситуации. Как известно, люди, находящиеся длительно время за чертой бедности, могут не ощущать себя бедными, заморозив свои потребности на уровне выживания. И в то же время когда люди, формально не относящиеся к малоимущим слоям, начинают ощущать значительное снижение уровня жизни и сокращение своих возможностей, они нередко воспринимают это как падение в состояние бедности или нищеты.

Данные мониторинга о распределении респондентов на основании самооценок по шкалам материального благосостояния («бедные» – «богатые»), власти («совсем бесправные» – «те, у кого большая власть») и уважения («совсем не уважают» – «очень уважают»), полученные в 2018 г., представлены на рис. 21.

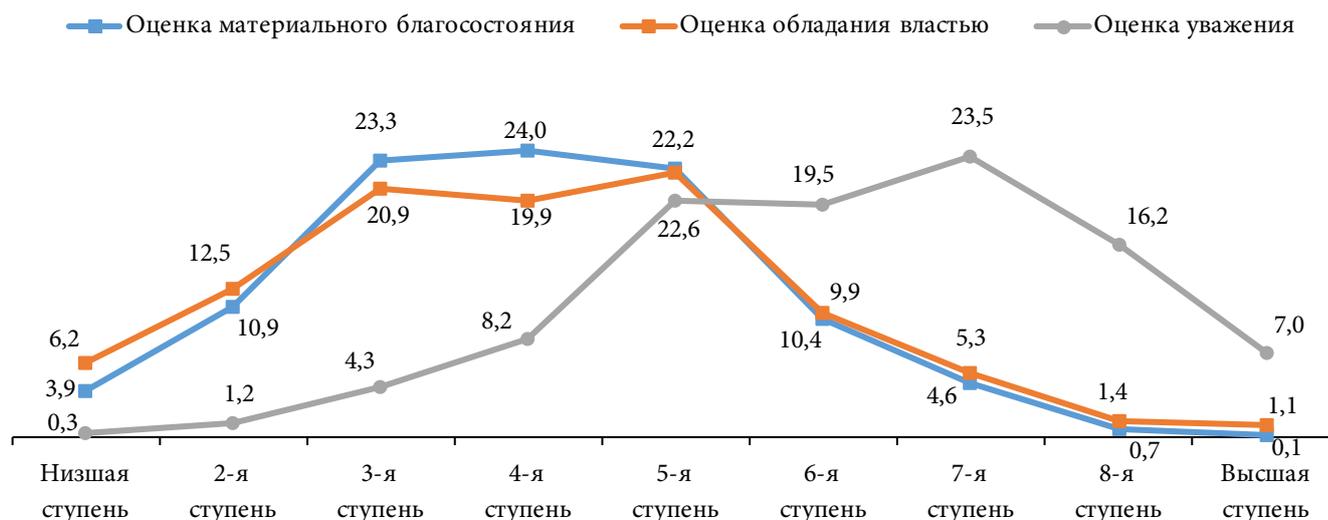

Рис. 21. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения, текущие самооценки, 2018 г., % от ответивших

Сравнительный анализ представленных на рис. 21 данных мониторинга показал, что за последний год в этой структуре никаких серьезных изменений не произошло. В декабре 2018 г., как и прежде, респонденты немного чаще относили себя к людям, обладающим минимальной или незначительной властью, чем к бедным и малообеспеченным категориям населения (39,7% против 38,1%). Но наиболее высокими оставались самооценки своего положения на шкале уважения. В декабре 2018 г. 46,8% (2015 г. – 47%; 2016 г. – 43,3%; 2017 г. – 44,1%) расположили себя на трех верхних ступенях этой шкалы, соответствующих наиболее высокому уровню уважения со стороны окружающих их людей. И только 5,8% опрошенных (2015 г. – 4,7%; 2016 г. – 7,2%; 2017 г. – 6,4%) отнесли себя к категории людей, которых посторонние не уважают или почти не уважают.

Об особенностях социального самочувствия россиян свидетельствуют также ответы респондентов на вопрос: «Как вы думаете, через 12 месяцев вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?», представленные в таблице 15.

Таблица 15

Оценка личных и семейных жизненных перспектив, 1994–2018 гг., %

Оценка	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2017	2018
Будут жить намного лучше	2,4	1,5	3,0	3,8	3,6	3,1	3,0	4,0	4,1	2,7	1,7	1,9	2,1
Будут жить немного лучше	14,4	9,1	15,7	21,6	20,4	22,1	20,5	24,6	25,6	20,9	18,0	19,6	17,5
Ничего не изменится	34,7	28,3	44,1	46,8	46,0	47,1	41,3	45,3	44,2	40,1	46,5	47,0	49,5
Будут жить немного хуже	20,0	17,7	11,1	8,3	9,7	5,8	8,9	6,9	7,0	12,4	9,7	8,7	9,2
Будут жить намного хуже	20,8	25,7	7,7	3,4	4,0	2,5	4,4	2,5	2,2	5,0	5,7	4,2	4,1
Затруднились ответить	7,7	17,7	18,4	16,1	16,3	19,4	21,9	16,7	16,9	18,9	18,4	18,6	17,6

Анализ данных таблицы 15 показал, что за последний год оценки личных и семейных жизненных перспектив изменились очень мало. Так, доля респондентов, полагающих, что через год они и их семьи будут жить намного или

немного лучше, чем сегодня, после роста с декабря 2016 по декабрь 2017 г. на 1,8 п.п. — с 19,7 до 21,5%, в декабре 2018 г. вновь уменьшилась на 1,9 п.п. — до 19,6%. Определенный оптимизм этой части россиян, рассчитывающих на лучшее, можно объяснить склонностью видеть некоторую стабильность в экономической политике страны или уверенностью в незыблемости своего положения. Но при этом позитивный настрой отдельных граждан все же не стоит непосредственно связывать с реальным экономическим положением в стране или собственным благополучием. Всегда находятся люди, которые независимо от обстоятельств живут надеждой на лучшее. Вместе с тем определенная часть россиян довольно пессимистично смотрела на экономические перспективы своих семей и считала, что следующий год будет для них проблемным. Доля респондентов, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить немного или намного хуже, с декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. уменьшилась на 2,7 п.п. — с 15,4 до 12,9%, тогда как в декабре 2018 г. она увеличилась на 0,4 п.п. — до 13,3%.

Но особенно значительной оставалась доля граждан, уверенных, что в их жизни ничего не изменится. С декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. удельный вес таких респондентов увеличился на 0,5 п.п. — с 46,5 до 47%, и далее в декабре 2018 г. еще на 2,5 п.п. — до максимальных 49,5%. В целом с декабря 2014 г. по декабрь 2018 г. их доля выросла на 9,4 п.п. Еще одним важным показателем стало сохранение высокой доли респондентов, затруднившихся с ответом. В 2018 г., как и на протяжении всех последних лет, почти каждый пятый респондент не смог оценить свои жизненные перспективы.

В таблице 16 приведены обобщенные сведения, характеризующие ответы респондентов на вопрос: «Насколько вас беспокоит то, что вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?».

Таблица 16

Обеспокоенность невозможностью обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев, 1994–2018 гг., %

Оценка	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2017	2018
Очень беспокоит	53,6	64,0	49,6	41,6	40,1	39,2	37,3	32,4	30,4	33,0	32,9	34,6	32,2
Немного беспокоит	22,1	20,2	22,8	31,0	31,0	31,3	31,5	32,4	34,4	33,5	35,1	33,8	35,2
И да, и нет	7,8	6,3	10,7	9,1	11,1	11,8	11,0	1,8	12,1	11,4	12,9	12,2	13,4
Не очень беспокоит	11,2	6,6	11,4	12,6	12,1	12,3	14,4	16,1	15,5	14,7	12,9	13,2	13,5
Совсем не беспокоит	5,3	2,9	5,5	5,7	5,7	5,4	5,8	7,3	7,6	7,4	6,2	6,2	5,7

Из таблицы следует, что в конце 2018 г. большинство россиян не верили в сколько-нибудь существенное улучшение своих финансовых перспектив в течение ближайшего года. Две трети опрошенных граждан ответили, что они не ожидают позитивных изменений финансового положения своих семей в ближайшие 12 месяцев.

При этом с декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. доля россиян, в большей или меньшей степени обеспокоенных тем, что не смогут обеспечивать себя самым необходимым в течение ближайшего года, увеличилась на 0,4 п.п. — с 68 до 68,4%, но в декабре 2018 г. она уменьшилась на 1 п.п. — до 67,4%. Совершенно незначительно

изменилась доля респондентов, которые выражали противоположные настроения. Их доля с декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. увеличилась на малые 0,3 п.п. — с 19,1 до 19,4%, а в конце 2018 г. уменьшилась на еще меньшие 0,2 п.п. — до 19,2%.

Неуверенность в завтрашнем дне присуща в наибольшей степени людям, стоящим на нижних ступенях социальной лестницы, тогда как традиционно легче адаптируются к новым экономическим условиям и с оптимизмом смотрят в будущее представители наиболее экономически активной прослойки населения, профессионалы высокого уровня и молодые специалисты. Кроме того, более оптимистично, чем остальные россияне, настроено на позитивные перемены в будущем население крупных городов. Жители столиц характеризуются более активным финансовым поведением, чем жители регионов. Несмотря на значительные долговые обязательства, у них и больше сбережений. Относительно большой запас прочности в крупных городах формируется также за счет большей обеспеченности их жителей дополнительной недвижимостью.

Таким образом, за последний год в социальном самочувствии россиян существенных изменений не произошло. В условиях медленного выхода из кризиса отдельные позитивные тенденции, наметившиеся в предыдущем году, приостановились или сдвинулись в обратную сторону. У многих граждан не было особых причин для роста оптимистических настроений. Повышение уровня жизни затронуло лишь небольшую часть экономически активного населения. Несмотря на то, что уровень удовлетворенности жизнью в целом оставался довольно высоким, очень мало изменилось число граждан, неудовлетворенных своим существованием. Пессимистические прогнозы относительно собственного финансового будущего перекликались с оценкой, которую давали россияне экономической ситуации в стране. При этом одним из серьезных факторов, повлиявших на настроения россиян в отношении оценки своих перспектив, стала объявленная пенсионная реформа. Произошло формирование нового состояния общественного мнения, более восприимчивого к различным проблемам, беспокоящим население. То, как была решена пенсионная проблема, создало новый контекст, влияющий на восприятие других, менее сложных проблем.

Проблемы адаптации в сфере занятости и труда

В 2018 г. было выявлено некоторое снижение уровня обеспокоенности занятого населения угрозой потери работы. Об этом позволяют судить, в частности, ответы респондентов на вопрос: «Насколько вас беспокоит то, что вы можете потерять работу?», представленные на рис. 22.

Анализ ответов респондентов на этот вопрос показал, что с декабря 2017 по декабрь 2018 г. доля лиц из числа занятых респондентов, которых очень или немного тревожит угроза потери своего рабочего места, уменьшилась на 1,4 п.п. — с 63,3 до 61,9%. При этом удельный вес респондентов, выражающих крайнюю степень беспокойства («очень беспокоит») возможной потерей работы, за последний год уменьшился с 28,8 до 28,5%.

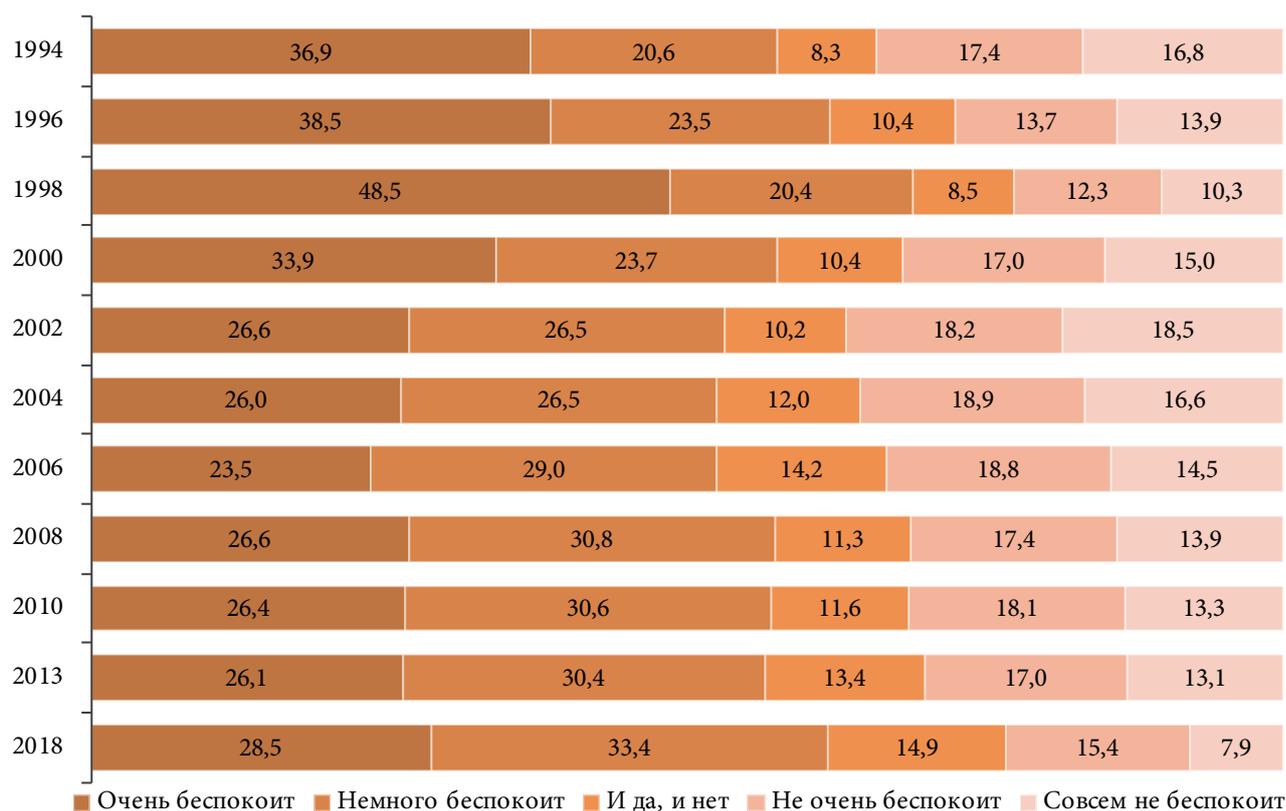

Рис. 22. Обеспокоенность угрозой потери работы, 1994–2018 гг., %

Указанное сокращение компенсировалось увеличением доли респондентов, выражающих неясное, неопределенное мнение («и да, и нет»). За последние два года она выросла с 12,8 до 14,9%, т. е. до максимального значения за все время наблюдений. В то же время доля респондентов, не очень или совсем не обеспокоенных угрозой потери работы, после увеличения с 21,8% в декабре 2016 г. до 23,7% в декабре 2017 г., к концу 2018 г. уменьшилась до 23,3%.

На рис. 23 представлены обобщенные сведения о распределении ответов респондентов на следующий вопрос: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?».

Из данных, приведенных на рис. 23, видно, что за последний год мнения респондентов по этому вопросу стали немного оптимистичнее. Так, если за 2012–2017 гг. доля респондентов, которые были не очень или совсем не уверены в возможности нового трудоустройства, последовательно увеличилась на 4,8 п.п. — с 37,7 до 42,5%, то в декабре 2018 г. она уменьшилась на 1,8 п.п. — до 40,7%. Одновременно за последний год существенно выросла доля выражающих промежуточное мнение («и да, и нет»): с 18,9% в декабре 2017 г. до 20,6% в декабре 2018 г. Что касается респондентов, которые полностью уверены в том, что смогут найти новую подходящую работу в случае увольнения, то их доля за 2012–2017 гг. сократилась на 7,6 п.п. — с 46,1 до 38,5%, но затем к концу 2018 г. она немного увеличилась, а именно на 0,1 п.п. — до 38,6%.

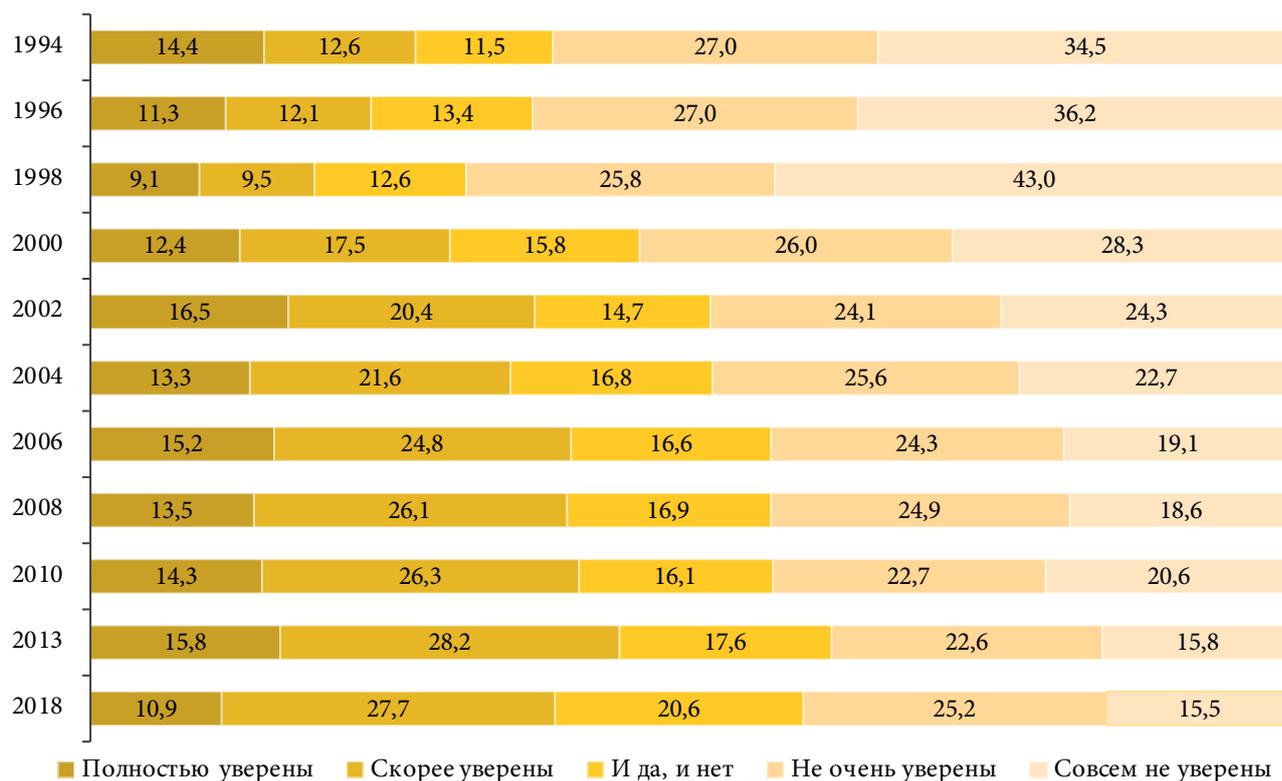

Рис. 23. Степень уверенности в возможности трудоустройства в случае потери работы, 1994–2018 гг., %

На рис. 24 представлены данные RLMS-HSE, раскрывающие основные причины увольнений работников в 2011–2018 гг. (по каждому году отдельно), которые были получены в процессе анализа ответов респондентов на два взаимосвязанных вопроса: «В каком году и в каком месяце вы ушли с вашей последней работы, перестали работать?» и «По какой основной причине вы перестали работать на вашей последней работе?». Таким образом, на рисунке представлены данные не по всем уволенным, а только по тем, кто был уволен в конкретном (указанном на рисунке) году.

Как следует из рис. 24, многие тенденции, наблюдавшиеся ранее на российском рынке труда, в 2018 г. не получили дальнейшего развития. Например, если в предыдущем году отмечалось сокращение числа работников, увольняющихся с основной работы по собственному желанию, когда их не устраивают условия труда или заработная плата, то в 2018 г. их количество увеличилось. Так, в 2018 г. по сравнению с 2017 г. доля респондентов, уволившихся из-за того, что их не устраивала заработная плата, выросла на 1,4 п.п. – с 5,3 до 6,7%, что было больше, чем 5,9%, зафиксированных в 2011 г. Совсем незначительным оказался рост доли респондентов, уволившихся из-за того, что они были недовольны условиями труда на основной работе (график работы, удаленность от дома, вредное производство, ненормированный рабочий день, питание и т. п.): с 3,5% в 2017 г. до 3,6% в 2018 г., т. е. всего на 0,1 п.п.

Изменялась и доля тех респондентов, которые увольнялись с основного места работы по такой причине, как сложные взаимоотношения с руководством предприятия, организации или с коллегами, сослуживцами. С 2011 по 2017 г. удельный вес таких респондентов после некоторых ежегодных колебаний уве-

личился на 1,2 п.п. — с 2,4 до 3,2%. Однако в 2018 г. было выявлено сокращение доли уволившихся из-за того, что у них не сложились взаимоотношения в коллективе, — до 2,5%.

Рис. 24. Причины прекращения работы, 2011, 2015 и 2018 гг., %

В 2018 г. работники стали реже, чем в 2017 г., оставлять работу по причине сокращения должности или закрытия предприятия. Если за 2011–2015 гг. доля респондентов, прекративших работу в текущем году по этой причине, выросла в 1,2 раза — с 12,2 до 14,7%, то в 2016–2017 гг. она практически не изменилась. В 2018 г. маятник качнулся в обратную сторону, и доля таких респондентов снизилась с 14,9 до 14,2%. Не менее интересными были колебания весомости и такой

причины прекращения работы, как окончание контракта. Так, в 2011–2015 гг. доля респондентов, уволившихся по этой причине, колебалась вокруг отметки в 2,6%. В 2016 г. она выросла до 3%, однако в 2017 г. уменьшилась до 2,4%, т. е. на 0,6 п.п. И наконец, в 2018 г. доля таких респондентов выросла до 2,7%.

Наиболее распространенной причиной прекращения работы в последние годы оказывается появление у работника серьезных проблем со здоровьем. С 2011 по 2015 г. доля респондентов, уволившихся по этой причине, выросла с 18,6 до 21,1% и продолжала расти до 2017 г., когда достигла отметки 23,3%. В 2018 г. доля респондентов, оставивших работу в связи с проблемами со здоровьем, практически не изменилась и составила 23,4%.

К числу наиболее распространенных причин прекращения работы также относится выход на пенсию, хотя ее удельный вес постоянно снижается. С 2011 по 2015 г. доля респондентов, прекративших работу из-за достижения пенсионного возраста, уменьшилась с 34 до 27,5%, т. е. на 6,5 п.п.; в 2016–2017 гг. она еще снизилась с 26,1 до 24%. Снижение продолжилось и в 2018 г., когда этот показатель достиг уровня 23,1%, что было ниже уровня, зафиксированного в 2011 г., на 11 п.п. Абсолютное большинство респондентов после достижения пенсионного возраста сами принимали решение о прекращении трудовой деятельности, и только лишь немногие уволились, потому что их вынудили сделать такой шаг руководители предприятия или организации.

Значимость такой причины прекращения работы, как семейные обстоятельства, за последнее время несколько выросла. В 2011–2017 гг. доля респондентов, которые были вынуждены уволиться по этой причине, увеличилась с 7,1 до 9,6%. При этом за последний год наблюдалось снижение до 9,3%. Анализ также показал, что завидную стабильность демонстрирует доля респондентов, которые увольняются для того, чтобы продолжить обучение в техникуме, вузе или другом учебном заведении. До самого последнего времени удельный вес таких респондентов составлял 2,6% от числа прекративших работу. Длительное время довольно существенными остаются изменения весомости такой малораспространенной причины прекращения работы, как возможность заняться другими делами. Доля респондентов, которые бросили работу, потому что имели возможность не работать и могли заняться другими своими делами, колебалась от 3,7 до 4,3% между 2011 г. и 2017 г. В 2018 г. эта доля выросла на 0,2 п.п., вновь достигнув отметки 4,3%.

Среди других изменений обращает на себя внимание достаточно последовательное и сравнительно динамичное сокращение в течение нескольких предыдущих лет доли респондентов, которые прекратили работу, потому что вынуждены были переехать на новое место жительства. Их доля за 2011–2017 гг. сократилась с 2,4 до 1,8%, но вновь выросла в 2018 г., достигнув 2%. И наконец, доля респондентов, которые перестали работать, поскольку ликвидировали или продали собственное дело или семейный бизнес, в течение 2011–2018 гг. колебалась незначительно в пределах от 0,5–0,6%.

Ситуация на рынке труда в 2018 г. была в целом спокойной, не наблюдалось прорывного роста предложений. При этом продолжилось сокращение числа граждан, выражающих желание найти работу (в том числе новую или другую), среди респондентов в возрасте 14 лет и старше. Если в 2017 г. по сравнению с 2016 г. доля таких респондентов уменьшилась на 2,4 п.п. – с 16,9 до 14,5%, то в 2018 г. она

снизилась еще на 1,1 п.п. — до 13,4%. Не смогли выразить какое-либо определенное мнение в отношении данной проблемы около 4% респондентов. Из тех, кто хотели найти работу, 50,1% продолжали трудиться, а у 48% на момент опроса не было работы. Остальные находились в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком до 3 лет, а также в любом другом оплачиваемом отпуске.

Исследование также показало, что те, кто выражают желание найти работу, все реже прилагают какие-либо конкретные усилия для решения этой проблемы. Так, если в 2015 г. из тех, кто хотели бы найти новую или другую работу, прилагали реальные усилия для поиска работы только 29,4% респондентов, в 2016 г. — 28,8%, то в 2017 г. — уже 24,3%, а в 2018 г. — 24,1%. Подавляющее большинство остальных респондентов заявили, что они, несмотря даже на наличие у них желания найти какую-либо или другую, новую работу, пока не занимаются решением данной проблемы. В 2018 г. так ответили 65,3% респондентов их числа всех выразивших желание найти работу. И еще 10,6% уклонились от определенного ответа.

Если в 2015 г. из числа лиц, которые старались найти работу, обращались в целях поиска рабочего места куда-либо или к кому-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу, 76% респондентов, в 2016 г. — 74,2%, то в 2017 г. — только 65,8%, а в 2018 г. — 63,9%. Среди всех респондентов, которые выражали желание найти работу, доля таких лиц в 2018 г. составила 24,2%, тогда как в 2017 г. — 26,4%, в 2016 г. — 29,8%, а в 2015 г. — 32%. В 2018 г. из числа этих граждан наиболее активно занимались поиском работы 55% респондентов, которые обращались куда-либо или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 7 дней. В 2014 г. доля таких респондентов составляла 67%, в 2015 г. — 56%, в 2016 г. — 60,7%, а в 2017 г. — 53,6%.

О том, какие способы поиска работы являются сегодня наиболее популярными, дают представление данные мониторинга, представленные в таблице 17. Сопоставление этих сведений с данными предыдущих волн RLMS-HSE свидетельствует об определенных колебаниях показателей, характеризующих активность лиц, желающих найти работу или сменить рабочее место, на рынке труда.

Таблица 17

Распространенность способов поиска работы, 1994–2018 гг., %*

Обращались в поисках работы	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2017	2018
В государственные службы занятости	38,2	35,1	26,0	30,5	31,0	24,4	20,4	27,7	19,7	20,0	34,2	26,8	24,3
В негосударственные службы занятости	13,1	15,6	15,9	16,7	13,1	13,4	10,1	9,2	9,8	8,1	12,1	12,0	11,2
К друзьям, знакомым	60,5	75,6	76,5	78,8	76,0	82,9	78,2	81,9	81,3	81,7	79,8	78,9	76,5
К родственникам	29,5	40,6	42,7	37,3	36,5	42,1	39,4	50,0	46,1	50,5	40,6	50,5	44,6
Непосредственно на предприятия	45,0	47,8	52,0	48,9	48,3	50,5	47,7	47,2	45,7	39,7	44,5	52,8	49,4
К рекламным объявлениям	29,6	41,5	41,0	44,2	40,9	51,8	44,2	40,1	33,8	37,9	40,2	44,0	39,3
К рекламным объявлениям в Интернете	–	–	–	–	–	13,1	19,6	32,9	44,8	48,8	53,8	59,7	62,6

*Доля обращающихся к способам поиска работы оценивается в этой таблице относительно всех лиц, обращающихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней.

Данные таблицы 17, в частности, показывают, что, как и прежде, ведущее место среди способов поиска работы принадлежит обращениям за помощью к друзьям, товарищам и знакомым. Но весомость этого способа за самые последние годы немного снизилась. Так, с 2014 по 2018 г. из числа респондентов, обращавшихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней, доля респондентов, воспользовавшихся помощью друзей и знакомых для решения проблемы трудоустройства, снизилась на 5,2 п.п. — с 81,7 до 76,5%.

На второй позиции среди способов поиска работы все прочнее закрепляются обращения соискателей к рекламным объявлениям в Интернете. Доля респондентов из числа кандидатов, обращавшихся к этому способу, стремительно выросла с 13,1% в 2006 г. до 62,6% в 2018 г., т. е. более чем в 4,8 раза, в том числе только за последний год на 2,9 п.п. Третью позицию в 2018 г. заняли обращения соискателей непосредственно на предприятия. На протяжении многих лет к этому способу прибегало около половины граждан, желающих найти работу. Небольшой спад был отмечен только в 2012–2016 гг. Но с 2016 по 2017 г. доля респондентов, обращавшихся с целью поиска работы непосредственно на предприятия, увеличилась с 44,5 до 52,8%. В 2018 г. было отмечено ее небольшое снижение — до 49,4%, которое можно отнести к разряду ежегодных колебаний. Примерно таким же по степени распространенности является и такой способ поиска работы, как обращения к родственникам. В 2018 г. к нему прибегали 44,6% респондентов из числа обращавшихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней, что было, однако, меньше, чем 50,5% в 2017 г. Но если обратиться к более ранним данным, то можно увидеть, что подобные спады не являются редкостью и вряд ли могут означать начало новой тенденции.

Следующим по степени распространенности способом поиска работы являются обращения к традиционным рекламным объявлениям — печатным и распространяемым через электронные средства массовой информации. В 2017 г. по сравнению с 2016 г. доля респондентов, обращавшихся к этому способу поиска рабочего места, увеличилась с 40,2 до 44%, но в 2018 г. она опять уменьшилась до 39,3%.

И наконец, на последних позициях, как и прежде, расположились такие способы поиска работы, как обращения в государственные и негосударственные службы занятости. В 2018 г. ими воспользовались, соответственно, 24,3 и 11,2% респондентов из числа занимавшихся поиском работы в течение последнего месяца, что было лишь немного меньше значений, зафиксированных в 2017 г.

На рис. 25–28 представлены данные мониторинга, характеризующие динамику уровня удовлетворенности российских работников работой в целом и частных удовлетворенностей своим трудом за 2002–2018 гг. Вопросы об удовлетворенности работников предприятий и организаций своей работой и отдельными ее сторонами (условиями труда, оплатой труда и возможностями для своего профессионального роста), раскрывающие эмоциональные аспекты отношения к трудовой деятельности, включаются в «Вопросник для взрослых» RLMS-HSE с 2002 г.

Как следует из данных мониторинга, представленных на рис. 25, в 2018 г., после небольшого спада в предыдущем году, продолжился рост уровня удовлетворенности работников предприятий и организаций своей работой в целом.

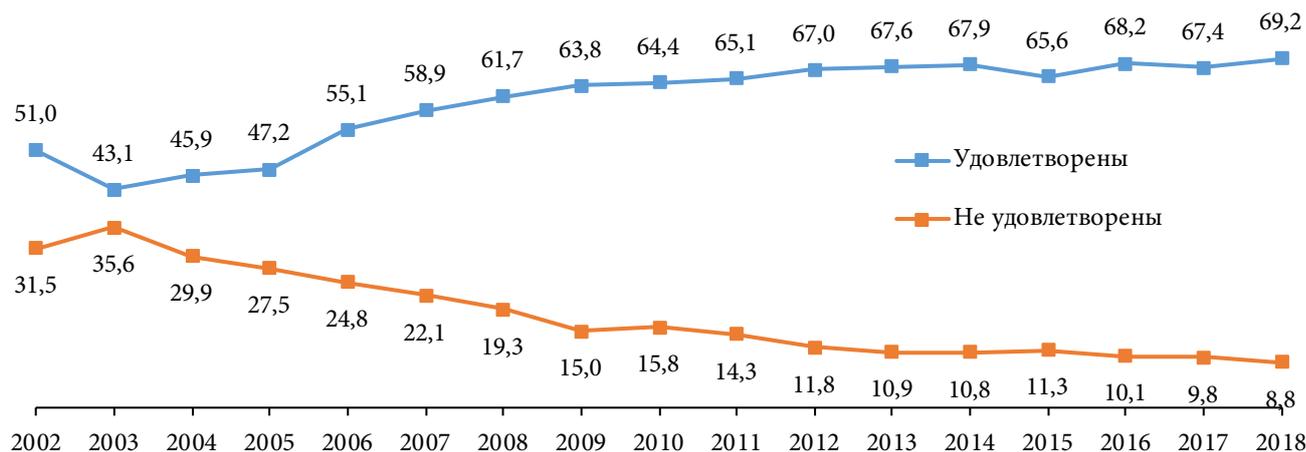

Рис. 25. Удовлетворенность работой в целом, 2002–2018 гг., %

Так, если в 2017 г. по сравнению с 2016 г. доля занятых на предприятиях и в организациях, полностью или скорее удовлетворенных своей нынешней работой, уменьшилась на 0,8 п.п. — с 68,2 до 67,4%, то в 2018 г. она увеличилась на 2,2 п.п. — до 69,2%. В то же время доля работников, скорее или совсем недовольных своей работой, за последние два года последовательно уменьшилась на 1,3 п.п. — с 10,1 до 8,8%. В результате этих разнонаправленных, но в целом позитивных изменений в 2018 г. был достигнут самый высокий уровень удовлетворенности работников предприятий и организаций своей работой в целом, начиная с 2002 г. В 2018 г. доля респондентов, удовлетворенных своей трудовой деятельностью в целом, почти в 8 раз превышала долю тех, кто был недоволен своей работой.

Что касается отдельных сторон трудовой деятельности, то наибольшую удовлетворенность у работников предприятий и организаций вызывают условия труда. В меньшей степени работники удовлетворены оплатой труда и возможностями профессионального роста. При этом, как следует из рис. 26, в 2017 г. по сравнению с 2016 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных условиями труда, сократилась с 66,3 до 66,2%, тогда как в 2018 г. она увеличилась до 67,4%, достигнув нового максимума.

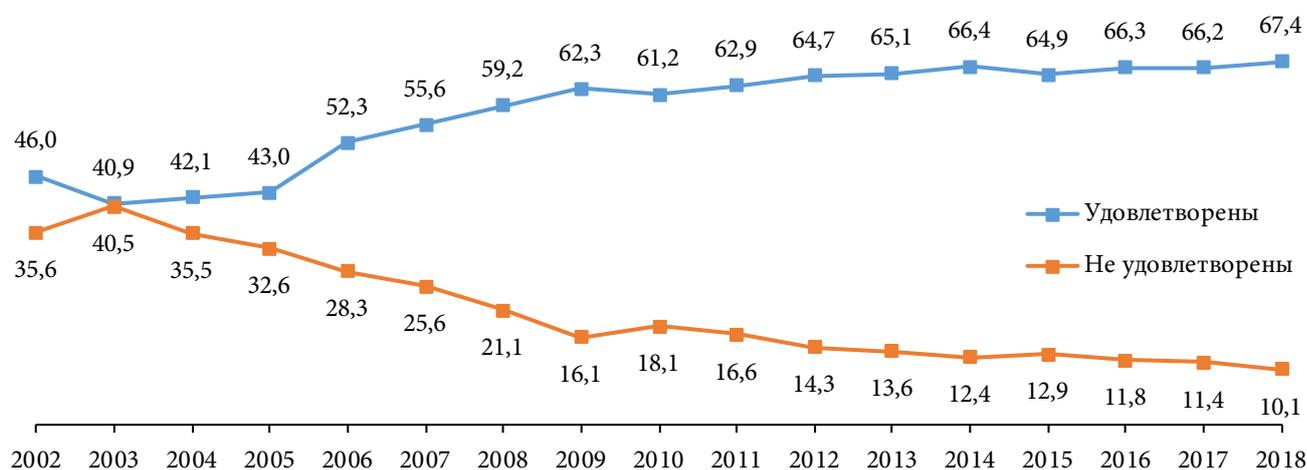

Рис. 26. Удовлетворенность условиями труда, 2002–2018 гг., %

В то же время доля лиц, скорее или совсем неудовлетворенных условиями труда, за два года уменьшилась на 1,7 п.п. — с 11,8 до 10,1%, т. е. до нового минимума. Разрыв между группами, объединяющими работников предприятий и организаций, в большей или меньшей степени удовлетворенных и неудовлетворенных условиями своего труда, после относительно небольшого сокращения в 2017 г. в 2018 г. увеличился, достигнув максимальных 6,7 раза.

Анализ данных RLMS-HSE, представленных на рис. 27, показал, что лишь немногим более трети работников предприятий и организаций довольны размером своих заработков и в последние годы уровень удовлетворенности занятых оплатой своего труда менялся незначительно.

За последние два года доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных оплатой своего труда, увеличилась на 2,6 п.п. — с 35,5 до 38,1%, тогда как доля скорее или совсем недовольных уровнем заработков, уменьшилась на 2,9 п.п. — с 38,3 до 35,4%.

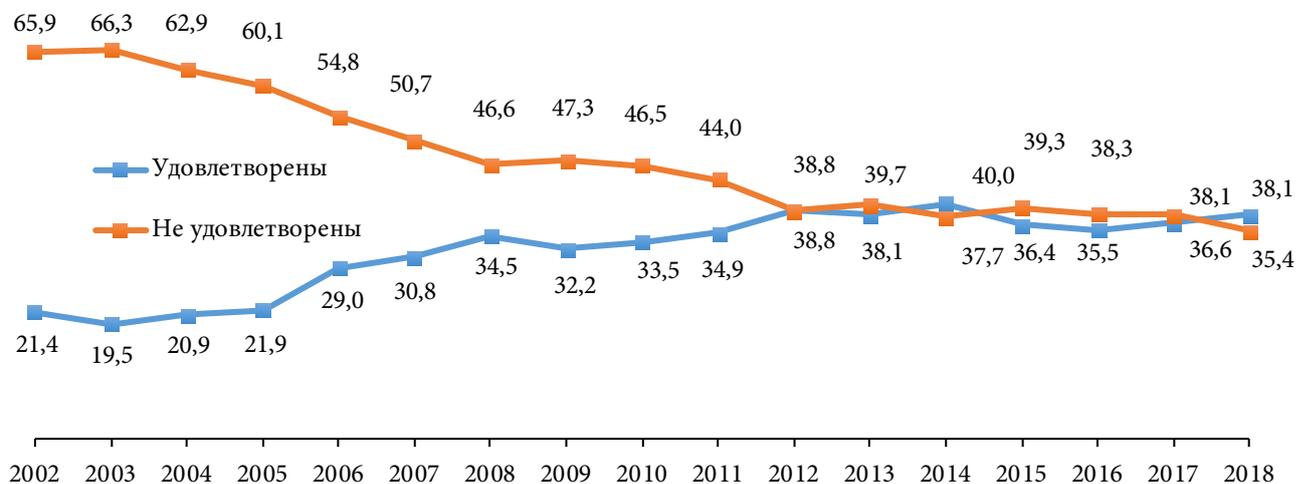

Рис. 27. Удовлетворенность оплатой труда, 2002–2018 гг., %

На следующем рис. 28 представлены данные RLMS-HSE, раскрывающие тенденции уровня удовлетворенности работников предприятий и организаций возможностями для профессионального роста, за 2002–2018 гг.

Рис. 28. Удовлетворенность возможностями профессионального роста, 2002–2018 гг., %

Анализ данных рисунка показывает, что уровень удовлетворенности работников этой стороной своего труда менялся достаточно хаотично. При этом доля работников, полностью или скорее удовлетворенных возможностями для профессионального роста, после длительного периода роста с 2016 г. по 2018 г. колебалась в районе 50%. В то же время доля работников, недовольных условиями для профессионального роста, продолжила дальнейшее снижение, берущее начало еще в 2003 г. За последние два года это сокращение составило 2,6 п.п. — с 25,6% в 2016 г. до 23% в 2018 г.

Особенности обращения россиян к различным формам личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на собственном производстве и использовании личных материальных ресурсов, иллюстрируют данные RLMS-HSE за 2000–2018 гг., представленные в таблице 18.

Таблица 18

Некоторые формы рыночного поведения, 2000–2018 гг., %

Формы рыночного поведения	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2017	2018
Работали на дополнительной работе	8,6	10,1	10,0	9,3	6,3	6,4	6,3	7,5	6,7	6,6	4,9
Выращивали что-то на своем участке на продажу или на обмен	8,6	7,1	6,8	6,2	4,4	4,1	3,6	4,1	4,8	2,7	2,8
Разводили скот, птицу, рыбу на продажу	7,8	6,1	6,6	5,8	5,2	4,5	4,0	4,1	3,1	3,0	2,8
Оказывали услуги за плату	4,1	5,8	4,4	5,0	4,7	5,2	5,4	4,1	2,6	3,0	2,8
Охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу	–	–	–	–	–	–	–	1,0	1,4	1,1	1,0
Помещали в банк деньги, давали деньги займы под проценты	1,2	0,9	1,0	1,4	1,2	1,6	1,5	1,3	1,5	1,3	1,3
Сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль	0,6	1,4	1,0	0,8	0,6	0,7	0,8	0,7	0,7	0,7	0,8

Представленные в этой таблице данные, в частности, показывают, что феномен подработки распространен в России довольно умеренно и его значимость постепенно снижается. Если в начале первого десятилетия доля лиц, занятых одновременно и на основной, и на дополнительной работе, достигала 9–10%, то затем она снизилась до 6–7%. В 2018 г. выявлен новый значительный спад, когда доля занятых на дополнительной работе за последний год сократилась с 6,6 до 4,9%. Но для того чтобы сделать вывод об устойчивости этого тренда, важно получить и проанализировать данные следующих волн мониторинга.

Обращает на себя внимание также заметное сокращение в 2017 г. доли россиян, занимающихся выращиванием чего-либо (фрукты, овощи, ягоды и др.) не для личного потребления, а на продажу или обмен. Удельный вес таких респондентов с 2016 по 2017 г. уменьшился на 2,1 п.п. — с 4,8 до 2,7%. Таким низким данный показатель не был никогда ранее. В 2018 г. доля респондентов, выращивающих что-то на своем участке для продажи или обмена, практически не изменилась, составив 2,8%.

Выявлено также дальнейшее сокращение числа россиян, занимающихся разведением скота, птицы, рыбы на продажу. В целом с 2000 по 2018 г. удельный вес респондентов, которые разводили какую-либо живность на продажу, с некоторыми небольшими отклонениями сократился более чем в 2,5 раза — с 7,8 до 2,8%, в том числе

за последний год — на 0,2 п.п. Во многом схожая тенденция наблюдается и в отношении изменения числа россиян, занимающихся оказанием услуг за плату. С 2012 по 2018 г. оно уменьшилось с 5,4 до 2,8%, в том числе за последний год на 0,2 п.п.

Исследование также показало, что в последние годы россияне не стали чаще заниматься охотой и собирательством, помещать деньги в банки, сдавать внаем квартиру, комнату или какое-то имущество, чтобы поправить свое материальное положение. В 2018 г. только около 1% россиян охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу, 1,5% помещали в банк деньги, давали деньги займы под проценты, и всего лишь 0,8% сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль или другое имущество.

Таким образом, в декабре 2018 г. было выявлено небольшое снижение уровня обеспокоенности занятого населения угрозой потери работы и едва заметный рост у работников предприятий и организаций оптимистических оценок возможности нового трудоустройства в случае потери рабочего места. Вместе с тем, несмотря на указанные сдвиги, уровень обеспокоенности занятого населения угрозой безработицы остается высоким, что выглядит зачастую необоснованным, поскольку уровень безработицы в России длительное время держится на очень низком уровне. По-видимому, в данном случае проблема заключается в качестве рабочих мест. Респонденты, которые озабочены проблемой безработицы, скорее всего, имеют в виду отсутствие достаточного количества рабочих мест с привычной для себя оплатой труда. Наряду с позитивными сдвигами многие тенденции, наблюдавшиеся ранее на российском рынке труда, или приостановились, или не получили дальнейшего развития. Но если оценивать ситуацию в целом, можно было разглядеть некоторое оживление на рынке труда. Сократилась продолжительность поиска работы. Вслед за небольшим спадом в предыдущем году продолжился рост уровня удовлетворенности работников предприятий и организаций своей работой в целом и отдельными ее сторонами.

* * *

Подводя итоги, еще раз следует отметить, что на российскую экономику в 2018 г. наибольшее влияние оказывали сложная ситуация на международной политической арене, снижение роста мировой экономики и возросшее санкционное давление. Это влияние сказывалось на конкурентоспособности компаний, состоянии банковской системы, динамике курса рубля. Но при этом более весомыми оказывались все же различные внутренние ограничения, такие как недостаточный спрос на продукцию предприятий на внутреннем рынке, неопределенность экономической ситуации, высокий уровень налогообложения и др. Большинство из них не только удерживали экономику в состоянии стагнации, но и делали практически невозможными попытки целенаправленного и глубокого реформирования экономики, которое неизбежно повлекло бы за собой повышение уровня жизни населения. Многие меры, направленные на реформирование национальной экономики, оказывались неэффективными. Нередко оказывалось, что усилия сосредоточивались не столько на реформировании, сколько на сохранении текущего положения дел. К позитивным факторам, поддерживавшим экономическое развитие в 2018 г., можно отнести рост цен на нефть, увеличение добычи углеводородов и относитель-

но низкую и стабильную инфляцию. Но, несмотря на все это, неблагоприятные факторы преобладали над благоприятным и во многом по этой причине реальные доходы населения так не смогли выйти на траекторию устойчивого роста.

В декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. средние реальные доходы российских домохозяйств выросли на 7,1%, что было немного меньше, чем в предыдущем году, когда этот рост составил 10,6%. В результате такого последовательного роста средние реальные доходы домохозяйств оказались почти на треть выше, чем в 2008 г. Как и прежде, доминирующее положение в структуре доходов домохозяйств занимали доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей. Совокупный месячный доход от заработной платы в декабре 2018 г. увеличился на 8,6%, продолжив рост предыдущего года, составивший 11,8%. При этом было отмечено увеличение в декабре 2018 г. дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях на 11,6%, дохода от работы на частных предприятиях — на 5,5%, дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности — на 16,6%. Кроме того, выявлен близкий к инфляции рост государственных трансфертных платежей, составивший 6,4%, что было лишь немного больше 6,3% роста, зафиксированного в декабре 2017 г. Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора после значительного роста в декабре 2017 г. на 29,1% уменьшился в декабре 2018 г. на 4,1%. В то же время натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора после сокращения в декабре 2017 г. на 4,7% в декабре 2018 г. стремительно вырос на 33,8%. Помощь от родственников и благотворительная помощь увеличилась в декабре 2018 г. на 2,4%, что было существенно меньше, чем 7,7% роста в предыдущем году.

В последние два года отмечено небольшое ослабление зависимости домохозяйств от государственных выплат. Если за 2011–2016 гг. доля дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей выросла с 35,4 до 42%, то за 2017–2018 гг. она уменьшилась до 40,8%, в том числе за последний год на 0,1 п.п. В то же время доля дохода от заработной платы за 2011–2016 гг. уменьшилась на 6,1 п.п. — с 51,1 до 45%, но за 2017–2018 гг. она увеличилась до 46,5%, в том числе за последний год на 0,5 п.п. При этом доля дохода от работы на государственных предприятиях за последний год увеличилась с 20,6 до 21,3%, тогда как доля дохода от работы на предприятиях частного сектора уменьшилась с 23,2 до 22,8%. Отмечено также сокращение доли денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора с 4,6 до 4,3% и одновременное увеличение доли аналогичного натурального дохода с 2 до 2,3%. К числу других более или менее существенных изменений можно отнести сокращение доли дохода домохозяйств от помощи родственников и благотворительной помощи с 5,8 до 5,6%, т. е. до уровня 2016 г.

Вслед за длительным периодом сокращения доли домохозяйств с доходом от заработной платы в условиях экономического кризиса (с 71,4% в 2010 г. до 63,8% в 2016 г.) в 2017 г. отмечен ее рост до 64,3%. Но в декабре 2018 г. эта доля практически не изменилась. Примечательно, что за последний год доли домохозяйств, получающих доход от работы на государственных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, не изменились, составив 38,4 и 4,6% соответственно. В то же время удельный вес домохозяйств с доходом от работы на предприятиях частного сектора уменьшился с 37,9 до 36,8%. Доля домохозяйств, получающих какой-либо доход за счет государственных трансфертных платежей,

сократилась с 73,4 до 72,6%, продолжив разнонаправленные сдвиги предыдущих лет. В декабре 2018 г. число домохозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора в 2,8 раза превосходило число домохозяйств, располагающих аналогичным денежным доходом. При этом доля домохозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора за последний год практически не изменилась, составив 38,2%. Но в то же время удельный вес домохозяйств с денежным доходом от аналогичного источника сократился с 14,7 до 13,8%. В декабре 2018 г., как и годом ранее, получали помощь со стороны родственников и из различных источников благотворительной помощи 26,5% обследованных домохозяйств.

В декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. реальные доходы выросли у домохозяйств наиболее (четвертого) и наименее (первого и второго) обеспеченных доходных квинтилей. Примечательно также, что преобладание дохода от заработной платы над доходами от других источников в наибольшей мере было характерно для домохозяйств полярных нижнего и верхнего квинтилей. Наибольшую роль зарплата играла при формировании доходов домохозяйств, принадлежащих к самому богатому квинтилю. Средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,7 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных, что было немного меньше, чем 2,9 раза, зафиксированных в декабре 2017 г. Несмотря на то что доходы бедных и малообеспеченных домохозяйств росли быстрее, чем доходы обеспеченных и богатых, проблема социально-экономического неравенства не утратила своей остроты. Ставка на экономический рост, который оказался вялым, низкую инфляцию и развитие инфраструктуры не привела хоть к какому-то облегчению положения граждан, которые попали в плотные тиски бедности и нищеты.

Экономические ожидания и потребительские настроения россиян выглядели достаточно противоречиво. Многие ожидали, что ближайший год не станет удачным ни для экономики страны, ни для них самих. Пока у одних групп населения фиксировался рост доходов, у других — снижение. Трудности экономического развития и стагнация доходов переменили отношение граждан к расходам и привели к неоднозначным изменениям структуры потребления. Россияне значительными темпами наращивали кредитование, и прежде всего за счет краткосрочного потребительского кредитования. Ежемесячные расходы российских домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров, после роста в 2016 г. на 9,2% и увеличения в 2017 г. на минимальные 0,1%, в 2018 г. уменьшились на 3,6%. При этом расходы на продукты питания вслед за ростом в 2017 г. на 6,9% в 2018 г. вновь увеличились на 0,3 п.п. В то же время расходы домохозяйств на непродовольственные товары после сокращения в 2017 г. на 3,2% в 2018 г. уменьшились еще на 5,5%.

По доле расходов населения на продукты питания Россия заметно отличается от других стран с сопоставимым ВВП на душу населения, где эта доля в конечном потреблении домашних хозяйств составляет около 15–20%. При этом в 2018 г. было прервано восстановление тенденций, демонстрирующих рост в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств доли расходов на непродовольственные товары и соответствующее сокращение удельного веса расходов на продовольствие. За последний год доля расходов домохозяйств на продукты питания

увеличилась с 40,2 до 40,8%, в то время как доля расходов на непродовольственные товары уменьшилась с 59,8 до 59,2%. Особенно велика доля расходов на продукты питания у бедных слоев населения. Доходы многих семей позволяют оплачивать только продовольствие, транспорт и жилищно-коммунальные услуги, а школа, детский сад, вуз или обязательный Интернет оставляют без денег даже тех, у кого есть небольшие излишки. Такая структура потребления не соответствует уровню экономического развития, уже достигнутому страной, ограничивает возможности значительного повышения уровня жизни граждан, не позволяет существенно увеличить вложения в развитие человеческого капитала.

Выявлено дальнейшее снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов. Если в 2017 г. двадцать процентов наиболее обеспеченных домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 5,1 раза больше, чем двадцать процентов наименее обеспеченных домохозяйств, то в 2018 г. эта дистанция сократилась до 4,7 раза. Снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов происходило за счет опережающего роста расходов наименее обеспеченных домохозяйств. Но, несмотря на эти, казалось бы, позитивные сдвиги, бедные семьи продолжали жить в условиях строжайшей экономии и довольствовались только самым необходимым. В 2018 г. домохозяйства нижнего квинтиля тратили ежемесячно на питание в 2,2 раза меньше, а на непродовольственные товары в 7,1 раза меньше, чем домохозяйства верхнего квинтиля. И в то же время появились некоторые признаки восстановления доходов и увеличения расходов у части наиболее обеспеченных групп населения.

На фоне сдержанных оценок экономической ситуации в стране и собственных семейных перспектив наблюдалась противоречивая ситуация на рынке товаров длительного пользования. В течение 2018 г. рост уровня оснащенности российских домохозяйств предметами длительного пользования по одним группам товаров данной категории сопровождался снижением по другим группам. В частности, выявлен очередной рост уровня оснащенности домохозяйств такими предметами культурно-бытового назначения, как холодильники «No Frost» (с 62,9 до 65%) и стиральные машины последнего поколения (с 83,9 до 85,3%). Но в то же время снизился уровень оснащенности российских семей стационарными или переносными компьютерами (с 69,4 до 68,7%). Несмотря на повышение активности на авторынке, сократилось число домохозяйств, владеющих одним или несколькими автомобилями (с 45,1 до 44,6%). К числу нисходящих тенденций можно отнести также уменьшение доли городских домохозяйств, владеющих дачей (с 23,6 до 22,9%).

В конце 2018 г., как и годом ранее, в экономике наблюдалась ситуация, характеризующаяся высоким уровнем занятости, а безработица находилась на минимально низком уровне. Уровень безработицы среди экономически активного населения за последние три года снизился с 5,5 до 3,3%, в том числе за последний год на 0,3 п.п., достигнув минимального значения за весь постсоветский период. При этом уровень безработицы среди мужчин за последний год снизился с 3,4 до 3,2%, тогда как среди женщин — с 3,7 до 3,3%. Как и в предыдущие годы, в структуре безработицы полностью доминировала длительная безработица (продолжительностью свыше трех месяцев), уровень которой в 2018 г. составил 68,3%. На долю среднесрочной безработицы (от одного до трех месяцев) приходилось 20,6%, тогда как на долю краткосрочной (продолжительностью до одного месяца) — 11,2%.

В российской экономике никаких серьезных событий не происходило, а ситуация на рынке труда оставалась довольно спокойной. Коэффициент участия в рабочей силе, после небольшого увеличения с 81,7% в 2016 г. до 81,9% в 2017 г., в 2018 г. снизился до 81%. При этом за последний год коэффициент участия в рабочей силе у мужчин уменьшился с 85 до 84,1%, тогда как у женщин – с 78,5 до 77,7%. Уровень занятости среди женщин, получающих пенсию, оставался существенно выше, чем среди мужчин-пенсионеров. В 2018 г. по сравнению с 2017 г. доля занятых среди мужчин-пенсионеров уменьшилась с 20,8 до 19,7%, тогда как у женщин-пенсионеров – с 25,9 до 24%. Удельный вес респондентов, сообщивших о смене места работы, за последний год уменьшился с 9,2 до 8,6%, тогда как доля лиц, сообщивших о смене профессии, увеличилась с 5,6 до 5,8%.

Для большинства работников проблема задолженности по заработной плате не являлась актуальной, но оставалась болезненной для небольшой части работников и их семей, которые непосредственно сталкивались с задержками или невыплатами зарплаты. Если с декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. доля работников, не полностью получивших заработную плату, не изменилась, составив 2,6%, то в декабре 2018 г. она уменьшилась до минимальных 1,2%. Но при этом сроки и суммы этой задолженности существенно выросли. Если с 2016 г. по 2017 г. средняя сумма задолженности по заработной плате увеличилась на 9,6%, то к концу 2018 г. она выросла еще на 19,6%. Как и прежде, женщинам заработная плата задерживалась на меньшие суммы, чем мужчинам, однако вероятность задержки заработной платы стала практически одинаковой благодаря снижению этого показателя среди мужчин. В конце 2018 г. задержки заработной платы коснулись 1,2% работающих мужчин и 1,1% работающих женщин. Разрыв в величине средней суммы задолженности по заработной плате после минимальных 1,1 раза, зафиксированных годом ранее, к концу 2018 г. вырос до 1,7 раза, т. е. до уровня предыдущих лет.

Несмотря на относительно высокую занятость и лидерство в отдельных областях экономики, женщины продолжают заметно отставать по уровню заработков от мужчин. Причем отставание женских зарплат от мужских то увеличивается, то сокращается, но оно так и не может достичь показателя в 20%, который является средним для большинства государств. В декабре 2018 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого женщинами трудоспособного возраста, составлял 73,7% от среднего размера дохода занятых мужчин трудоспособного возраста. Это было больше, чем 70,8% в конце 2017 г., но меньше, чем 74,4% в конце 2016 г. В 2018 г., как и годом ранее, в частном секторе этот показатель составил около 74%, тогда как в государственном – около 75%. Практически полностью выровнялись как у мужчин, так и у женщин показатели, характеризующие соотношение доходов, получаемых от трудовой деятельности на частных и на государственных предприятиях. Как и во все предыдущие годы, мужчины трудоспособного возраста превосходили женщин аналогичного возраста по доле получающих доход от трудовой деятельности. Если в 2017 г. это превышение составляло 7,9 п.п. (79,7 против 71,8%), то в 2018 г. – 7,5 п.п. (79,3 против 71,8%).

Выявлено очередное сокращение доли домохозяйств, испытывающих трудности со своевременной оплатой услуг жилищно-коммунального хозяйства. С 2016 по 2018 г. доля таких домохозяйств снизилась с 7,8 до 6,2%. Вместе с тем средняя сумма задолженности домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, до-

стигнув максимума в конце 2016 г., в следующем году сократилась на 13,6%, но в 2018 г. опять увеличилась на 11,1%, оставаясь, однако, почти на 4% меньше, чем в конце 2016 г. Выявлен очередной рост средней суммы месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги. За последний год этот рост составил 2,7%. В результате был достигнут новый максимум анализируемого показателя за все время наблюдений, однако темпы его роста были ниже, чем в предыдущие два года. Самые высокие расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг несли домашние хозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, но средняя сумма задолженности самой высокой была у домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста.

Прошедший год не стал периодом существенного улучшения социального самочувствия россиян. Наоборот, позитивные тенденции, наметившиеся в предыдущем году, постепенно приостановились. Оценки респондентов относительно своего настоящего положения были довольно сдержанными. При этом исследование зафиксировало даже некоторое снижение уровня социального оптимизма по отдельным важным показателям. Если с декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, увеличилась с 48,1 до 51,1%, то к концу 2018 г. она уменьшилась до 49,6%. В то же время доля тех, кто был в той или иной мере недоволен своей жизнью, с декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. уменьшилась до 24,2%, тогда как к концу 2018 г. она увеличилась до 24,7%. Россиян продолжали беспокоить проблемы бедности и нищеты, глубокого экономического неравенства, роста цен, повышения качества образовательных услуг и медицинского обслуживания. На настроениях российских граждан сказывалось также усиление нестабильности и неопределенности в обществе.

Хотя за годы длительной кризисной полосы россияне и привыкли вести довольно скромный образ жизни, число граждан, удовлетворенных своим материальным положением, оставалось небольшим и менялось очень мало. При этом многие довольно легко относились к усилению кризисных явлений в последние годы, надеясь, что вскоре начнется мощный экономический рост, который приведет к улучшению жизни семей. Но через некоторое время пришло осознание, что резкого роста не будет. В результате за последний год доля респондентов, в большей или меньшей степени неудовлетворенных своим материальным положением, увеличилась с 57,1 до 57,9%, тогда как доля полностью или скорее удовлетворенных уменьшилась с 23,2 до 20,9%. Несколько иными были сдвиги в оценках респондентов, характеризующих изменения материального положения своих семей за последние 12 месяцев. Так, за прошедший год сократилась не только доля заметивших улучшение материального положения своих семей — с 19,2 до 16,9%, но и доля лиц, которые отметили, что их материальное положение ухудшилось, — с 24,8 до 23,9%. При этом с 56% до максимальных 59,2% выросла доля полагающих, что уровень материального благосостояния их семей остался на прежнем, зачастую низком уровне.

Большинство россиян не слишком надеялись на улучшение своего положения в ближайшем будущем и поэтому смотрели на жизненные перспективы своих семей с большой тревогой. Но, как и прежде, среди респондентов преобладали люди, уверенные, что в их жизни ничего не изменится. С декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. их доля увеличилась с 46,5 до 47% и далее в декабре 2018 г. — до максимальных 49,5%. При этом доля респондентов, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить намного или немного лучше, после роста с 19,7% в декабре 2016 г. до 21,5%

в декабре 2017 г., в декабре 2018 г. вновь уменьшилась до 19,6%. А доля уверенных, что через год они и их семьи будут жить немного или намного хуже, с декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. уменьшилась с 15,4 до 12,9%, тогда как в конце 2018 г. она увеличилась до 13,3%. Огромным оставалось число россиян, которые не ожидали улучшения своего материального положения. При этом с декабря 2016 г. по декабрь 2017 г. доля россиян, в большей или меньшей степени обеспокоенных тем, что не смогут обеспечивать себя самым необходимым в течение ближайшего года, увеличилась с 68 до 68,4%, тогда как в декабре 2018 г. она уменьшилась до 67,4%.

Несмотря на высокий уровень обеспокоенности угрозой потери работы, многие считают, что хотя найти новую подходящую работу трудно, но все же вполне возможно. В 2018 г. было выявлено едва заметное снижение остроты проблемы обеспокоенности занятого населения угрозой потери работы. За последний год доля респондентов из числа занятых, которые были в большей или меньшей степени обеспокоены угрозой потери работы, уменьшилась с 63,3 до 61,9%, тогда как доля тех, кто был не очень или совсем не обеспокоен этой проблемой, уменьшилась с 23,7 до 23,3%. В 2018 г. прекратилось падение уровня уверенности занятых в возможности нового трудоустройства в случае потери работы. После длительного снижения с 46,1% в 2012 г. до 38,5% в 2017 г. доля респондентов, полностью или скорее уверенных в возможности повторного трудоустройства, в 2018 г. повысилась на 0,1 п.п. В то же время с 44,4 до 42,4% уменьшилась доля лиц, не очень уверенных или совсем не уверенных в этом.

Далеко не все тенденции, наблюдавшиеся ранее на российском рынке труда, получили дальнейшее развитие в 2018 г. После снижения в предыдущем году увеличилась значимость таких причин прекращения работы, как низкая заработная плата (с 5,3 до 6,7%) и окончание контракта (с 2,4 до 2,7%). Напротив, снизилась доля уволившихся с работы по причине сокращения должности или закрытия предприятия (с 14,9 до 14,2%) и доля вышедших на пенсию (с 24 до 23,1%). В то же время практически не изменилась весомость таких причин, как ухудшение состояния здоровья (23,3% в 2017 г. 23,4% в 2018 г.), переезд (1,8 и 2% соответственно) и учеба (2,6% как в 2017 г., так и в 2018 г.). Следует отметить, что доля респондентов, покидающих работу в связи с выходом на пенсию, постепенно снижается, начиная с 2011 г., когда этот показатель составлял 34%.

Как и во все предыдущие годы, самым распространенным способом поиска работы остаются обращения за помощью к друзьям и знакомым, но его весомость за последние годы существенно снизилась (с 81,7% в 2014 г. до 76,5% в 2018 г.). На второй позиции все прочнее закрепляются обращения кандидатов к рекламным объявлениям в Интернете. Доля респондентов из числа соискателей, обращавшихся к этому способу поиска работы, стремительно выросла с 13,1% в 2006 г. до 62,6% в 2018 г., т. е. в 4,8 раза. Третью позицию занимают обращения кандидатов непосредственно на предприятия. На протяжении многих лет к этому способу прибегали около половины российских граждан, выражающих желание найти работу. К числу наиболее распространенных способов поиска работы относятся также обращения к традиционным рекламным объявлениям. За последний год доля лиц, воспользовавшихся этим способом, увеличилась с 40,2 до 44%, но в 2018 г. она опять уменьшилась до 39,3%. И наконец, наименее популярными остаются такие способы, как обращения в государственные и негосударственные службы занятости. В 2018 г. ими воспользовались 24,3 и 11,2% соискателей соответственно.

Выявлено дальнейшее повышение уровня удовлетворенности занятых своей работой в целом и отдельными ее сторонами. Так, за последний год увеличилась доля работающих, полностью или скорее удовлетворенных своей работой (с 67,4 до 69,2%), и сократилась доля тех, кого нынешняя работа скорее или совсем не устраивает (с 9,8 до 8,8%). Наибольшую удовлетворенность у работников предприятий и организаций вызывают условия труда. За прошедший год доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных этой стороной труда, увеличилась с 66,2 до 67,4%, достигнув нового максимума, тогда как доля скорее или совсем недовольных уменьшилась с 11,4 до 10,1%. В то же время доля лиц, полностью или скорее удовлетворенных оплатой своего труда, увеличилась с 36,6 до 38,1%, тогда как доля скорее или совсем недовольных уровнем заработков уменьшилась с 38,1 до 35,4%. Что касается уровня удовлетворенности возможностями для профессионального роста, то за последний год уменьшилась не только доля удовлетворенных этими возможностями (с 50,3 до 49,8%), но и доля тех, кого не устраивают эти возможности (с 25,3 до 23%).

Список литературы

Баштакова А. Россияне свалились в коммунальную долговую яму // Независимая газета. 01.07.2019.

Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей за 2018 год // Минтруд России [сайт]. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/1340> (дата обращения: 15.11.2019).

Картина экономики. Январь 2019 года // Министерство экономического развития РФ [сайт]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/2019120201> (дата обращения: 15.11.2019).

Кузьмина В. Купить с экрана монитора // Эксперт. 2019. № 25. С. 25–27.

Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 385-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий» // Российская газета. 31.12.2015. Федеральный выпуск № 297 (6868).

doi: 10.17323/978-5-7598-2088-8_7-94

RUSSIAN HOUSEHOLDS: ECONOMIC BEHAVIOR, POSITION ON THE LABOR MARKET, SOCIAL WELL-BEING (RLMS-HSE, 1994–2018)

Voronin G. L., Kiseleva I. P., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Evgrafova K. O.

Abstract. In this paper, we analyze the changes in socio-economic behavior of Russian households in the period between 1994 and 2018. As the RLMS-HSE data show, the growth of real household income slowed down to 7,1% in 2018. The share of household income that comes from government transfer payments fell to 40,8%, while the share of income from wages and salaries increased to 46,5%. On average, well-off families earned 2,7 times more than low-income families did in 2018.

In 2018, there was a 3,6-percent decrease in household expenditures with food expenditures stagnating and non-food spending decreasing by 5,5%. The spending gap between the wealthy and the poor continued to narrow as well-off families spent 4,7 times more than low-income households.

In 2018, the unemployment rate declined to 3,3% in population in general, with unemployment going down to 3,2% among men and 3,3% among women. In the meantime, the labor force participation decreased by 0,9 percentage points and amounted to 81% of the adult population. Men continued to outperform women in terms of the share of wage-earners and average work-related income. In 2018, female workers earned 73,7% of the average male income.

In 2018, although half of the respondents (49,6%) were generally satisfied with life, the share of those discontented with their financial circumstances increased compared to 2017, reaching 57,9%. The bulk of respondents (49,5%) expected no improvement in their financial situation. Despite that, respondents were slightly less anxious about losing their job and were more optimistic about their chances to find another one. In general, the level of job satisfaction has increased.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, household, income, expenditure, consumption, employment, unemployment, inequality, attitudes.

References

Bashtakova A. Rossiyanе svalilis' v kommunal'nyu dolgovuyu yamu // *Nezavisimaya gazeta*. 01.07.2019.

Doklad o rezul'tatakh kompleksnogo monitoringa sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya pozhilykh lyudey za 2018 god // *Mintrud Rossii* [site]. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/1340> (data obrashcheniya: 15.11.2019).

Kartina ekonomiki. YAnvar' 2019 goda // *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RF* [site]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depmacro/2019120201> (data obrashcheniya: 15.11.2019).

Kuz'mina V. Kupit' s ekrana monitora // *Ekspert*. 2019. No. 25. S. 25–27.

Federal'nyy zakon ot 29.12.2015 g. No. 385-FZ "O priostanovlenii deystviya otdel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii, vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii i osobennostyakh uvelicheniya strakhovoy pensii, fiksirovannoy vyplaty k strakhovoy pensii i sotsial'nykh pensiy" // *Rossiyskaya gazeta*. 31.12.2015. Federal'nyy vypusk No. 297 (6868).

Дорофеева З. Е.

ДИНАМИКА ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ ИЗ МНОГОДЕТНЫХ И НЕМНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ

doi: 10.17323/978-5-7598-2088-8_95-106

Аннотация. На базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (1994–2018 гг.) рассматривается динамика и проводится сравнительный анализ ключевых показателей здоровья детей в возрасте до 18 лет из многодетных и многодетных семей. Как показал анализ, в обеих рассматриваемых группах отмечается позитивная динамика субъективной оценки здоровья, а также снижение доли детей, имеющих хронические заболевания. По сравнению с 1990-ми гг. значительно выросла доля детей, проходивших профилактический медицинский осмотр в течение последних трех месяцев. Это доля достигла своего максимального значения (более 40%) в 2009 г., т. е. на третий год реализации национального проекта «Здоровье». В то же время все реже принимаются решения о самолечении: доля обращений к медицинским работникам в случае заболевания продолжает снижаться. В первой половине периода наблюдений фиксировались заметные различия в ряде показателей между выделенными группами: например, самооценка уровня здоровья детей из многодетных семей была выше, чем из многодетных, а доля детей, имеющих хронические заболевания, была ниже. Заметны были различия и в разрезе город–село: дети, проживающие в селе, имели субъективно более высокие показатели здоровья, однако это могло быть связано как с уровнем местной медицинской диагностики, так и с разницей в представлениях родителей о «здоровом» ребенке в целом. В настоящее время разница в большинстве показателей, касающихся здоровья детей, нивелировалась, однако продолжает расти дифференциация по расходам на лечение между многодетными и многодетными семьями. Если суммы трат на лекарства сопоставимы в разных типах семей, то разница в суммах трат на лечение более заметна. В то же время уровень активности семей, связанный с профилактическими мерами по укреплению здоровья детей, высок в подавляющем большинстве семей, независимо от числа проживающих в них детей.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, здоровье детей, многодетные семьи, семьи с детьми.

Являясь важнейшей составляющей человеческой жизни и занимая одну из центральных позиций в иерархии ценностей, здоровье во многом формируется в детском возрасте под воздействием множества факторов. Помимо генетических и экологических, традиционно выделяют социальные-экономические факторы, влияние которых в значительной степени обусловлено положением семьи, в которой растет ребенок. Многодетные семьи, часто находящиеся в зоне риска по целому ряду социально-экономических показателей, становятся объектом исследований экономистов, социологов, медиков, отмечающих негативное влияние числа детей на их уровень здоровья.

В связи с этим стоит упомянуть теорию распыления ресурсов (*Resource dilution theory*)¹, согласно которой с увеличением числа детей в семье доля родительских ресурсов (причем не только финансовых, но также времени и внимания, уделяемым детям), приходящихся на одного ребенка, пропорционально снижается, и, как следствие, снижается уровень здоровья детей из многодетных семей. Большее число детей, соответственно, требует больших ресурсов от родителей, в противном случае снижается «качество» детей (*Quality-quantity trade-off*), в том числе в плане их здоровья. Масса зарубежных исследований из различных областей науки посвящена изучению взаимосвязи числа сиблингов в семье и их уровня здоровья. Большинство исследователей приходит к выводу о наличии негативной связи², некоторые исследования показывают наличие связи в одних странах и не обнаруживают ее в других³. Значительная доля исследований, обнаруживая негативную связь, выделяет дополнительные важные детерминанты, например, разницу в возрасте детей (*Age gap / Birth spacing / Birth intervals*)⁴, порядок рождений (*Birth order*)⁵. Предметом исследований в этом контексте также выступают долгосрочные эффекты, касающиеся здоровья детей, рожденных в больших семьях⁶.

В российском научном поле сиблинговые исследования занимают заметное место лишь среди работ по психологии и педагогике, которые сосредоточены в основном на изучении отношений в семейной экосистеме и их влияния на позиции в обществе. Отдельно стоит отметить работы медиков, для которых родные братья и сестры являются информативным объектом наблюдения, однако, как правило, работы в этой сфере узконаправлены.

¹ *Blake J.* Family size and the quality of children // *Demography*. 1981. No. 18 (4). P. 421–442.

² См., напр.: *Henderson D. J., Millimet D. L., Parmeter C. F., Wang L.* Fertility and the health of children: A nonparametric investigation // *emerald insight [site]*. 21 February 2008. URL: [https://doi.org/10.1016/S0731-9053\(07\)00007-2](https://doi.org/10.1016/S0731-9053(07)00007-2) (accessed: 12.04.2019).

³ См., напр.: *Appleton S., Liu B., Alessio Gaggero A., Song L.* Is there a Quality-Quantity trade-off? An Analysis of Child Health in Uganda and China // *ResearchGate [site]*. February 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/331175670_Is_there_a_Quality-Quantity_trade-off_An_Analysis_of_Child_Health_in_Uganda_and_China (accessed: 12.04.2019).

⁴ *Barclay K. J., Kolk M.* Birth Intervals and Health in Adulthood: A Comparison of Siblings Using Swedish Register Data // *Demography*. 2018. No. 3 (55). P. 929–955.

⁵ *Brenøe A. A., Molitor R.* Birth order and health of newborns // *Journal of Population Economics*. 2018. No. 2 (31). P. 363–395.

⁶ *Bengtsson T., Mineau G. P.* Earlylife effects on socio-economic performance and mortality in later life: A full life-course approach using contemporary and historical sources // *Social Science and Medicine*. 2009. No. 68 (9). P. 1561–1564.

И хотя изучению здоровья детей в целом уделено значительное внимание в медицине (в том числе в педиатрии), психологии, экономике и социологии, исследований, нацеленных на изучение здоровья детей из многодетных семей, немного. Чаще этот вопрос затрагивается при рассмотрении более широких тем.

В этой статье использованы данные 5–27-й волн «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) за 1994–2018 гг. Доля многодетных семей в выборке RLMS-HSE варьировала от 1,5 до 3,7% в разные годы наблюдений, но в целом сопоставима с данными переписи, которая в 2002 г. зафиксировала 2,6%¹, а в 2010 г. – 2,3% многодетных от общего числа семей (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика числа и доли многодетных семей и детей в них, RLMS-HSE, 1994–2018 гг.

Год	Доля многодетных семей, %	Доля многодетных семей (город), %	Доля многодетных семей (село), %	Среднее число детей в многодетных семьях
1994	3,7	2,6	7,4	3,4
1995	3,7	2,3	7,8	3,5
1996	3,4	2,2	7,1	3,4
1998	3,2	2,1	6,9	3,4
2000	2,7	1,7	5,8	3,4
2001	2,4	1,6	5,0	3,4
2002	2,7	1,7	5,6	3,4
2003	2,5	1,7	5,3	3,3
2004	2,4	1,7	5,0	3,3
2005	2,2	1,5	4,9	3,4
2006	1,7	1,2	4,0	3,3
2007	1,7	1,1	4,2	3,4
2008	1,8	1,3	4,2	3,3
2009	1,5	1,2	3,7	3,4
2010	2,2	1,5	5,1	3,4
2011	2,3	1,8	4,8	3,4
2012	2,6	1,9	5,1	3,4
2013	2,5	1,9	5,1	3,5
2014	2,8	2,4	5,7	3,5
2015	2,7	2,3	6,1	3,4
2016	3,0	2,7	6,6	3,5
2017	3,2	3,0	6,5	3,5
2018	3,2	3,0	6,1	3,5

¹ Здесь и далее расчеты автора на основе данных переписей 2002 и 2010 гг. и микропереписи 2015 г.: Всероссийская перепись населения 2002 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/ТОМ_06_02.xls (дата обращения: 06.04.2020); Всероссийская перепись населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.xlsx (дата обращения: 06.04.2020); Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/09/09-02_\(abc\).xlsx](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/09/09-02_(abc).xlsx) (дата обращения: 06.04.2020).

По данным микропереписи 2015 г. в стране 2,8% многодетных. Доля многодетных от числа семей с детьми составляла 6,6% по переписи 2002 г., 7% по переписи 2010 г. и 9,1% по микропереписи 2015 г. Стоит отметить, что в последние годы рост доли многодетных сопровождается снижением общей доли семей с детьми (с 51,7% в 2002 г. до 43,6% в 2015), причинами которого становится старение населения и увеличение доли бездетных пар.

Изучая многодетные семьи, мы должны понимать, что «в России сосуществуют журналистские и научные обозначения различных семейных структур, а юридическая трактовка не совпадает с социологической»¹, и понятие многодетной семьи в данной работе подразумевает домохозяйство, в составе которого проживают трое и более несовершеннолетних детей, что не всегда согласуется с наличием у семьи статуса многодетной семьи, подразумевающего соответствующие льготы. Однако задачи данного исследования позволяют работать в рамках обозначенного определения, поскольку в контексте изучения проблем здоровья важен именно показатель уровня концентрации детей, а также соотношения числа детей и взрослых в домохозяйстве.

Согласно данным RLMS-HSE, большинство многодетных семей (в среднем три четверти от числа многодетных) — это семьи с тремя детьми, четверых детей имеют порядка 18%, пятерых и более — 9–10% семей. Среднее число детей в многодетных семьях составляет 3,3–3,5 ребенка. Данные переписи показывают, что распределение многодетных семей по территории Российской Федерации крайне неравномерно — в нескольких традиционно многодетных регионах их доля крайне высока и достигает 38%, в то время как большая часть регионов имеет значение менее 2%. К тому же многодетность является скорее сельским явлением, чем городским, — в селе доля многодетных семей примерно вдвое больше.

Обращаясь к изучению проблем здоровья населения, исследователи сталкиваются с проблемой концептуализации понятия здоровья. Одни трактовки включают исключительно объективные показатели, т. е. наличие или отсутствие диагностированных заболеваний; другие принимают во внимание самооценку здоровья; третьи, используя расширенный подход, охватывают также социальный и психологический контексты. Данные RLMS-HSE содержат достаточно широкий набор вопросов, касающихся здоровья, что позволяет подойти к изучению исследуемой проблемы с разных сторон.

Одним из наиболее важных показателей здоровья, на наш взгляд, является самооценка здоровья, которая отражает не только субъективное, но и в значительной степени объективное состояние², а также является ключевым фактором, влияющим на качество жизни человека.

Период наблюдений, охватывающий 1994–2018 гг., показывает значительную положительную динамику в уровне самооценки³ здоровья населения в целом и детей в частности (см. рис. 1). При этом самооценка здоровья детей из многодетных семей выше, чем из немногочетных, особенно в первой половине периода проведения исследования RLMS-HSE. Начиная с 2006 г. разница в показателях самооценки здоровья стала менее значительной и в 2018 г. составила 6%.

¹ Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110.

² Корхова И. В. Методы оценки здоровья // Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / под ред. Н. М. Римашевской. М.: ИСЭПН, 2001. С. 224–252.

³ По оценке родителей детей до 13 лет включительно и по самооценке детей старше 14 лет.

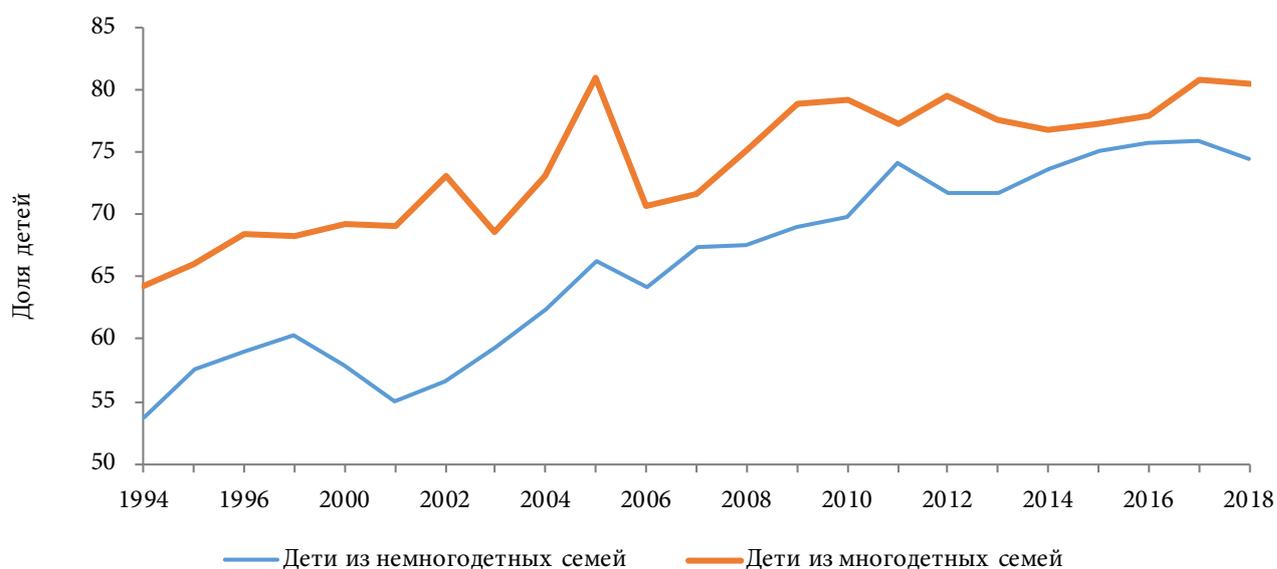

Рис. 1. Динамика доли детей в возрасте 0–18 лет с хорошим и очень хорошим здоровьем (по самооценке), RLMS-HSE, 1994–2018 гг., %

В разрезе возраста наибольшая доля детей с хорошим и очень хорошим здоровьем обнаруживается среди детей младших возрастов, постепенно снижаясь к совершеннолетию. Различия по полу в последние годы обследования незначительны для детей внутри разных типов семей, хотя в первой половине периода наблюдений самооценка здоровья мальчиков из многодетных семей была стабильно значительно выше самооценки здоровья девочек из немногодетных семей.

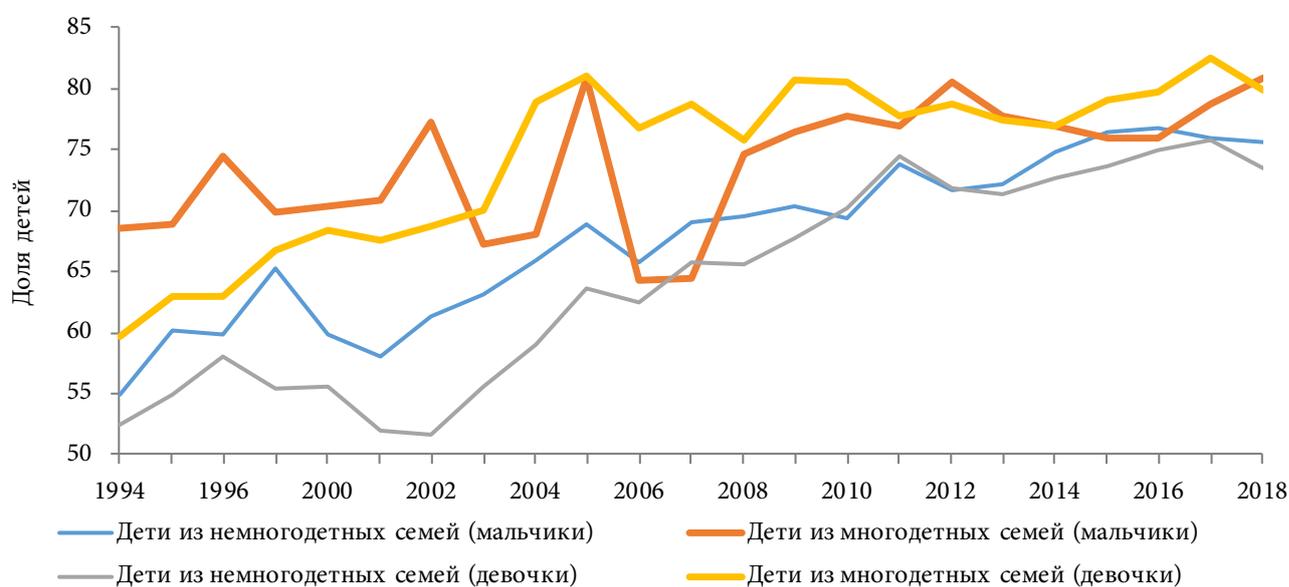

Рис. 2. Динамика доли детей в возрасте 0–18 лет с хорошим и очень хорошим здоровьем (по самооценке), в зависимости от пола, RLMS-HSE, 1994–2018 гг., %

Логично предположить, что проживание значительной части многодетных семей в селе повышает уровень данного показателя для детей, и в первой половине периода обследования это было действительно так: сельские дети из многодетных семей заметно отличались по уровню здоровья от других детей, в последующие годы разрыв в данном показателе заметно сокращается, однако они продолжают ощущать себя самыми здоровыми. Проживание в городах, и тем более мегаполисах, действительно, как правило,

негативно отражается на уровне здоровья, в то время как более благоприятные экологические условия села оказывают обратное влияние. Но не стоит забывать, что речь идет именно о субъективной оценке, поэтому в данном случае мы скорее наблюдаем разное отношение к здоровью городских и сельских жителей. Стоит также учитывать разницу в качестве медицинской диагностики и уровне оснащенности медицинских учреждений города и села, что в конечном счете также влияет на самооценку здоровья.

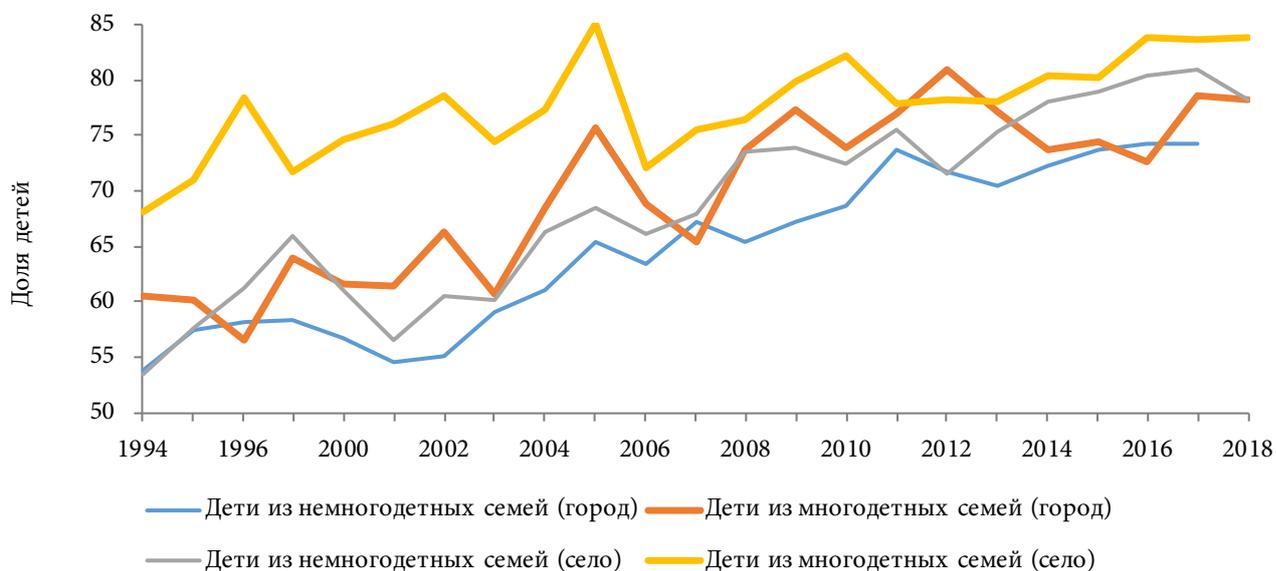

Рис. 3. Динамика доли детей в возрасте 0–18 лет с хорошим и очень хорошим здоровьем (по самооценке), в зависимости от типа населенного пункта, RLMS-HSE, 1994–2018 гг., %

Общую оценку здоровья может также характеризовать наличие проблем со здоровьем за последние 30 дней. С одной стороны, это более конкретный и менее субъективный показатель, с другой – он ограничен четким временным периодом, а следовательно, не отражает общую характеристику здоровья, а лишь фиксирует наличие проблем в определенном временном срезе. Тем не менее с помощью данного показателя мы можем зафиксировать разрыв между детьми из многодетных и немногодетных семей, который был наиболее заметен до 2011 г. Стоит также отметить значительное снижение данного показателя в последние годы наблюдений в обеих группах детей.

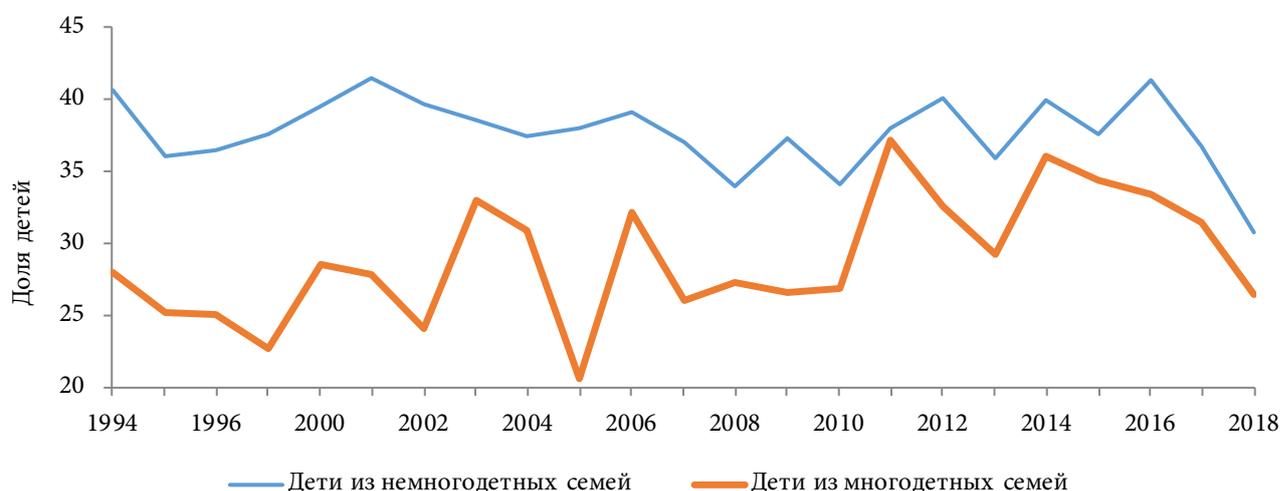

Рис. 4. Динамика доли детей в возрасте 0–18 лет, имевших проблемы со здоровьем в течение последних 30 дней, RLMS-HSE, 1994–2018 гг., %

Важно отметить динамику в вопросах обращения за медицинской помощью: в целом за последние годы (2009–2018 гг.) снизилась доля необращений в медицинские учреждения для получения помощи в случае заболевания детей до 18 лет, независимо от количества последних в семье. При этом в 2009–2012 гг. доля тех, кто занимался лечением детей самостоятельно, среди многодетных семей была значительно выше (разрыв составлял порядка 10%).

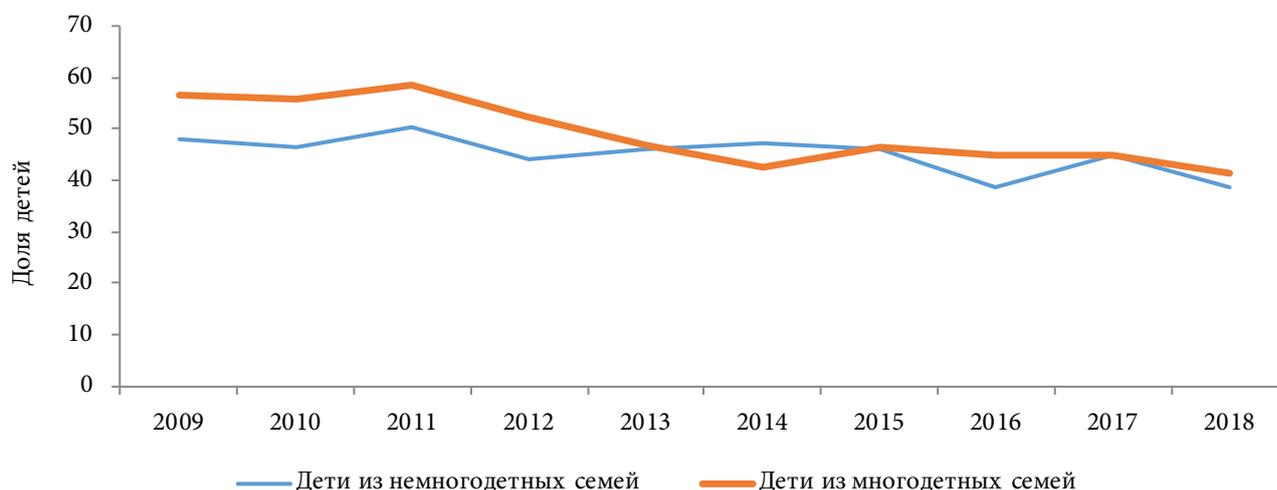

Рис. 5. Динамика доли детей в возрасте 0–18 лет, имевших проблемы со здоровьем в течение последних 30 дней, не обращавшихся за медицинской помощью, RLMS-HSE, 2009–2018 гг., %

В свою очередь частота обращений в медицинские учреждения с целью прохождения профилактического осмотра детьми (независимо от типа семьи) в последние годы наблюдений почти вдвое выше, чем в 1990-е гг. Максимальный рост доли детей, прошедших профилактический осмотр, пришелся на 2000–2003 гг., пиковые значения зафиксированы в 2009 г. — наиболее активный период национального проекта «Здоровье», стартовавшего в 2006 г.

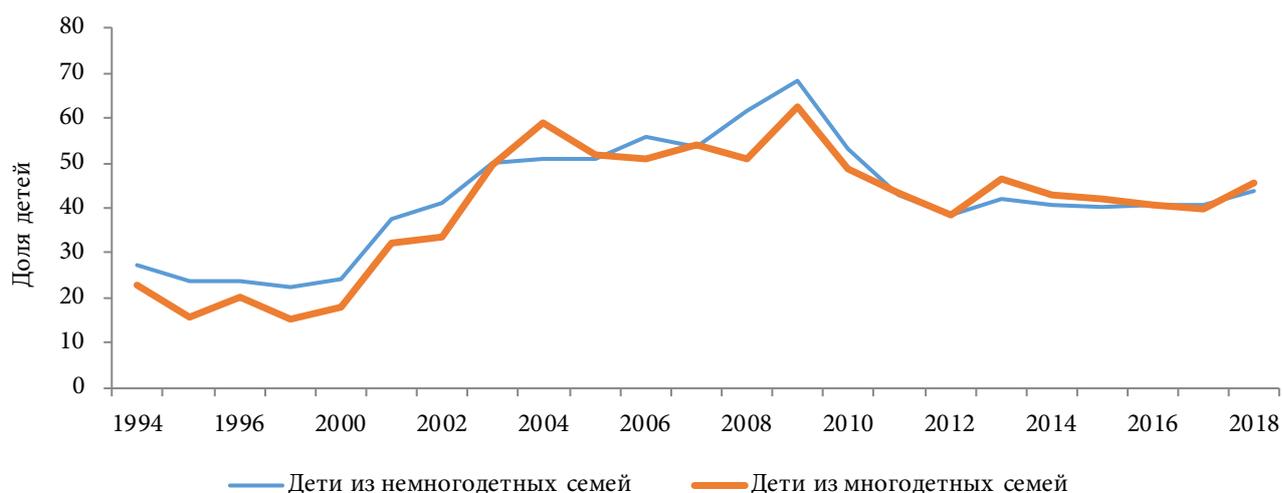

Рис. 6. Динамика доли детей в возрасте 0–18 лет, прошедших профилактический осмотр в течение трех месяцев, RLMS-HSE, 1994–2018 гг., %

Объективные показатели здоровья, такие как, например, наличие хронических заболеваний, дополняют общую картину состояния здоровья. Блок вопросов, включающий список хронических заболеваний, появился в вопросниках обследо-

вания RLMS-HSE в 2000 г. и впоследствии был расширен, что требует от исследователей выделения двух периодов при изучении динамики: так, с 2000 по 2011 г. он включал 7 видов заболеваний (в том числе вариант ответа «другое»), с 2012 г. список пополнился еще на 11 пунктов, а с 2013 по 2018 г. снова пополнился и включает 19 пунктов, поэтому долговременную динамику стоит отслеживать по списку заболеваний 2000–2011 гг. Наиболее примечательным является двукратное снижение доли детей из немногодетных семей, имеющих хронические заболевания: если в начале 2000-х гг. их доля составляла 23–26%, то в последние годы – 11–13%. Дети из многодетных семей также подтверждают этот тренд, но с менее заметной динамикой.

Стоит также отметить, что поскольку в абсолютном выражении число детей из многодетных семей, имеющих хронические заболевания, невелико, наблюдаются заметные колебания, однако наша задача в данном случае оценить общую тенденцию, а также зафиксировать тот факт, что доля детей с выявленными хроническими заболеваниями из многодетных семей меньше, причем в первом периоде, включающем всего 7 видов заболеваний, эта разница особенно заметна. Разница в доле детей, имеющих 2 и более хронических заболевания, начиная с 2013 г. также практически нивелировалась с расширением списка.

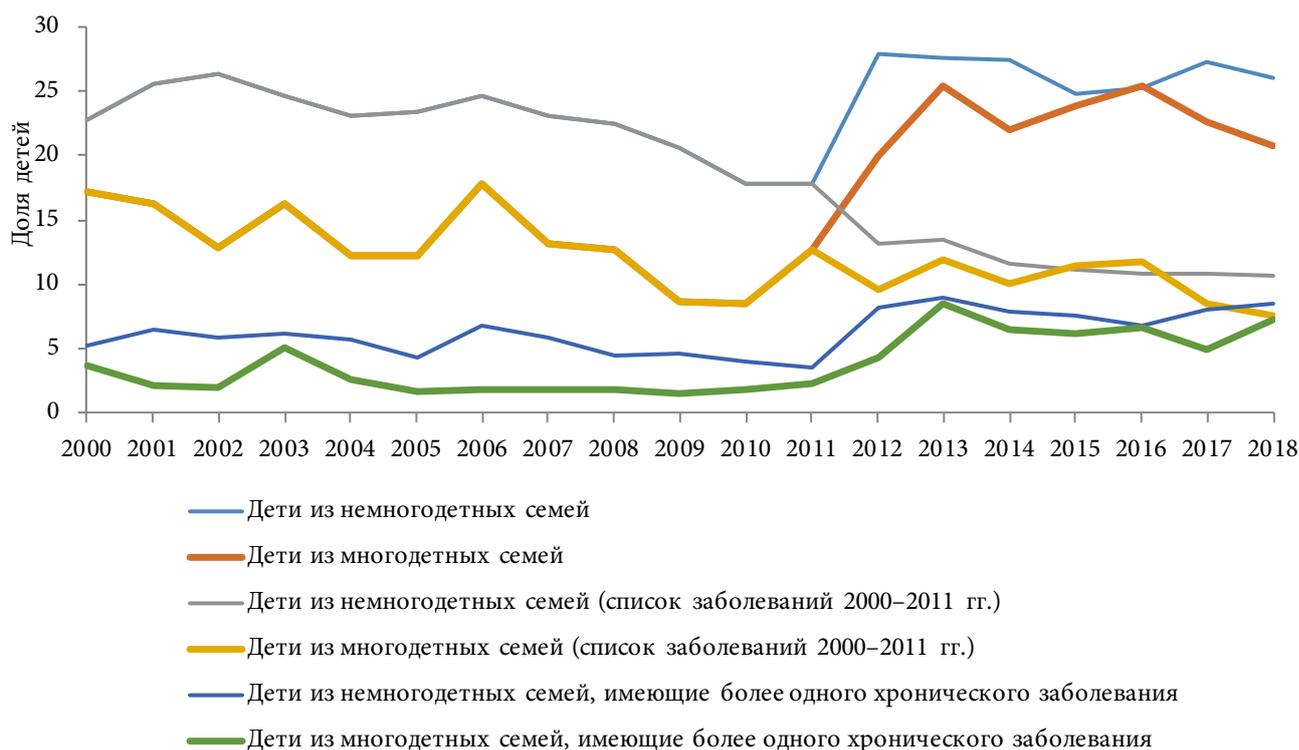

Рис. 7. Динамика доли детей в возрасте 0–18 лет с хроническими заболеваниями, RLMS-HSE, 2000–2018 гг., %

Наиболее часто встречающимися хроническими заболеваниями среди детей (независимо от их количества в семье) являются аллергия, заболевания лор-органов, желудочно-кишечного тракта и глаз.

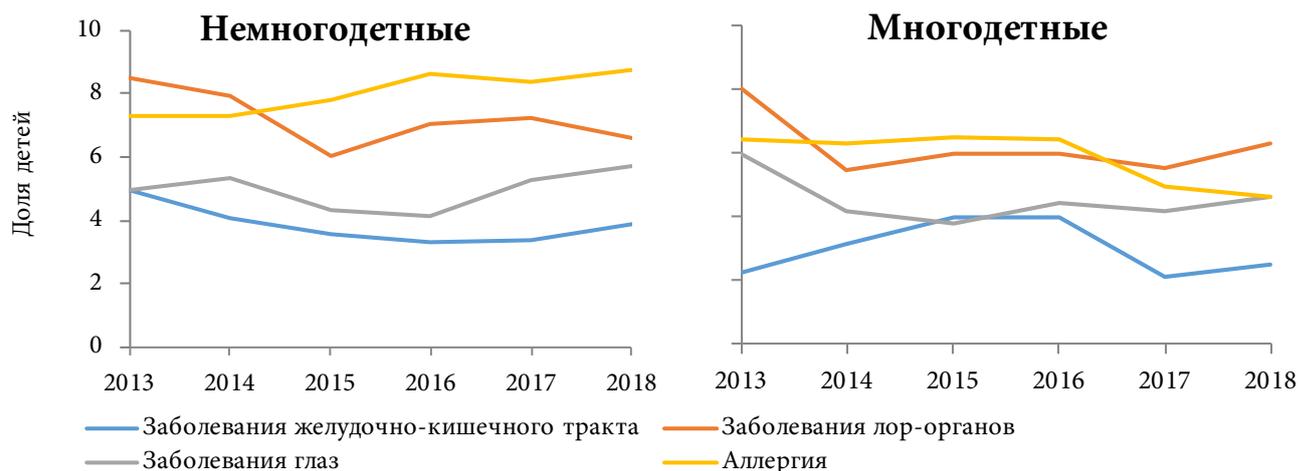

Рис. 8. Динамика доли детей в возрасте 0–18 лет с различными видами хронических заболеваний, RLMS-HSE, 2013–2018 гг., %

Несмотря на официально бесплатную медицину, проблемы со здоровьем членов семьи непременно сопряжены с расходами, необходимыми для лечения и покупки лекарств. И хотя данные RLMS-HSE не позволяют выделить расходы именно на детей, мы можем зафиксировать значимые различия в уровне расходов, связанных со здоровьем, между многодетными и малодетными семьями. Так, в 2018 г. многодетные семьи тратили в среднем около 350 руб. на лекарства и чуть более 1000 руб. в месяц на лечение одного члена семьи, в то время как у семей с меньшим числом детей эти показатели составили 1400 и 4500 руб. соответственно. При этом за годы наблюдений траты немногодетных семей на лечение выросли в несколько раз, в то время как у многодетных увеличились незначительно.

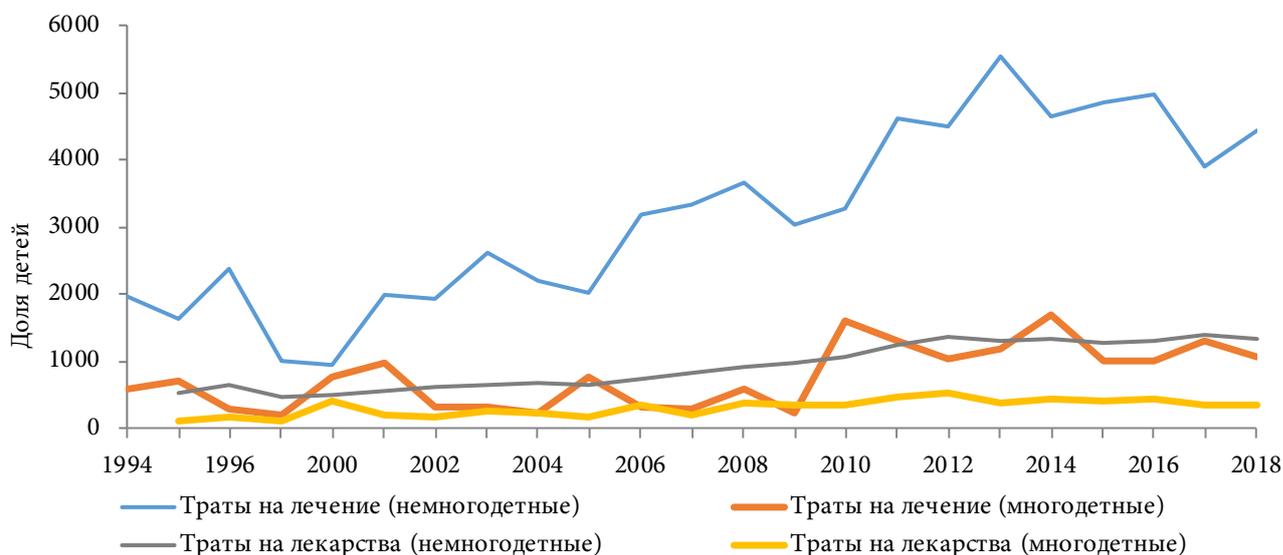

Рис. 9. Динамика индивидуальных* расходов многодетных и немногодетных семей с детьми на лечение** и лекарства, RLMS-HSE, 1994–2018 гг.***, в руб., дефлированных к 2018 г.

*Индивидуальные расходы были рассчитаны путем деления общесемейных расходов на количество членов семьи.

**Вопрос о расходах на лечение с 2000 г. был разбит на 3 подвопроса, включающих: 1) обследование в стационарных лечебных учреждениях: больницах, госпиталях, клиниках; 2) обследование в поликлиниках, амбулаториях; 3) протезирование зубов. На графике представлены результаты анализа объединенного (путем сложения трех значений) вопроса.

***Вопрос о тратах на лекарства включен в анкету с 1995 г.

Очевидно, что финансовые вложения в здоровье, особенно здоровье детей, необходимы, но еще более важными инвестициями являются профилактические меры, направленные на его укрепление. Помимо квалифицированного медицинского осмотра, о котором уже было сказано выше, профилактические меры могут включать целый ряд регулярных процедур и практик. Стоит отметить, что подавляющее большинство родителей (до 99%) проявляют заботу о здоровье своих детей: чаще всего родители отмечали, что в качестве мер для укрепления здоровья и предотвращения возможных заболеваний они выбирают обязательные прогулки на свежем воздухе, соблюдение режима дня и правильное питание. Реже всего упоминают посещение бани и сауны, однако в многодетных семьях эта практика встречается чаще, чем в немногочетных: в среднем в 33 и 25% случаев соответственно.

На фоне общего улучшения здоровья детей, в том числе его субъективных и объективных показателей, в 1990-х и 2000-х гг. в RLMS-HSE фиксировался заметный разрыв между детьми из многодетных и немногочетных семей, не в пользу последних. Однако начиная со второго десятилетия нового века эти различия постепенно нивелируются, показатели детей из многодетных семей находятся в общем тренде.

Большинство исследований, касающихся многодетных, фиксируют высокую долю материально неблагополучных семей внутри этой группы. Наше исследование также зафиксировало существенные различия в расходах на лечение и медикаменты между многодетными и немногочетными семьями. В то же время было выявлено, что по другим показателям, например использование профилактических мер по укреплению здоровья, в том числе посещение врача с целью предотвращения заболеваний, дети из многодетных и немногочетных семей практически не имеют отличий. Снизилась также доля необращений к медицинским работникам в случае заболевания. Своевременная профилактика, как составляющая правильного поведения населения относительно здоровья детей, дает свои плоды — снижение доли хронических заболеваний и повышение уровня здоровья.

Список литературы

Всероссийская перепись населения 2002 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_06_02.xls (дата обращения: 06.04.2020).

Всероссийская перепись населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.xlsx (дата обращения: 06.04.2020).

Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110.

Корхова И. В. Методы оценки здоровья // Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / под ред. Н. М. Римашевской. М.: ИСЭПН, 2001. С. 224–252.

Социально-демографическое обследование (микрперепись населения) 2015 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/09/09-02_\(abc\).xlsx](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/09/09-02_(abc).xlsx) (дата обращения: 06.04.2020).

Appleton S., Liu B., Alessio Gaggero A., Song L. Is there a Quality-Quantity trade-off? An Analysis of Child Health in Uganda and China // ResearchGate [site]. February 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/331175670_Is_there_a_Quality-Quantity_trade-off_An_Analysis_of_Child_Health_in_Uganda_and_China (accessed: 12.04.2019).

Barclay K. J., Kolk M. Birth Intervals and Health in Adulthood: A Comparison of Siblings Using Swedish Register Data // Demography. 2018. No. 3 (55). P. 929–955.

Bengtsson T., Mineau G. P. Earlylife effects on socio-economic performance and mortality in later life: A full life-course approach using contemporary and historical sources // Social Science and Medicine. 2009. No. 68 (9). P. 1561–1564.

Blake J. Family size and the quality of children // Demography. 1981. No. 18 (4). P. 421–442.

Brenøe A. A., Molitor R. Birth order and health of newborns // Journal of Population Economics. 2018. No. 2 (31). P. 363–395.

Henderson D. J., Millimet D. L., Parmeter C. F., Wang L. Fertility and the health of children: A nonparametric investigation // emerald insight [site]. 21 February 2008. URL: [https://doi.org/10.1016/S0731-9053\(07\)00007-2](https://doi.org/10.1016/S0731-9053(07)00007-2) (accessed: 12.04.2019).

doi: 10.17323/978-5-7598-2088-8_95-106

HEALTH DYNAMICS OF CHILDREN IN MULTIPLE AND NON-MULTIPLE FAMILIES

Dorofeeva Z. E.

Abstract. The study uses the 5-27th rounds of the “Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE) to analyze children’s health in multiple and non-multiple families in the period between 1994 and 2018. The data shows an improvement in the parental assessment of children’s health, along with a noticeable decrease in the proportion of minors with a reported chronic condition both in multiple and non-multiple families. Compared to the 1990s, more children make regular visits to a doctor for a medical checkup in the last two decades. On the contrary, self-treatment and self-medication are in decline as parents are becoming less likely to forgo professional medical advice if a minor in the household has health issues. In the early rounds of RLMS-HSE, there were some noticeable differences between multiple and non-multiple families. For example, those parents who had three or more kids assessed children’s health more positively, and the proportion of minors with a reported chronic condition was lower in multiple families. Parents in rural areas also tended to give more positive assessment compared to those who lived in towns and cities. This might have been due to the lower access to health services and medical screening in the countryside, or some variation in what parents considered a healthy child in urban and rural areas. In the 2010s, these differences leveled off, but the gap in healthcare spendings between multiple and non-multiple families started to expand at a much faster pace. Although there are still no significant differences in spendings on medication, non-multiple families can afford more out-of-pocket expenses when it comes to other kinds of medical treatment. However, both multiple and non-multiple families take some precautionary measures to safeguard and improve children’s health.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, children health, multiple families, families with children.

References

Vserossiyskaya perepis’ naseleniya 2002 g. // Federal’naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [site]. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_06_02.xls (accessed: 06.04.2020).

Vserossiyskaya perepis’ naseleniya 2010 g. // Federal’naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [site]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.xlsx (accessed: 06.04.2020).

Gurko T. A. Novyye semeynnye formy: tendentsii rasprostraneniya i ponyatiya // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2017. No. 11. S. 99–110.

Korkhova I. V. Metody otsenki zdorov'ya // ZHenshchina, muzhchina, sem'ya v Rossii: poslednyaya tret' KHKH veka. Proyekt "Taganrog" / Pod red. N. M. Rimashevskoy. M.: IS·EPN, 2001. S. 224–252.

Sotsial'no-demograficheskoye obsledovaniye (mikroperipis' naseleniya) 2015 g. // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [site]. URL: [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/09/09-02_\(abs\).xlsx](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/09/09-02_(abs).xlsx) (accessed: 06.04.2020).

Appleton S., Liu B., Alessio Gaggero A., Song L. Is there a Quality-Quantity trade-off? An Analysis of Child Health in Uganda and China // ResearchGate [site]. February 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/331175670_Is_there_a_Quality-Quantity_trade-off_An_Analysis_of_Child_Health_in_Uganda_and_China (accessed: 12.04.2019).

Barclay K. J., Kolk M. Birth Intervals and Health in Adulthood: A Comparison of Siblings Using Swedish Register Data // Demography. 2018. No. 3 (55). P. 929–955.

Bengtsson T., Mineau G. P. Earlylife effects on socio-economic performance and mortality in later life: A full life-course approach using contemporary and historical sources // Social Science and Medicine. 2009. No. 68(9). P. 1561–1564.

Blake, J. 1981. Family size and the quality of children // Demography No. 18(4). P. 421–442.

Brenøe A. A., Molitor R. Birth order and health of newborns // Journal of Population Economics. 2018. No. 2 (31). P. 363–395.

Henderson D. J., Millimet D. L., Parmeter C. F., Wang L. Fertility and the health of children: A nonparametric investigation // emerald insight [site]. 21 February 2008. URL: [https://doi.org/10.1016/S0731-9053\(07\)00007-2](https://doi.org/10.1016/S0731-9053(07)00007-2) (accessed: 12.04.2019).

Рощина Я. М.

МОТИВАЦИЯ ТРУДА В РОССИИ (ПО ДАННЫМ РМЭЗ НИУ ВШЭ 2006–2018 гг.)

doi: 10.17323/978-5-7598-2088-8_107-122

Аннотация. Представленная статья посвящена анализу мотивации труда россиян. В работе использованы взвешенные данные мониторинга РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2006, 2009 и 2018 гг., репрезентативные для всего населения Российской Федерации. Выборка включает 25 101 респондента в возрасте от 16 до 75 лет независимо от текущего статуса занятости (т. е. в выборку были включены как занятые, так и неработающие, неработающие и не ищущие работу респонденты). Для выявления наборов доминирующих мотивов труда и групп респондентов, ориентированных на тот или иной набор мотивов, был использован факторный и кластерный анализ. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ свидетельствуют о том, что с 2006 по 2018 г. относительная важность различных мотивов труда практически не изменилась. На первом месте находился размер заработной платы, на втором – гарантированная занятость, далее шли удобный график работы, хорошие отношения в коллективе и условия труда. За рассматриваемый период для респондентов стали более важны гарантированная занятость, соответствие работы склонностям, хорошая репутация предприятия, хорошее социальное обеспечение и удобное расположение. Проведенный анализ позволил выделить среди респондентов группу, в большей степени ориентированную на условия труда, и группу, ориентированную на саморазвитие. Ориентация на условия труда более характерна для респондентов с законченным средним образованием, состоящих в браке, имеющих ребенка младше 18 лет; ориентация на саморазвитие – для людей с высшим образованием, не состоящих в браке и не имеющих детей. Явная взаимосвязь прослеживается между силой мотивации к саморазвитию и более высоким и активным статусом занятости (должность, высокая квалификация, высшее образование, официальная работа, наличие вторичной занятости), а также между ориентацией на саморазвитие и степенью удовлетворенности своей работой и условиями труда.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, рынок труда, занятость, мотивация труда, высшее образование.

Исследование мотивации труда является важным элементом социологического анализа рынка рабочей силы, занятости и безработицы. Несмотря на падение интереса к данной теме в отечественной социологии, с начала 2000-х гг. появился ряд интересных исследований, рассматривающих мотивацию труда в контексте адаптации россиян к изменяющимся социально-экономическим условиям и финансовым шокам последних тридцати лет¹. В представленной статье предпринята попытка проанализировать мотивацию труда россиян, опираясь на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE).

Вопросы о мотивации труда и структура выборки в РМЭЗ НИУ ВШЭ

Вопросы о мотивации к труду задавались респондентам в возрасте 14 лет и старше в анкете RLMS-HSE в 2006, 2009 и 2018 гг., как занятым, так и неработающим. Респонденты отвечали на вопросы о том, насколько важными для них являются следующие характеристики работы. «Для Вас лично при выборе работы насколько важны такие ее стороны, как:

- возможность получать новые знания, умения;
- хорошая репутация предприятия, организации, фирмы;
- размер заработной платы;
- гарантированная работа, низкая вероятность ее потерять;
- удобный график работы;
- интересная, творческая работа;
- удобное расположение предприятия, организации, фирмы;
- соответствие работы Вашим способностям, склонностям;
- хорошие отношения в коллективе;
- хорошее социальное обеспечение — путевки, дополнительное медицинское обслуживание, питание и тому подобное;
- возможности должностного роста;
- условия труда».

Респондентам предлагались такие варианты ответов: «очень важно», «скорее важно», «и да, и нет», «скорее неважно», «совсем неважно», «затрудняюсь ответить». Анализ данных показал, что во все годы опроса ответы респондентов сильно смещены, так как они в целом избегают ответов «скорее не важно» и «совсем не важно» (их суммарная доля не превышает 20%, тогда как доля ответов «очень важно» и «скорее важно» составляет в среднем около 60%). В силу этого в одну и ту же категорию были перекодированы ответы «и да, и нет», «скорее не важно», «совсем

¹ Подробный обзор литературы по теме см.: *Бессокирная Г. П.* Мотивация труда в постсоветской России: опыт и методики исследований // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 29–38.

не важно» – этой категории присвоен балл 1, значению «скорее важно» присвоен балл 2, а значению «очень важно» – 3; таким образом, был осуществлен переход к трехбалльной шкале.

В ходе дальнейшего анализа мы будем использовать выборку респондентов в возрасте 16–75 лет, как наиболее близкую к трудоспособному возрасту. Данные взвешены для обеспечения репрезентативности. Итоговая выборка включает 25 101 респондента (8275 – в 2006 г., 7355 – в 2009 г. и 9471 – в 2018 г.).

Согласно данным, представленным в таблице 1, в выборке 46,7% мужчин, 64,2% находятся в возрасте от 25 до 59 лет (доля этой возрастной группы несколько выросла с 2006 по 2018 г.), 63,8% имеют работу на момент опроса. Доля безработных (т. е. не имеющих работу, но ищущих ее) снизилась с 3,7% в 2006 г. и 4,0% в 2009 г. до 2,1% в 2018 г.

Таблица 1

Характеристики выборочной совокупности, 2006, 2009 и 2018 гг.,
доля в выборке, %, взвешенные данные

	2006	2009	2018	Всего
Пол: Мужчины	46,7	46,6	46,6	46,7
Возраст: 16–24 года	19,8	19,8	16,9	18,7
Возраст: 25–59 лет	62,4	63,2	66,7	64,2
Возраст: 60 лет и старше	17,8	17,0	16,4	17,0
Занятость: неактивные	33,3	31,4	34,0	33,0
Занятость: безработные	3,7	4,0	2,1	3,2
Занятость: имеющие работу	63,0	64,6	63,8	63,8

Динамика мотивов к труду в 2006–2018 гг.

Данные таблиц 2 и 3 показывают, что относительная важность различных мотивов к труду за 12 лет обследований практически не изменилась. Как видно из таблицы 2, на первом месте по значимости находится размер заработной платы, «очень важной» эту характеристику считали 71–72% опрошенных.

На втором месте – гарантированная занятость, «очень важной» ее считают более 55%. Далее примерно одинаковые позиции у таких характеристик, как «удобный график работы» (46%), «хорошие отношения в коллективе» (от 47 до 44%), «условия труда» (также от 47 до 44%). Доля тех, кто считает «очень важными» такие параметры, как «соответствие работы способностям» и «хорошее социальное обеспечение», выросла между 2006 и 2018 г. с 37 до 40% и с 35 до 44% соответственно. Меньше людей ценят «хорошую репутацию предприятия» (35–37%), «творческий характер работы» (30–33%), «удобное расположение работы» (30–34%), и, наконец, на последнем месте – такие характеристики, как «возможности должностного роста» (27–30%) и «возможность получать новые знания, умения» (23–27%).

Таблица 2

Динамика мотивов к труду, 2006, 2009 и 2018 гг. доля ответивших «очень важно»,
%, взвешенные данные

Для Вас лично при выборе работы насколько важны такие ее стороны, как...	2006	2009	2018	Всего	Ранг
Возможность получать новые знания, умения	27,3	23,3	27,1	26,1	12
Хорошая репутация предприятия, организации, фирмы	34,8	32,8	37,3	35,2	8
Размер заработной платы	72,7	72,8	71,3	72,2	1
Гарантированная работа, низкая вероятность ее потерять	55,4	56,5	57,3	56,4	2
Удобный график работы	46,2	43,8	47,6	46,0	3
Интересная, творческая работа	32,5	29,9	31,1	31,2	9
Удобное расположение предприятия, организации, фирмы	30,3	27,4	34,0	30,9	10
Соответствие работы вашим способностям, склонностям	37,3	37,9	40,1	38,5	6
Хорошие отношения в коллективе	47,1	42,5	43,9	44,5	4
Хорошее социальное обеспечение	35,1	31,6	43,7	37,3	7
Возможности должностного роста	29,9	27,2	28,5	28,6	11
Условия труда	46,5	42,7	43,7	44,3	5

В таблице 3 показано изменение значимости различных мотивов к труду, измеренной как среднее значение присвоенных баллов (как было указано выше, ответам «и да, и нет», «скорее не важно», «совсем не важно» присвоен балл 1, ответу «скорее важно» – балл 2, ответу «очень важно» – балл 3).

Таблица 3

Динамика мотивов к труду, средние значения, 2006, 2009 и 2018 гг., взвешенные данные

Для Вас лично при выборе работы насколько важны такие ее стороны, как...	2006	2009	2018	Всего	Ранг
Возможность получать новые знания, умения	1,93	1,88	1,95	1,92	9
Хорошая репутация предприятия, организации, фирмы	2,16	2,15	2,22	2,18	6
Размер заработной платы	2,68	2,69	2,67	2,68	1
Гарантированная работа, низкая вероятность ее потерять	2,46	2,48	2,49	2,48	2
Удобный график работы	2,31	2,30	2,35	2,32	4
Интересная, творческая работа	2,02	1,97	1,99	1,99	8
Удобное расположение предприятия, организации, фирмы	2,01	1,98	2,09	2,03	7
Соответствие работы вашим способностям, склонностям	2,20	2,23	2,25	2,23	5
Хорошие отношения в коллективе	2,38	2,32	2,34	2,35	3
Хорошее социальное обеспечение	2,11	2,03	2,34	2,18	6
Возможности должностного роста	1,94	1,90	1,93	1,92	9
Условия труда	2,37	2,33	2,34	2,35	3

В целом можно сказать, что в наблюдаемый период несколько выросла значимость таких факторов, как гарантированная занятость, соответствие работы склонностям, хорошая репутация предприятия, хорошее социальное обеспечение и удобное расположение места работы, уменьшилась – хороших отношений в коллективе и условий труда.

Типологическая модель мотивации труда: факторный анализ

Для анализа структуры мотивации труда на невзвешенных данных нами была оценена модель факторного анализа с вращением Варимакс, объясняющая 60,7% дисперсии. Было выделено два фактора (табл. 4), первый из которых может быть интерпретирован как «ориентация на среду», или на условия труда, а второй – как «ориентация на себя», или на саморазвитие. Эти факторы соответствуют теории двух групп факторов Ф. Херцберга, выделявшего «мотивирующие факторы» (в нашей модели – «ориентация на себя») и «гигиенические факторы» (в нашей модели – «ориентация на среду»), а также исследованиям мотивации труда В. А. Ядова¹.

Таблица 4

Факторные нагрузки модели факторного анализа с вращением, метод Варимакс, 2006, 2009 и 2018 гг., невзвешенные данные

Для Вас лично при выборе работы насколько важны такие ее стороны, как...	Фактор 1 «Ориентация на среду»	Фактор 2 «Ориентация на себя»
Возможность получать новые знания, умения	0,107	0,834
Хорошая репутация предприятия, организации, фирмы	0,419	0,623
Размер заработной платы	0,785	0,050
Гарантированная работа, низкая вероятность ее потерять	0,774	0,160
Удобный график работы	0,692	0,332
Интересная, творческая работа	0,225	0,810
Удобное расположение предприятия, организации, фирмы	0,505	0,500
Соответствие работы вашим способностям, склонностям	0,438	0,611
Хорошие отношения в коллективе	0,615	0,438
Хорошее социальное обеспечение	0,603	0,423
Возможности должностного роста	0,235	0,768
Условия труда	0,690	0,423

В исследовании В. Магуна на российских данных за 1991–2004 гг. (только для занятого населения) было выявлено три фактора (при анализе использован метод главных компонент без вращения): 1) значимость работы и ее возможностей для самореализации; 2) максимизация надежного заработка при минимизации трудовых затрат, на одном полюсе, либо ценность трудолюбия, на другом; 3) ценность интересной и усердной работы в организации как способа обеспечить

¹ Ядов В. А. Стратегия социологического исследования мотивации. М.: Омега-Л, 2007; Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.

высокий заработок и надежную занятость, на одном полюсе, и ценность работы в организации как способа комфортного времяпрепровождения, на другом¹. В этом исследовании, таким образом, выделенные факторы оказались двухполюсными.

В трехфакторной модели Мак-Клелланда были выделены такие мотивы, как потребности достижения, соучастия и властвования. Выделенный нами вектор «ориентации на себя» в полной мере соответствует первому из них.

Сравнение средних значений выделенных двух факторов мотивации труда по различным категориям населения и анализ значимости различий по критерию ANOVA показал, что существуют значимые различия между респондентами по полу, возрасту, образованию, брачному статусу, наличию детей, национальности, статусу занятости (табл. 5). Среди занятых респондентов значимыми оказались различия по профессиональному статусу, а также различия, связанные с тем, оформлен ли человек официально и есть ли у него вторая работа (значимо при «ориентации на себя»). Не выявлено значимых различий в зависимости от того, считает ли занятый респондент себя предпринимателем.

Таблица 5

Средние значения факторов мотивации труда по различным категориям населения и значимость различий по критерию ANOVA, 2006, 2009 и 2018 гг., взвешенные данные

	Ориентация на среду	Ориентация на себя
Год обследования	***	***
2006	-0,0356999	0,0472520
2009	-0,0336368	-0,0234411
2018	0,0252115	0,0744995
Пол	***	***
Мужской	-0,0514631	-0,0214597
Женский	0,0224654	0,0877876
Возраст, лет	***	***
16–17	-0,1569290	0,6032063
18–24	-0,0654597	0,4425286
25–34	0,0214140	0,1894142
35–44	0,1011083	-0,0514187
45–54	0,1033961	-0,2149125
55–64	-0,0673919	-0,1993608
65–75	-0,2520715	-0,1331571
Образование	***	***
Окончил 0–6 классов	-0,5714376	-0,3786493
Незаконченное среднее образование (7–8 классов)	-0,1639302	-0,3655996
Незаконченное среднее образование (7–8 классов + что-то еще)	-0,0371285	-0,0084956
Законченное среднее образование	0,0420051	-0,1497912
Законченное среднее специальное образование	0,0286184	0,0996001
Законченное высшее образование и выше	-0,0487902	0,3765824

¹ Магун В. С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991–2004 гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 4. С. 45–74.

Продолжение таблицы 5

	Ориентация на среду	Ориентация на себя
Брачный статус	***	***
Не в браке	-0,0817360	0,1685680
В формальном или неформальном браке	0,0339688	-0,0507012
Наличие детей	***	***
Нет детей	-0,1042508	0,3324335
Все дети старше 18 лет	-0,0473443	-0,1991593
1 Ребенок младше 18 лет	0,1477235	0,0344487
2 Ребенка младше 18 лет	0,0753580	0,0522218
3 И больше ребенка младше 18 лет	0,0692691	0,0110519
Национальность	***	***
Русские, смешанные русские	0,0133827	0,0082695
Украинцы, белорусы, молдаване	-0,1504324	-0,1230043
Народы северного кавказа	-0,3826004	0,6162953
Малые народы поволжья и севера	-0,0026914	-0,0784576
Татары, башкиры	0,0286949	-0,0109069
Прочие европейские народы	-0,0383795	-0,0500186
Прочие не европейские народы	-0,0409004	0,1437424
Статус занятости	***	***
Неактивный	-0,1832693	0,0944408
Безработный	0,0655273	0,0286069
Есть любая работа	0,0712781	0,0077826
Профессиональный статус (среди занятых)	***	***
Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	-0,0406759	0,3178046
Специалисты высшего уровня квалификации	0,0009252	0,4764912
Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники, служащие	0,1265855	0,0489936
Военнослужащие	-0,0876826	0,3969139
Квалифицированные рабочие	0,1421737	-0,2902548
Неквалифицированные рабочие	0,1467324	-0,4570503
Считает ли себя предпринимателем (среди занятых)	Не значимо	Не значимо
Не считает	-0,0121120	0,0346713
Считает	-0,0081565	0,1291469
Оформлен ли официально (среди занятых)	Не значимо	***
Не оформлен	0,0546231	-0,2203843
Оформлен	0,1120436	0,0270079
Наличие второй работы или приработков (среди занятых)	Не значимо	**
Нет	0,0985671	-0,0060971
Есть	0,1141047	0,0898605

***Различия значимы на уровне 95%.

Что касается изменений по годам исследования, то можно сказать, что мотивированность условиями труда была примерно одинакова в 2006 и 2009 гг. и стала несколько выше в 2018 г. Уровень мотивации «ориентация на себя» в 2009 г. значительно снизился по сравнению с 2006 г., а в 2009 г. вырос, причем превзошел уровень 2006 г.

Можно сделать вывод, что в целом женщины по обоим факторам более мотивированы, чем мужчины; ориентация «на среду» наиболее высока в возрасте 35–54 лет, а «на себя» — в возрасте до 35 лет (и особенно — 16–17 лет). Характеристиками, позитивно связанными с более высоким значением мотива «ориентация на среду», можно назвать законченное среднее образование, состояние в браке, наличие одного ребенка младше 18 лет, национальность — русские, татары и башкиры, наличие любой работы. Более высокое значение мотива «ориентация на себя» наблюдается среди людей с высшим образованием, не состоящих в браке, не имеющих детей, этносов Северного Кавказа.

Если говорить только о занятых, то в наибольшей степени мотивированы хорошими условиями труда квалифицированные и неквалифицированные рабочие, а саморазвитием и высокими профессиональными достижениями — законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена, а также специалисты высшего уровня квалификации. Кроме того, значение второго фактора («ориентация на себя») выше среди тех, кто оформлен на работе официально и кто имеет вторую работу. Таким образом, очевидно, что существует взаимосвязь между более высоким и активным статусом занятости (должность, высокая квалификация, хорошее образование, официальная работа, наличие вторичной занятости) и степенью мотивированности на достижения. В данном случае мы не можем говорить о причинно-следственной связи, так как, вероятно, и более мотивированный на достижения человек ведет себя активнее, учится, продвигается по службе; но и человек, занимающий определенную профессиональную позицию, может в меньшей степени думать про условия труда, а в большей — про карьерный рост.

Мы рассчитали также средние значения выделенных нами двух факторов мотивации труда для занятых, во взаимосвязи с их степенью удовлетворенности различными аспектами труда, с соответствующим анализом значимости различий по критерию ANOVA (табл. 6). Как оказалось, все различия значимы, т. е. люди, в разной степени удовлетворенные или неудовлетворенные различными аспектами труда, имеют разный уровень мотивации по факторам «ориентация на среду» и «ориентация на себя». При этом были рассмотрены следующие аспекты удовлетворенности трудом:

- 1) работой в целом;
- 2) условиями труда;
- 3) оплатой труда;
- 4) возможностями профессионального роста;
- 5) продолжительностью рабочего дня;
- 6) социальными пособиями и льготами;
- 7) соответствием работы уровню квалификации;
- 8) графиком работы.

Таблица 6

Средние значения факторов мотивации труда в соотношении со степенью удовлетворенности
разными сторонами труда среди занятых и значимость различий по критерию ANOVA,
2006, 2009, 2018 гг., взвешенные данные

	Ориентация на среду	Ориентация на себя
Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены Вашей работой в целом?	***	***
Полностью удовлетворены	0,1655401	0,2850489
Скорее удовлетворены	0,0524757	0,0466310
И да, и нет	0,1128191	-0,1678955
Скорее не удовлетворены	0,1336763	-0,1453627
Совсем не удовлетворены	0,3270441	-0,1295636
Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены условиями Вашего труда?	***	***
Полностью удовлетворены	0,1668106	0,3535525
Скорее удовлетворены	0,0537295	0,0545263
И да, и нет	0,0943865	-0,1742876
Скорее не удовлетворены	0,1477769	-0,1923087
Совсем не удовлетворены	0,3094642	-0,1440108
Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены оплатой Вашего труда?	***	***
Полностью удовлетворены	0,1403512	0,3118690
Скорее удовлетворены	0,0250633	0,1179209
И да, и нет	0,0606256	-0,0457400
Скорее не удовлетворены	0,0953718	-0,0803931
Совсем не удовлетворены	0,2819517	-0,0956601
Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены возможностями Вашего профессионального роста?	***	***
Полностью удовлетворены	0,1771387	0,3671364
Скорее удовлетворены	0,0225328	0,1563905
И да, и нет	0,0956061	-0,0955698
Скорее не удовлетворены	0,0956629	-0,0907747
Совсем не удовлетворены	0,2871396	-0,1867429
Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены продолжительностью рабочего дня?	***	***
Полностью удовлетворены	0,2522203	0,2356873
Скорее удовлетворены	-0,0035471	-0,0504157
И да, и нет	0,0043818	-0,2107822
Скорее не удовлетворены	0,0803658	-0,1814391
Совсем не удовлетворены	0,3423781	-0,1668224

Продолжение таблицы 6

	Ориентация на среду	Ориентация на себя
Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены предоставляемыми на Вашей работе социальными пособиями и льготами?	***	***
Полностью удовлетворены	0,1865304	0,3396472
Скорее удовлетворены	-0,0070758	0,0534515
И да, и нет	-0,0317326	-0,0913722
Скорее не удовлетворены	0,0235367	-0,1920150
Совсем не удовлетворены	0,2693300	-0,2263545
Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены соответствием имеющейся работы Вашему уровню квалификации?	***	***
Полностью удовлетворены	0,2099431	0,2790716
Скорее удовлетворены	0,0094260	-0,0320395
И да, и нет	0,0020473	-0,2227266
Скорее не удовлетворены	0,0738569	-0,1667948
Совсем не удовлетворены	0,2042479	-0,1912078
Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены графиком работы?	***	***
Полностью удовлетворены	0,2475946	0,2423656
Скорее удовлетворены	-0,0054829	-0,0586745
И да, и нет	0,0069510	-0,2295750
Скорее не удовлетворены	0,0438010	-0,2460117
Совсем не удовлетворены	0,3852834	-0,1417406

***Различия значимы на уровне 95%.

Проведенный анализ показал, что наиболее высокие значения фактора достижений («ориентация на себя») наблюдались у людей, в наибольшей степени удовлетворенных всеми аспектами своей работы, а наиболее низкие – у самых неудовлетворенных, т. е. зависимость близка к линейной. Что касается второго мотива, направленного на условия труда, то наиболее высокие значения соответствующего фактора наблюдались как у людей, в наименьшей степени удовлетворенных разными аспектами труда, так и у наиболее удовлетворенных (но с меньшими абсолютными значениями), т. е. зависимость была близка к квадратичной. Так как речь не идет о каузальной взаимосвязи, то мы не можем сказать, что удовлетворенность является причиной, а мотивация – следствием, или наоборот. Заметим также, что между уровнем заработной платы работника (на первой работе) и фактором мотивации «на условия труда» наблюдается значимая отрицательная корреляция, а с фактором мотивации «на достижения» – значимая положительная корреляция, хотя сама по себе переменная «важность размера заработной платы» с высокой нагрузкой входит именно в первый фактор, т. е. «ориентацию на среду». Таким образом, именно направленность работника в первую очередь на личные достижения позволяет ему получать более высокие заработки.

Типологическая модель мотивации труда: кластерный анализ

Для выявления типов людей, ориентированных на важность различных аспектов труда, нами была реализована модель кластерного анализа на исходных переменных (3-балльная шкала) методом К-средних. Мы ожидали выявить четыре кластера по сочетаемости степени выраженности каждого из факторов – «ориентации на себя» и «ориентации на среду»: высокие значения обоих факторов; низкие значения обоих факторов; высокое значение одного фактора и низкое значение другого фактора.

Действительно, модель позволила выявить четыре таких примерно равнонаполненных кластера (табл. 7).

Таблица 7

Кластерные центры типологии мотивации труда, 2006, 2009, 2018 гг., невзвешенные данные

	Кластеры				Всего
	1	2	3	4	
Возможность получать новые знания, умения	2,1	1,2	1,4	2,7	1,9
Хорошая репутация предприятия, организации, фирмы	2,1	1,5	2,1	2,8	2,2
Размер заработной платы	2,5	2,3	2,9	3,0	2,7
Гарантированная работа, низкая вероятность ее потерять	2,2	1,9	2,8	2,9	2,5
Удобный график работы	2,0	1,6	2,7	2,9	2,3
Интересная, творческая работа	2,1	1,1	1,6	2,8	2,0
Удобное расположение предприятия, организации, фирмы	1,8	1,3	2,2	2,7	2,0
Соответствие работы Вашим способностям, склонностям	2,1	1,5	2,2	2,9	2,2
Хорошие отношения в коллективе	2,1	1,7	2,5	2,9	2,4
Хорошее социальное обеспечение	1,9	1,5	2,4	2,8	2,2
Возможности должностного роста	2,0	1,1	1,5	2,8	1,9
Условия труда	2,1	1,7	2,6	2,9	2,4
Количество кейсов в кластере (невзвешенные)	6974	5316	5627	6834	24 751
Количество кейсов в кластере (взвешенные)	7145	5106	5430	7074	24 755
Доля кейсов в кластере (взвешенные данные), %	28,9	20,6	21,9	28,6	

Кластеры 2 и 4 – это люди с соответственно общей низкой и высокой мотивацией; кластер 3 объединяет людей, в большей степени ориентированных на условия труда, а кластер 1 – на саморазвитие (возможность получать новые знания, умения; интересная, творческая работа; возможности должностного роста). Как можно заметить, кластеры 1 и 3 в достаточной степени различаются между собой по почти каждому мотиву, но по важности каждого мотива и та и другая группа уступают четвертому кластеру, т. е. самым мотивированным людям. Еще раз напомним, что в данном случае речь идет как о занятых, так и о безработных и неактивных (неработающих и не ищущих работу).

Охарактеризуем некоторые социально-экономические характеристики выделенных кластеров (табл. 8, 9).

Начнем с кластера 2, с самой низкой мотивацией (20,6% выборки). В этой группе выше доля мужчин, чем в среднем по выборке (53,8%), ниже доля молодежи до 35 лет (26,4%) и выше — людей старше 45 лет (55,7%). Здесь также сосредоточены люди с самым низким уровнем образования (65% не имеют профессионального диплома); выше, чем в среднем, доля состоящих в браке (63,3%), имеющих детей старше 18 лет (49,2%) и неактивных, т. е. неработающих и не ищущих работу (37,1%). Среди занятых в этой группе больше, чем в других, рабочих (квалифицированных — 39,3% работающих, неквалифицированных — 12,4%), а также не оформленных официально (10,8%). У работающих в этой группе самая низкая заработная плата (22,5 тыс. руб. в месяц в ценах 2018 г.).

Людей, в большей степени ориентированных на условия труда («на среду»), — 21,9% выборки, это третий кластер. В нем несколько выше среднего доля женщин (56,4%) и людей старше 35 лет (75%), тех, кто имеет законченное среднее образование (39,1%), состоящих в браке (67,6%), имеющих детей старше 18 лет (47,4%) или одного несовершеннолетнего ребенка (23,3%), русских (88,3%), а также имеющих какую-либо работу (69,1%). Среди тех, кто имеет работу, здесь также наиболее высока доля рабочих (45,2%), хотя она и чуть ниже, чем в предыдущей группе. У них такая же низкая заработная плата (22,6 тыс. руб. в месяц в ценах 2018 г.).

Таблица 8

Социально-экономические характеристики кластеров мотивации труда, 2006, 2009, 2018 гг.,
вертикальный %, взвешенные данные

	Кластеры				Всего
	1	2	3	4	
Пол					
Мужской	47,4	53,8	43,6	43,1	46,6
Женский	52,6	46,2	56,4	56,9	53,4
Возраст, лет					
16–17	5,1	2,0	1,3	6,0	3,9
18–24	19,5	8,5	7,5	20,6	14,9
25–34	21,6	15,9	16,6	23,4	19,8
35–44	17,3	18,0	22,2	17,8	18,6
45–54	14,3	21,4	22,5	14,0	17,5
55–64	12,4	18,5	17,5	10,2	14,2
65–75	9,7	15,8	12,4	8,0	11,0
Образование					
Окончил 0–6 классов	1,1	3,7	1,7	0,8	1,7
Незаконченное среднее образование (7–8 классов)	3,3	8,9	6,4	3,1	5,1
Незаконченное среднее образование (7–8 классов + что-то еще)	10,8	12,6	10,8	11,1	11,3
Законченное среднее образование	28,4	39,8	39,1	28,1	33,0
Законченное среднее специальное образование	28,0	21,4	26,0	27,5	26,1
Законченное высшее образование и выше	28,4	13,5	16,0	29,4	22,9
Брачный статус					
Не в браке	43,6	36,7	32,4	44,4	40,0
В формальном или неформальном браке	56,4	63,3	67,6	55,6	60,0

Продолжение таблицы 8

	Кластеры				Всего
	1	2	3	4	
Наличие детей					
Нет детей	37,4	23,6	18,0	38,6	30,6
Все дети старше 18 лет	32,9	49,2	47,4	27,7	38,0
1 ребенок младше 18 лет	19,7	17,2	23,3	22,4	20,8
2 ребенка младше 18 лет	8,5	8,0	9,3	9,3	8,8
3 ребенка и более младше 18 лет	1,5	1,9	2,0	2,0	1,8
Национальность					
Русские, смешанные русские	83,6	84,7	88,3	83,1	84,7
Украинцы, белорусы, молдаване	1,3	2,0	1,6	1,1	1,5
Народы Северного Кавказа	7,7	4,0	1,1	7,4	5,4
Малые народы Поволжья и Севера	2,3	3,9	3,3	3,0	3,0
Татары, башкиры	2,3	2,6	3,0	2,5	2,6
Прочие европейские народы	1,6	1,7	1,9	1,4	1,6
Прочие не европейские народы	1,2	1,1	0,8	1,4	1,1
Статус занятости					
Неактивный	32,5	37,1	27,7	33,3	32,6
Безработный	3,3	3,1	3,2	3,2	3,2
Есть любая работа	64,2	59,8	69,1	63,5	64,1
Профессиональный статус (среди занятых)					
Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	7,8	4,6	3,8	7,3	6,1
Специалисты высшего уровня квалификации	21,7	8,2	9,9	23,6	16,8
Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники, служащие	41,4	35,1	40,8	42,7	40,4
Военнослужащие	0,8	0,4	0,4	0,6	0,6
Квалифицированные рабочие	23,7	39,3	34,8	20,7	28,5
Неквалифицированные рабочие	4,6	12,4	10,4	5,1	7,6
Считает ли себя предпринимателем (среди занятых)					
Не считает	97,5	98,1	97,8	97,7	97,7
Считает	2,5	1,9	2,2	2,3	2,3
Оформлен ли официально (среди занятых)					
Не оформлен	7,3	10,8	7,7	6,0	7,7
Оформлен	92,7	89,2	92,3	94,0	92,3
Наличие второй работы или приработков (среди занятых)					
Нет	95,9	96,4	95,6	95,6	95,9
Есть	4,1	3,6	4,4	4,4	4,1

Кластер, в меньшей степени ориентированный на условия труда и в большей – на саморазвитие (первый), составляет 28,9% выборки. Он гендерно нейтрален (отличия от среднего по выборке не значимы), но более молодой (46,2% – моложе 35 лет). В этой группе выше, чем в среднем, доля людей с высшим образованием (28,4%), не состоящих в браке (43,6%), без детей (37,4%), представителей народов Северного Кавказа (7,7%). Статус занятости не отличается от среднего по выборке.

ке. Но среди занятых – самая высокая среди всех кластеров доля руководителей и крупных чиновников (7,8%), выше также доля специалистов высшего уровня квалификации (21,7%), а также предпринимателей. У них также самая высокая заработная плата (26,8 тыс. руб.).

В четвертом кластере, самых мотивированных людей по обоим факторам мотивации, 28,6% выборки. По своим характеристикам он несколько похож на предыдущий, хотя в нем немного выше доля женщин (56,9%), молодежи до 35 лет (50%), людей с университетским дипломом (29,4%), не имеющих детей (38,6%). Среди занятых в этом кластере самая высокая доля специалистов высшей квалификации (23,6%) и руководителей (7,3%), оформленных на работе официально (94%) и имеющих вторую работу (4,4%). Уровень заработной платы здесь почти такой же, как и в предыдущей группе.

Наконец, посмотрим, есть ли различия между выделенными кластерами по степени удовлетворенности работой (среди занятых, табл. 9).

Таблица 9

Средние значения среди имеющих работу: заработной платы (на первой работе), степени (не)удовлетворенности различными аспектами работы (обратная 5-балльная шкала), а также средние значения среди всех опрошенных факторов мотивации труда*, 2006, 2009, 2018 г., взвешенные данные

	Кластеры				Всего
	1	2	3	4	
Средняя заработная плата среди занятых, тыс. руб. в ценах 2018 г.	26,8	22,5	22,6	26,4	24,8
Средняя неудовлетворенность среди занятых (5-балльная обратная шкала: 1 – полностью удовлетворен, 5 – совсем не удовлетворен)					
- Работой в целом	2,36	2,54	2,51	2,31	2,42
- Условиями труда	2,39	2,63	2,60	2,33	2,47
- Оплатой труда	3,12	3,25	3,34	3,07	3,19
- Возможностями профессионального роста	2,75	3,03	3,02	2,72	2,85
- Продолжительностью рабочего дня	2,30	2,49	2,36	2,20	2,33
- Предоставляемыми социальными пособиями и льготами	2,86	3,11	3,13	2,75	2,94
- Соответствием имеющейся работы Вашему уровню квалификации	2,39	2,52	2,46	2,27	2,40
- Графиком работы	2,22	2,40	2,27	2,07	2,23
Среднее значение фактора 1 («ориентация на среду»)	-0,659	-0,935	0,898	0,609	
Среднее значение фактора 2 («Ориентация на себя»)	0,282	-0,992	-0,775	1,155	

*По критерию ANOVA все различия значимы.

По всем аспектам работы различия средних между кластерами значимы. Так как мы имеем «обратную шкалу» (где 1 – полностью удовлетворен, 5 – совсем не удовлетворен), то чем выше среднее значение по группе, тем выше неудовлетворенность тем или иным аспектом своего труда. Как можно заметить, наивысшая неудовлетворенность всеми сторонами своей работы – в кластере номер 2, т. е. у самых немотивированных людей. В третьем кластере («ориентированных на

среду») уровень недовольства практически такой же, за исключением таких характеристик работы, как продолжительность рабочего дня, соответствие работы уровню квалификации и график работы. Напротив, в кластерах первом (ориентация на себя) и четвертом (высокая общая мотивированность), как можно заметить, уровень неудовлетворенности работой значимо ниже, чем в предыдущих группах, наименьшие различия лишь по удовлетворенности оплатой труда. В четвертой группе люди в целом несколько больше довольны своей работой, чем в первой. Таким образом, наиболее мотивированные люди, а также те, кто ориентирован на саморазвитие и карьеру больше, чем на хорошие условия труда, в целом занимают более хорошие профессиональные позиции и в большей степени удовлетворены своей работой.

Список литературы

- Бессокирная Г. П.* Мотивация труда в постсоветской России: опыт и методики исследований // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 29–38.
- Здравомыслов А. Г., Ядов В. А.* Человек и его работа в СССР и после: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Магун В. С.* Динамика трудовых ценностей Российских работников, 1991–2004 гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 4. С. 45–74.
- Магун В. С.* Динамика трудовых ценностей экономически активного населения России, 1991–2004 гг. Препринт WP3/2006/09. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Магун В. С.* Как меняются российские трудовые ценности // Отечественные записки. 2007. Т. 37. № 3. С. 98–117.
- Магун В. С.* Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С. 113–144.
- Магун В. С.* Структура и динамика трудовых ценностей российского населения // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В. А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
- Магун В. С., Монусова Г. А.* Иерархии трудовых ценностей в европейских странах // XIV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: НИУ ВШЭ, 2014. Кн. 3. С. 516–526.
- Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования мотивации. М.: Омега-Л, 2007.

doi: 10.17323/978-5-7598-2088-8_107-122

WORK MOTIVATION IN RUSSIA: RLMS-HSE, 2006–2018

Roshchina Ya.M.

Abstract. The article analyses the work motivation in Russia. It draws on the weighted RLMS-HSE data for 2006, 2009 and 2018, which represents the entire population of the country. My sample includes 25,101 individuals aged 16 to 75 years, regardless of their current employment status (i.e. the sample

includes both employed and unemployed). I use factor analysis and k-means clustering to identify sets of motivations and groups of people focused on a particular set of motivations. As RLMS-HSE data shows, there was no significant change in the relative importance of various motivations for work between 2006 and 2018. Remuneration remained the most important one with job security coming in the close second. Respondents also often mentioned convenient working hours, good personal relations at work and good working conditions in general. However, job security, personal preferences, good reputation of an employer, perks and convenient location gained in importance during the period. The data allows me to identify two groups of respondents: while the first group felt more motivated by pay and good working conditions, the second one was more concerned with personal development. Respondents with secondary education, with a spouse, or a child under 18 were more focused on pay and working conditions. Respondents with higher education, those who were single, or had no children more often cited personal development as a primary motivation behind their work. Striving for personal development was strongly correlated with higher and more active employment status, such as a top tier position, valuable work experience, higher education, being formally employed, or having another job. People who expressed preferences for personal development also tended to be more satisfied with their current job and working conditions.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, labor market, employment, motivation, higher education.

References

- Bessokirnaya G. P.* Motivatsiya truda v postsovetskoy Rossii: opyt i metodiki issledovaniy // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2016. № 2. S. 29–38.
- Zdravomyslov A. G., YAdov V. A.* Chelovek i ego rabota v SSSR i posle: ucheb. posobiye dlya vuzov. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Aspekt Press, 2003.
- Magun V. S.* Dinamika trudovykh tsennostey Rossiyskikh rabotnikov, 1991–2004 gg. // Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta. 2006. T. 4. № 4. S. 45–74.
- Magun V. S.* Dinamika trudovykh tsennostey ekonomicheskii aktivnogo naseleniya Rossii, 1991–2004 gg. Preprint WP3/2006/09. M.: GU VSHE, 2006.
- Magun V. S.* Kak menyayutsya rossiyskiye trudovyye tsennosti // Otechestvennyye zapiski. 2007. T. 37. № 3. S. 98–117.
- Magun V. S.* Rossiyskiye trudovyye tsennosti: ideologiya i massovoye soznaniye // Mir Rossii. 1998. № 4. S. 113–144.
- Magun V. S.* Struktura i dinamika trudovykh tsennostey rossiyskogo naseleniya // Rossiya: transformiruyushcheyesya obshchestvo / Pod red. V. A. YAdova. M.: Kanon-Press-TS, 2001.
- Magun V. S., Monusova G. A.* IYErarkhii trudovykh tsennostey v evropeyskikh stranakh // XIV aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4 kn. / Otv. red. E. G. YAsin. M.: NIU VSHE, 2014. Kn. 3. S. 516–526.
- YAdov V. A.* Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya motivatsii. M.: Omega-L, 2007.

Даминова Э. А.

МОТИВАЦИЯ ТРУДА БЕЗРАБОТНЫХ И ЗАНЯТЫХ В РОССИИ

doi: 10.17323/978-5-7598-2088-8_123-139

Аннотация. В работе представлен сравнительный анализ мотивации труда среди занятых и безработных групп населения Российской Федерации. Эмпирической базой исследования выступают данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2006, 2009 и 2018 гг., когда респондентам задавались специальные вопросы, касающиеся мотивации труда. Проведенный анализ показал, что работающие и безработные россияне в целом одинаково оценивают значимость различных факторов мотивации труда. Материальный фактор остается для большинства респондентов основным стимулом к труду. Динамика предпочтений тех или иных мотиваций труда существенно не различается среди тех, кто уже трудоустроен, и тех, кто не имеет, но ищет работу. Наличие детей и уровень образования оказывают большее влияние на мотивацию труда, чем наличие работы в настоящий момент. И работающие, и безработные россияне больше внимания уделяют таким факторам, как комфортные условия труда и личное развитие, – в случае отсутствия детей. Для респондентов с детьми более важными являются удобный график и удобное расположение места работы, а также социальный пакет, предоставляемый работодателем. При этом работающие респонденты с детьми в большей степени обеспокоены стабильностью занятости, чем безработные с детьми. Респонденты с высшим и средним специальным образованием чаще, чем лица с более низким уровнем образования, называют факторы, способствующие личностному развитию (творчество, должностной рост, возможности получения новых навыков и знаний), в качестве важной мотивации трудовой деятельности. Как и в случае с наличием в домохозяйстве детей, работающие респонденты считают стабильную занятость более важным мотивом труда, независимо от уровня образования. В целом среди респондентов растет внимание к социальному пакету, предлагаемому работодателем, а для работающих респондентов с высшим и средним специальным образованием все важнее становится график работы.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, рынок труда, занятые, безработные, мотивация труда.

Работающее население и безработные – разные категории населения, главное отличие которых состоит в регулярности поступления материальных средств в бюджет. Ограниченное материальное положение безработных граждан способно поменять как психологическое восприятие окружения, так и восприятие социотрудовых отношений в пессимистическую сторону¹. В то же время изменения в обществе и на рынке труда могут приводить к изменениям в самом отношении к работе и мотивации к труду как у безработных, так и работающего населения. Непонимание факторов воздействия, неправильное выстраивание инструментов мотивации на предприятии и на бирже труда приводят к снижению производительности труда и эффективности человеческого капитала в экономике², поскольку понимание факторов мотивации может способствовать созданию лучших условий со стороны работодателей и государства для приращения потенциальной рабочей силы и усилий в реальные достижения.

Исходя из этого основной целью данной работы является определение тенденций изменения во времени факторов выбора работы у людей, имеющих работу, и безработных, а также сравнение мотивации к труду у безработных и имеющих работу. В работе будут использованы данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2006, 2009 и 2018 гг. – периоды, когда респондентам были заданы вопросы, касающиеся их мотивации к трудовой деятельности. Под безработными понимаются люди, не имеющие на данный момент времени работы и активно ищущие ее, т. е. эти люди не имеют постоянного источника дохода.

Перед началом анализа предполагалось, что различия в мотивации к труду будут отсутствовать у безработных и имеющих работу в зависимости от наличия детей в семье, поскольку людям, имеющим детей, присуща роль «кормильца», в которой и женщины, и мужчины наиболее ориентированы на стабильную занятость³. Предполагалось, что предпочтения работающих и безработных с одинаковым уровнем образования не будут значимо различаться.

Общие статистические характеристики выборки респондентов

Анализируемая нами выборка из РМЭЗ НИУ ВШЭ включает респондентов 18 лет и старше, участвовавших в опросе в 2006, 2009 и 2018 гг. Выборка была взвешена, чтобы быть репрезентативной для всего населения Российской Федерации. В выборке половая структура респондентов представлена следующим образом: мужчины составили 45,8, 45,9 и 45,3% респондентов в выборке в 2006, 2009 и 2018 г., женщины – 54,2, 54,1 и 54,7% соответственно.

Распределение по уровню занятости населения представлено в таблице 1.

¹ Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Безработные: особенности российского бытия // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 67–76.

² Черноятов А. М. Социальные факторы в формировании механизма мотивации труда на предприятии // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2010. № 1. С. 92–93.

³ Козина И., Попова И. «Слабые группы» на рынке труда: гендерная специфика мотивации поведения // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 3. С. 365–368.

Таблица 1

Распределение населения по уровню занятости, %

	2006	2009	2018
Неактивный	35,0	37,3	39,8
Безработный	3,5	3,8	2,0
Имеющий работу	61,5	62,8	61,8

В категорию людей, имеющих любую работу, включены респонденты с постоянной работой и частичными приработками. Категория неактивного населения не рассматривается в данной работе, поскольку в неактивную группу населения входят люди, не заинтересованные в трудовой деятельности на момент проведения опроса, т. е. неработающие и не ищущие работу, в том числе такие группы, как студенты и пенсионеры.

Структура вопросника и общие вопросы о мотивации к труду

Вопросы о мотивации к труду задавались респондентам в опроснике RLMS-HSE в 2006, 2009 и 2018 гг. Респонденты отвечали на вопросы о том, насколько важными для них являются факторы:

- возможность получать новые знания, умения;
- хорошая репутация предприятия, организации, фирмы;
- размер заработной платы;
- гарантированная работа, низкая вероятность ее потерять;
- удобный график работы;
- интересная, творческая работа;
- удобное расположение предприятия, организации, фирмы;
- соответствие работы Вашим способностям, склонностям;
- хорошие отношения в коллективе;
- хорошее социальное обеспечение — путевки, дополнительное медицинское обслуживание, питание и тому подобное;
- возможности должностного роста;
- условия труда.

Варианты ответов для данных вопросов: «очень важно», «скорее важно», «и да, и нет», «скорее неважно», «совсем неважно», «затрудняюсь ответить». Ответы респондентов были смещены во все периоды наблюдения: респонденты избегали ответов о неважности фактора или сомнения в своем ответе (для наглядности в таблице 2 представлено распределение частот ответов респондентов на вопрос о том, насколько важна для них возможность получать на работе новые знания и умения, 2009 г.). Для избавления от смещения данных нами была осуществлена перекодировка данных в 3-балльную систему ответов: «не очень важно или затрудняюсь ответить», «важно» и «очень важно».

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Для Вас лично при выборе работы насколько важны такие ее стороны, как возможность получать новые знания, умения?», 2009 г., %

Ответы	Валидный процент	Накопленный процент
Очень важно	21,9	21,9
Скорее важно	40,2	62,1
И да, и нет	15,7	77,8
Скорее не важно	13,1	90,9
Совсем не важно	6,0	96,9
Затрудняюсь ответить	2,3	99,1
Отказ от ответа	0,6	99,7
Нет ответа	0,3	100,0
Всего	100,0	

Кроме того, для анализа факторов, которые могут влиять на предпочтения населения в трудовой деятельности, и их динамики будут использованы вопросы по уровню образования (предполагается, что с ростом уровня образования происходят изменения в предпочтениях людей), наличию/отсутствию детей (предполагается, что наличие детей у респондента приводит к большей важности факторов стабильности работы).

Сравнение основных факторов, мотивирующих к работе

Из ответов респондентов, представленных в таблицах 3 и 4, видно, что такие показатели, как размер заработной платы и низкая вероятность потерять работу, важны как для безработных, так и для работающего населения.

Таблица 3

Общее распределение ответов безработных о важности факторов трудовой деятельности, %

Факторы трудовой деятельности	Ответы	2006	2009	2018
Возможность получать новые знания, умения	Не очень важно или затруднились ответить	30,1	30,5	35,5
	Важно	37,9	43,3	41,3
	Очень важно	32,0	26,2	23,2
Хорошая репутация предприятия, организации, фирмы	Не очень важно или затруднились ответить	18,1	15,9	19,9
	Важно	42,8	48,9	44,1
	Очень важно	39,0	35,1	36,0
Размер заработной платы	Не очень важно или затруднились ответить	3,9	1,4	1,9
	Важно	18,3	16,8	17,5
	Очень важно	77,8	81,8	80,6

Продолжение таблицы 3

Факторы трудовой деятельности	Ответы	2006	2009	2018
Гарантированная работа, низкая вероятность ее потерять	Не очень важно или затруднились ответить	8,9	5,5	6,8
	Важно	34,7	34,8	35,6
	Очень важно	56,4	59,7	57,6
Удобный график работы	Не очень важно или затруднились ответить	17,7	11,3	10,2
	Важно	35,4	42,3	39,7
	Очень важно	46,9	46,5	50,0
Интересная, творческая работа	Не очень важно или затруднились ответить	28,8	33,1	30,7
	Важно	33,3	36,0	40,0
	Очень важно	37,9	30,9	29,3
Удобное расположение предприятия, организации, фирмы	Не очень важно или затруднились ответить	27,6	28,8	22,1
	Важно	42,0	42,1	44,5
	Очень важно	30,4	29,1	33,4
Соответствие работы Вашим способностям, склонностям	Не очень важно или затруднились ответить	17,5	16,4	15,0
	Важно	43,1	47,2	39,9
	Очень важно	39,4	36,4	45,1
Хорошие отношения в коллективе	Не очень важно или затруднились ответить	10,9	9,0	9,7
	Важно	43,0	50,9	44,5
	Очень важно	46,1	40,2	45,8
Хорошее социальное обеспечение – путевки, дополнительное мед. обслуживание, питание и т. п.	Не очень важно или затруднились ответить	25,1	26,3	5,0
	Важно	40,7	40,1	47,9
	Очень важно	34,2	33,5	47,2
Возможности должностного роста	Не очень важно или затруднились ответить	34,4	38,2	40,0
	Важно	34,1	32,3	34,1
	Очень важно	31,5	29,5	25,9
Условия труда	Не очень важно или затруднились ответить	7,1	5,4	5,0
	Важно	45,0	52,2	47,9
	Очень важно	47,9	42,4	47,2

«Очень важным» размер заработной платы оказывается для 77,8, 81,8 и 80,6% безработных в соответствующие годы, и «очень важным» является гарантированная занятость для 56,4, 59,7 и 59,6% безработных. Для значительного большинства работающего населения размер заработной платы также остается самым важным фактором (76,2% в 2006 г., 75,9% в 2009 г. и 73,6% в 2018 г.). Значимость стабильности работы в целом не отличается от безработного населения (ответивших «очень важно» – 58,2, 59,1 и 59,8% случаев).

В отличие от безработного населения среди работающих видна тенденция к уменьшению значимости уровня заработной платы (табл. 4).

Таблица 4

Общее распределение ответов работающего населения о важности факторов трудовой деятельности, %

Факторы трудовой деятельности	Ответы	2006	2009	2018
Возможность получать новые знания, умения	Не очень важно или затруднились ответить	34,0	35,4	30,9
	Важно	39,1	42,1	41,9
	Очень важно	26,9	22,4	27,2
Хорошая репутация предприятия, организации, фирмы	Не очень важно или затруднились ответить	16,5	16,4	12,9
	Важно	47,8	50,9	48,6
	Очень важно	35,6	32,7	38,5
Размер заработной платы	Не очень важно или затруднились ответить	2,3	1,9	2,2
	Важно	21,5	22,3	24,3
	Очень важно	76,2	75,9	73,6
Гарантированная работа, низкая вероятность ее потерять	Не очень важно или затруднились ответить	7,5	6,3	5,6
	Важно	34,3	34,5	34,5
	Очень важно	58,2	59,1	59,8
Удобный график работы	Не очень важно или затруднились ответить	13,4	12,8	11,4
	Важно	38,9	41,7	38,9
	Очень важно	47,7	45,5	49,7
Интересная, творческая работа	Не очень важно или затруднились ответить	30,7	32,6	31,7
	Важно	37,6	38,1	37,9
	Очень важно	31,7	29,3	30,5
Удобное расположение предприятия, организации, фирмы	Не очень важно или затруднились ответить	28,1	29,5	24,1
	Важно	41,1	43,5	40,7
	Очень важно	30,8	27,1	35,1
Соответствие работы Вашим способностям, склонностям	Не очень важно или затруднились ответить	16,2	13,4	13,3
	Важно	46,7	48,6	46,4
	Очень важно	37,1	38,1	40,3
Хорошие отношения в коллективе	Не очень важно или затруднились ответить	7,2	8,7	8,6
	Важно	44,7	48,3	46,5
	Очень важно	48,1	42,9	44,9
Хорошее социальное обеспечение – путевки, дополнительное мед. обслуживание, питание и т. п.	Не очень важно или затруднились ответить	24,0	30,3	7,9
	Важно	41,3	39,4	48,1
	Очень важно	34,7	30,3	44,0

Продолжение таблицы 4

Факторы трудовой деятельности	Ответы	2006	2009	2018
Возможности должностного роста	Не очень важно или затруднились ответить	37,0	37,4	35,0
	Важно	33,9	36,4	36,5
	Очень важно	29,0	26,2	28,4
Условия труда	Не очень важно или затруднились ответить	7,3	8,0	7,9
	Важно	45,0	48,7	48,1
	Очень важно	47,6	43,3	44,0

Показатели удобного графика и условий труда в целом считаются значимыми для большинства ответивших как безработных, так и имеющих работу. Данные показатели можно отнести к группе бытовых условий труда, которые не меняются ни во времени, ни в зависимости от наличия/отсутствия работы.

Менее важными для безработных и имеющих работу оказываются факторы мотивации, связанные с ростом и развитием на рабочем месте. Возможность получать новые знания и умения важна для 32,0, 26,2 и 23,2% безработных и 26,9, 22,4 и 27,2% работающих в исследуемые годы; возможность должностного роста – для 31,5, 29,5 и 25,9% безработных и 29,0, 26,2 и 28,4% работающих. Такие факторы, как репутация фирмы, соответствие работы способностям, являются важными, но не первостепенными для обеих групп.

В целом по показателям отсутствует тенденция каких-либо сильных изменений в предпочтениях между 2006 и 2018 гг. Однако стоит обратить внимание на фактор социального обеспечения (наличие путевок, дополнительного медицинского обслуживания, питания), который к 2018 г. как для большего числа безработных респондентов, так и для лиц, имеющих работу, приобретает значимый вес.

Переходя к отличительным чертам безработных от работающего населения, в первую очередь стоит отметить изменчивость тенденций в группе людей, имеющих работу. Во-первых, как уже говорилось, в этой группе за 12-летний период видна тенденция уменьшения значимости материального фактора мотивации к труду. Во-вторых, важно отметить, что возможность саморазвития на рабочем месте становится весомым фактором для большего количества людей. При этом кризисный период (2009 г.) влияет на важность этого фактора для работающего населения и не влияет в случае безработных.

Более важными для работающих респондентов, чем для безработных, оказываются факторы, обеспечивающие комфорт и социальный рост: хорошие отношения в коллективе, соответствие работы способностям и возможность должностного роста, т. е. показатели, которые можно отнести к профессиональным характеристикам работы.

Таким образом, нельзя сказать, что мотивы для безработных и имеющих работу кардинально не отличаются друг от друга. Для обеих групп первостепенными остаются материальные стимулы и бытовые условия труда на рабочем месте. Профессиональные характеристики трудовой деятельности более важны для людей, которые уже имеют работу и, соответственно, стабильный доход. С другой стороны, все же имеются отличия в некоторых тенденциях, которые в будущем могут

привести к изменениям в предпочтениях материального характера. Важным является то, что большую значимость в современном обществе приобретает социальное обеспечение, включая путевки и дополнительное медицинское страхование, что вполне объяснимо тем, что населению недостаточно медицинских и социальных услуг, предоставляемых государством, поэтому для граждан значимым является наличие такой поддержки на рабочем месте.

Факторы мотивации и наличие/отсутствие детей

Анализ влияния наличия детей на трудовую мотивацию респондентов позволяет увидеть, что такие факторы, как более комфортные условия для работы и личное развитие (возможность получать новые знания, умения, хорошая репутация фирмы, интересная творческая работа, возможности должностного роста), более значительны для обеих групп респондентов в случае отсутствия детей.

Как свидетельствуют данные, приведенные в таблицах 5 и 6, для респондентов с детьми в обеих группах, напротив, являются более важными характеристики работы, связанные с временно-географическими факторами (удобное расположение, удобный график), а также социальные гарантии, способствующие созданию более комфортных и благоприятных условий для воспитания детей. Эта тенденция прослеживается с 2009 г. Для безработной группы респондентов с детьми также более важными являются условия труда.

Таблица 5

Распределение ответов безработных о важности факторов трудовой деятельности в зависимости от наличия/отсутствия детей, доля ответивших «очень важно», %

Факторы трудовой деятельности	2006		2009		2018	
	У Вас есть дети, родные или официально усыновленные?					
	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да
Возможность получать новые знания, умения	39,1	25,1	31,3	21,4	30,4	16,3
Хорошая репутация предприятия, организации, фирмы	41,3	36,9	37,8	32,6	41,2	30,9
Размер заработной платы	81,9	73,8	82,2	81,5	83,6	77,6
Гарантированная работа, низкая вероятность ее потерять	57,3	55,5	59,9	59,5	60,2	55,1
Удобный график работы	47,8	46,0	43,9	48,9	44,9	55,0
Интересная, творческая работа	47,3	28,9	33,4	28,5	37,8	21,1
Удобное расположение предприятия, организации, фирмы	29,9	31,0	28,1	30,1	30,2	36,5
Соответствие работы вашим способностям, склонностям	42,2	36,8	34,6	38,1	47,7	42,5
Хорошие отношения в коллективе	48,3	44,0	38,1	42,1	49,3	42,4
Хорошее социальное обеспечение – путевки, дополнительное мед. обслуживание, питание и т. п.	36,7	31,9	32,3	34,7	46,5	47,8
Возможности должностного роста	39,8	23,6	36,3	23,0	35,2	16,8
Условия труда	51,1	44,9	38,5	46,0	46,5	47,8

В то же время можно увидеть, что для работающих респондентов с детьми менее важен размер оплаты труда и более значима стабильность работы по сравнению с безработными. Это объясняется тем, что безработным людям, воспитыва-

вающим детей, важно иметь любую работу для обеспечения детей. При этом для группы безработных без детей размер заработной платы более значимый показатель, что может быть обусловлено тем, что люди, имеющие детей, старше по возрасту, соответственно, на момент опросов уже имеют более высокую оплату труда на рынке или накопления.

Таблица 6

Распределение ответов занятых о важности факторов трудовой деятельности в зависимости от наличия/отсутствия детей, доля ответивших «очень важно», %

Факторы трудовой деятельности	2006		2009		2018	
	У Вас есть дети, родные или официально усыновленные?					
	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да
Возможность получать новые знания, умения	36,7	23,6	30,6	19,6	34,2	24,6
Хорошая репутация предприятия, организации, фирмы	38,5	34,6	35,6	31,7	39,8	38,1
Размер заработной платы	74,9	76,7	77,4	75,4	70,7	74,7
Гарантированная работа, низкая вероятность ее потерять	56,6	58,8	57,5	59,7	56,5	61,1
Удобный график работы	46,9	47,9	45,9	45,3	46,1	51,0
Интересная, творческая работа	38,6	29,3	36,2	26,8	34,0	29,1
Удобное расположение предприятия, организации, фирмы	32,1	30,4	26,40	27,3	34,60	35,3
Соответствие работы вашим способностям, склонностям	41,30	35,7	42,4	36,5	39,60	40,50
Хорошие отношения в коллективе	48,70	47,90	44,2	42,5	41,5	46,2
Хорошее социальное обеспечение – путевки, дополнительное мед. обслуживание и т. п.	34,8	34,7	28,80	30,8	41,8	44,9
Возможности должностного роста	39,4	25,5	34,0	23,4	32,2	27,0
Условия труда	49,1	37,9	44,2	43,1	41,8	44,9

Факторы мотивации и уровень образования

Сравнение ответов безработных и работающих с высшим и средним профессиональным образованием с людьми, имеющими только среднее школьное образование или вовсе не имеющих законченного образования, показало, что, во-первых, материальные характеристики работы примерно в равной степени важны для всех групп во все периоды (рис. 1–6). Также стоит отметить, что во все рассматриваемые периоды люди с более высоким образованием, а именно с высшим или профессиональным, чаще отвечают, что какие-либо факторы для них «очень важны» в работе.

Во-вторых, в обеих группах людям со средним общим и незаконченным образованием (по сравнению с людьми с высшим и средним профессиональным образованием) менее важными кажутся такие факторы, как получение новых знаний и умений, соответствие работы их способностям, интерес и творчество в работе и возможности карьерного роста. Это наталкивает на мысль, что для людей с низким уровнем образования главными являются материальные критерии, а также

наличие работы в принципе. Менее трети респондентов с низким уровнем образования считают перечисленные выше факторы важным мотивом к труду. Наименее популярными здесь оказались возможность получения новых знаний и умений, творчество и интерес в работе, а также возможности должностного роста.

Значительно большая доля респондентов с высшим образованием считает важными такие нематериальные факторы, как интерес и творчество в работе, соответствие работы социальным характеристикам, возможность получать новые знания и умения, хорошая репутация предприятия. Между 2006 и 2018 гг. значение первого фактора (интерес и творчество) снижалось как среди занятых респондентов (с 46,0 до 41,1%), так и среди безработных (с 45,7 до 40,6%). Значение второго (социального) фактора колебалось среди занятых незначительно (49,1% в 2006 г., 49,6% в 2009 г. и 48,6% в 2018 г.) и среди безработных более отчетливо (48,8, 50,3 и 47,9% соответственно). Также нестабильной была оценка возможности получения новых знаний (занятые – 38,4, 32,6 и 36,8%; безработные – 38,8, 35,0 и 36,3%) и хорошей репутации работодателя (занятые – 44,4, 41,9 и 47%; безработные – 44,3, 41,0 и 44,9%).

Говоря о некоторых различиях в ответах работающих и неработающих респондентов, стоит отметить, что стабильность работы оказывается важной для большего количества работающего населения, чем для безработных, что может быть обусловлено положением самих безработных, которые уже имели/имеют опыт потери работы. Остальные ответы в целом имеют общие тенденции и характеристики для работающих и безработных с одним уровнем образования.

Таким образом, безработные и работающее население не имеют сильных разнонаправленных характеристик мотивации труда. Вне зависимости от образования, наличия детей и наличия работы материальный фактор остается важным для наибольшей части опрошенных. Такие мотивы, как творчество, должностной рост, возможности получения новых навыков и знаний, незначимы для большей доли респондентов в сравнении с другими факторами; при этом они менее популярны среди респондентов с детьми и с более низким образованием. Для респондентов с более высоким уровнем образования все более важным становится график работы.

В целом подтвердились выдвинутые нами предположения о том, что у безработных и работающих с детьми в семье нет различий, обе группы более склонны выбирать стабильную и удобную работу. Предпочтения работающих и безработных с одинаковым уровнем образования не имеют значительных различий.

За рассматриваемый период резкое изменение предпочтений происходит только по показателю социального обеспечения, значимость которого резко растет с 2009 к 2018 г. как у безработных, так и у работающего населения.

Отличия у безработных и работающего населения можно увидеть только в некоторой динамике показателей материального фактора. Также более важными для большей доли работающих респондентов, чем для безработных, оказываются факторы, характеризующие комфорт и социальный рост: хорошие отношения в коллективе, соответствие работы способностям и возможность должностного роста – показатели, которые можно отнести к профессиональным характеристикам работы.

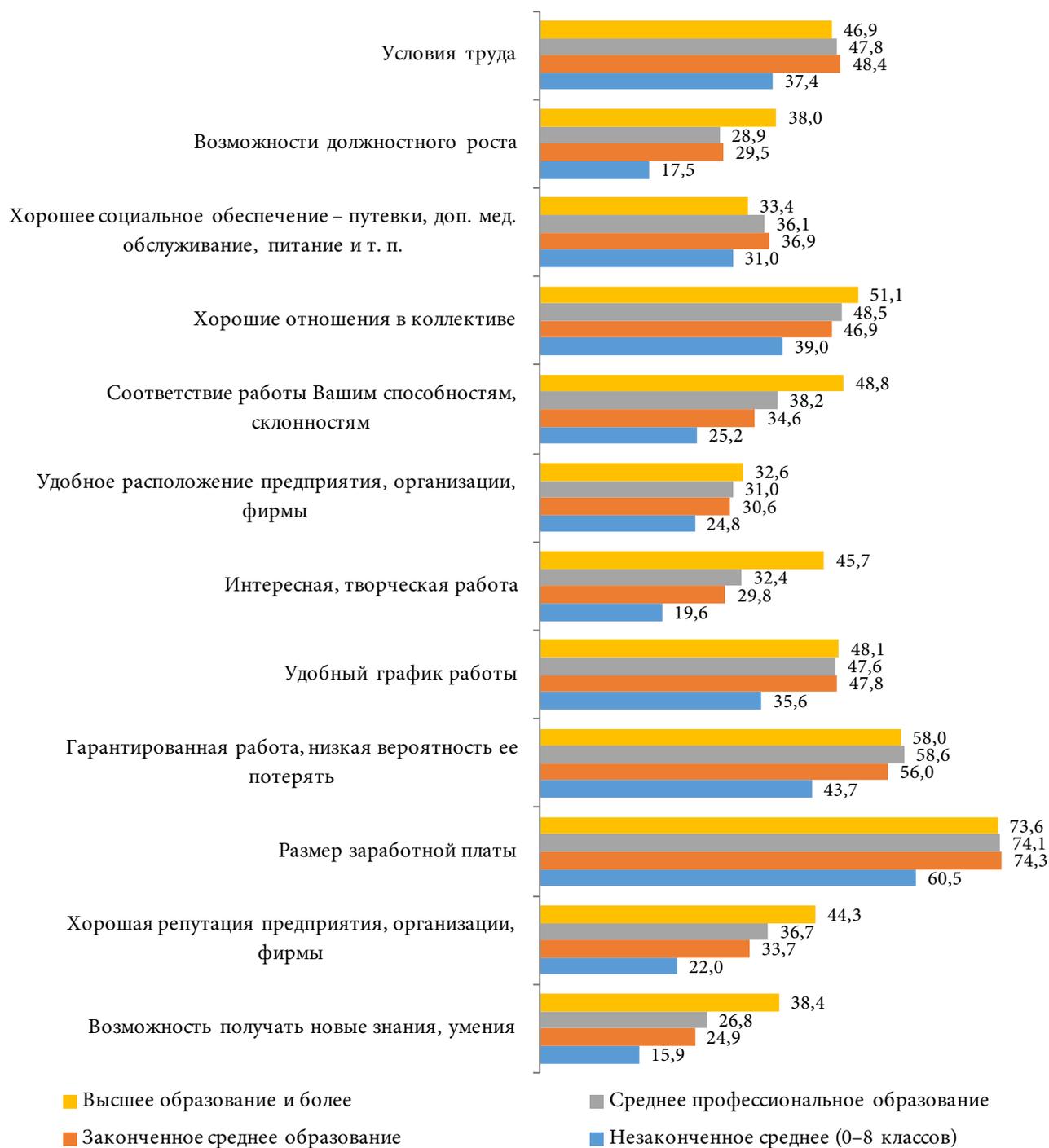

Рис. 1. Доля безработных респондентов, считающих «очень важными» следующие аспекты работы, в зависимости от уровня образования, 2006 г., %

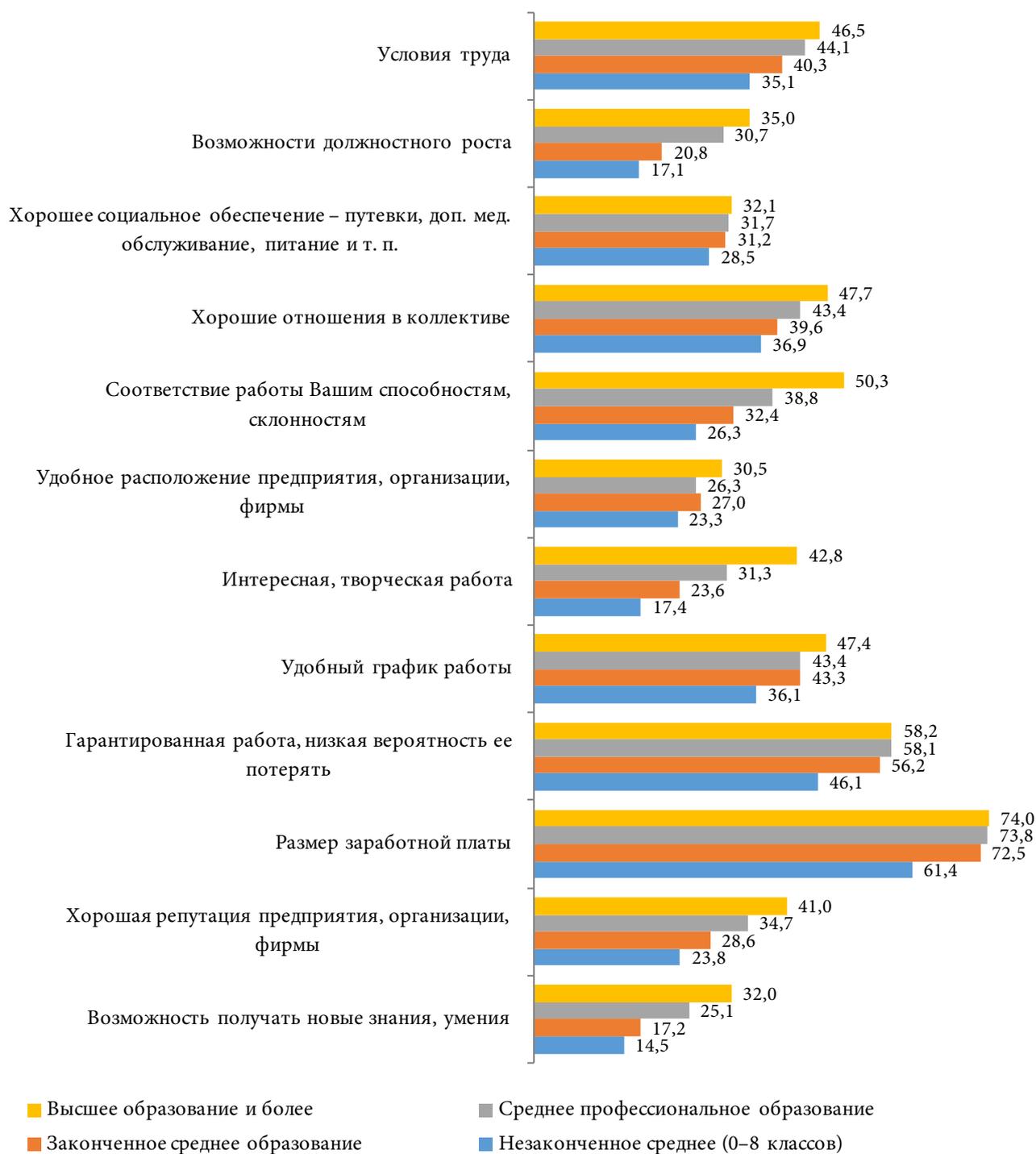

Рис. 2. Доля безработных респондентов, считающих «очень важными» следующие аспекты работы, в зависимости от уровня образования, 2009 г., %

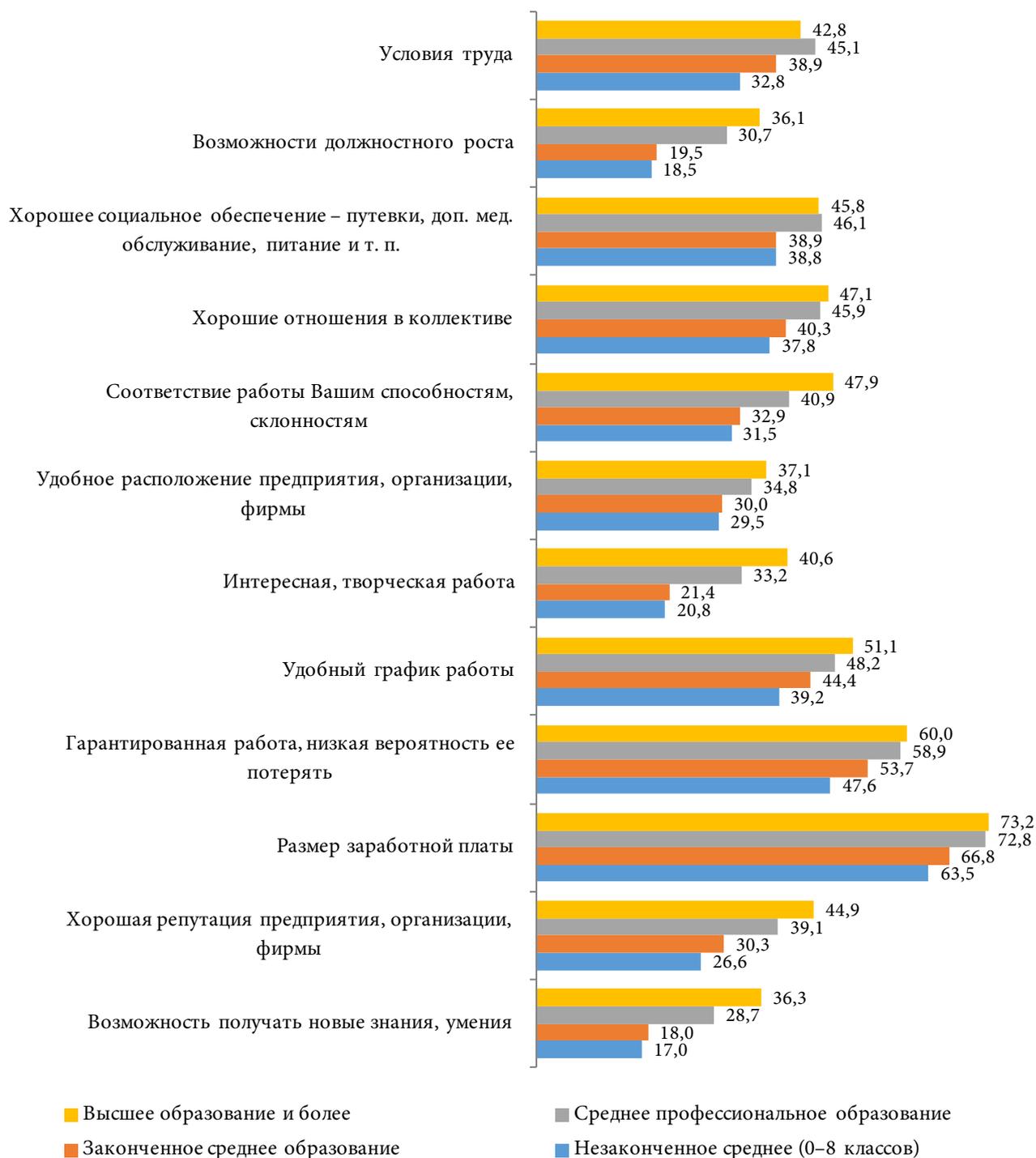

Рис. 3. Доля безработных респондентов, считающих «очень важными» следующие аспекты работы, в зависимости от уровня образования, 2018 г., %

Рис. 4. Доля работающих респондентов, считающих «очень важными» следующие аспекты работы, в зависимости от уровня образования, 2006 г., %

Рис. 5. Доля работающих респондентов, считающих «очень важными» следующие аспекты работы, в зависимости от уровня образования, 2009 г., %

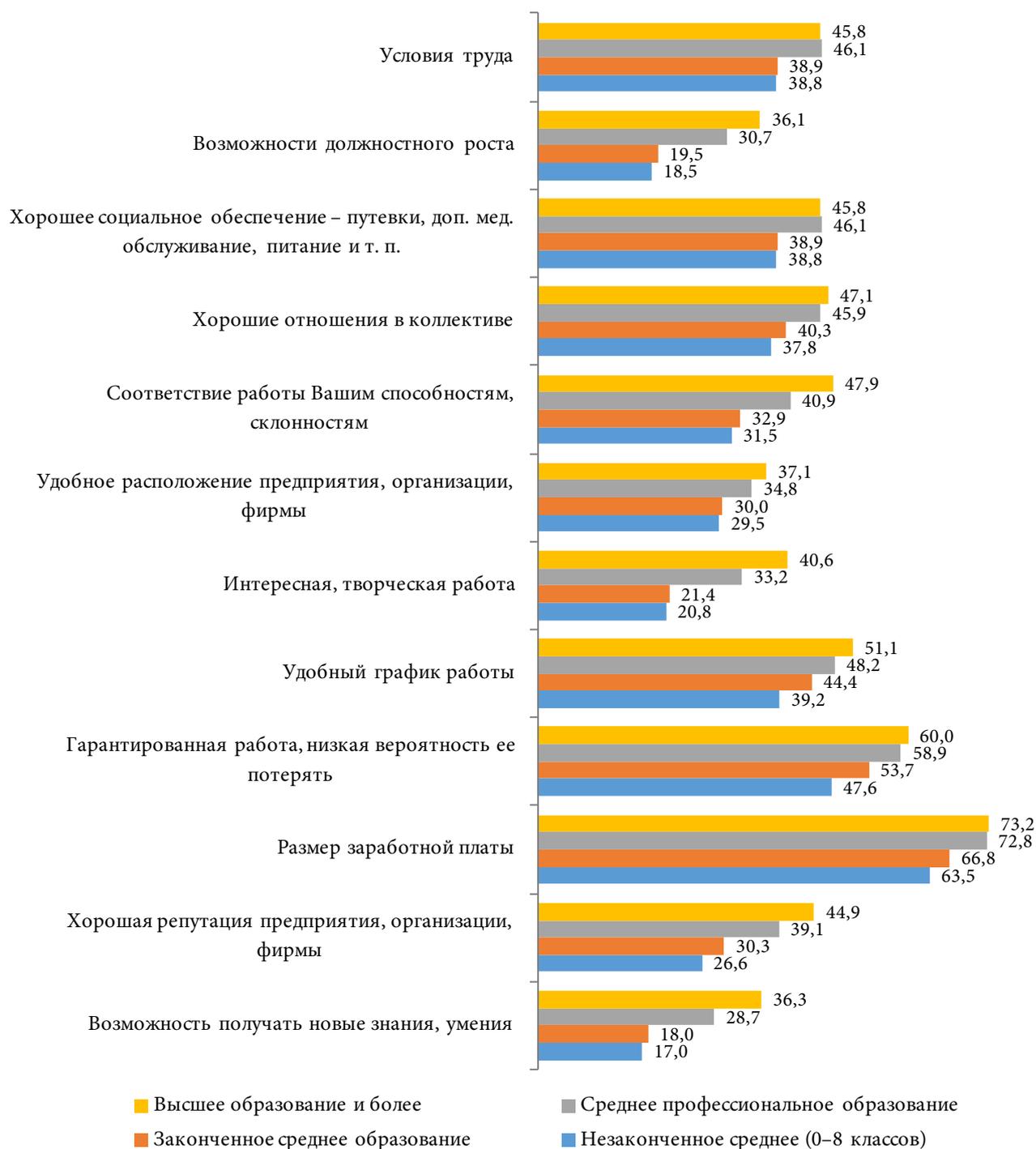

Рис. 6. Доля работающих респондентов, считающих «очень важными» следующие аспекты работы, в зависимости от уровня образования, 2018 г., %

Список литературы

Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Безработные: особенности российского бытия // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 67–76.

Козина И., Попова И. «Слабые группы» на рынке труда: гендерная специфика мотивации поведения // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 3. С. 365–368.

Чернопятов А. М. Социальные факторы в формировании механизма мотивации труда на предприятии // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2010. № 1. С. 92–93.

doi: 10.17323/978-5-7598-2088-8_123-139

WORK MOTIVATION AMONG THE EMPLOYED AND UNEMPLOYED IN RUSSIA

Daminova E. A.

Abstract. The paper presents a comparative analysis of work motivation among the employed and unemployed in Russia. The Russian Longitudinal Monitoring Survey of HSE (RLMS-HSE) provides the empirical foundation for the study. In this study, I use the RLMS-HSE data for 2006, 2009 and 2018, when respondents were asked about their work motivation. The data shows that there is no significant difference between the employed and unemployed when it comes to the assessment of various types of work motivation. Pay remains the central part of motivation throughout the period between 2006 and 2018. The relative importance of different types of motivation changes little among both the employed and unemployed. The employment status has a far lesser influence on work motivation than the status of a caregiver for a minor, or the level of education. Both the employed and unemployed pay more attention to the friendly atmosphere at work and personal development if they have no children. Those who have children feel more motivated by comfortable working hours, convenient location and perks regardless of their employment status. However, working parents and caregivers are more concerned with job security compared to those who have children while unemployed. People with higher levels of education are more likely to identify personal development (such as creativity, career prospects and opportunity to acquire new skills) as an important motivation for working. In this case, the only difference between the employed and unemployed also boils down to the strong preference for job security among the employed. There is growing attention to perks among people of all levels of education and to convenient schedule in the group of employees with higher and secondary education.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, labor market, employed, unemployed; motivation.

References

Golenkova Z. T., Igitkhanyan E. D. Bezrabotnyye: osobennosti rossiyskogo bytiya // Sotsiologicheskoye issledovaniya. 2001. №. 5. S. 67–76.

Kozina I., Popova I. «Slabyye gruppy» na rynke truda: gendernaya spetsifika motivatsii povedeniya // Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki. 2007. T. 5. №. 3. S. 365–368.

Chernopyatov A. M. Sotsial'nyye faktory v formirovaniy mekhanizma motivatsii truda na predpriyatii // Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy. 2010. №. 1. S. 92–93.

Сведения об авторах

Воронин Геннадий Леонидович

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: voroning@isras.ru

Даминова Эндже Альбертовна

Студент бакалавриата факультета социальных наук НИУ ВШЭ,
стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ в 2019 г.

E-mail: eadaminova@edu.hse.ru

Дорофеева Злата Евгеньевна

Научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ,
научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: zdorofeeva@hse.ru

Евграфова Ксения Олеговна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: skenya@list.ru

Киселева Ирина Павловна

Главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ikiseleva@demoscope.com.ru

Козырева Полина Михайловна

Доктор социологических наук, первый заместитель директора
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Заведующая Центром лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ

E-mail: pkozyreva@hse.ru

Косолапов Михаил Самуилович

Кандидат философских наук,
руководитель Центра методологии социологических исследований
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: mkosolapov@isras.ru

Низамова Алфия Энварьевна

Кандидат социологических наук,
главный эксперт Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ.
Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: anizamova@hse.ru

Рощина Яна Михайловна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ,
ведущий научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ

E-mail: yroshchina@mail.ru

Сивкова Ирина Викторовна

Младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ishustova@demoscope.com.ru

Смирнов Александр Ильич

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: smir_al@bk.ru

Соколова Светлана Борисовна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: sveta@demoscope.com.ru

Тонис Елена Игоревна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ea163100@mail.ru

Научное электронное издание

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)**

Корректор: В. В. Камышан
Компьютерная верстка: Е. И. Григорьева, И. М. Ситдиков

Уч.-изд. л. 8. Объем 1,53 Мб.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 621 7983; 628 7931
E-mail: hse@hse.ru